

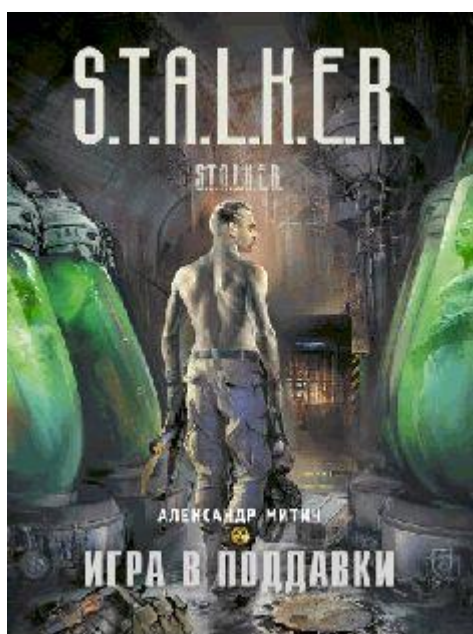

Александр Митич

Игра в поддавки

Аннотация

Зов Зоны непреодолим. Повинуясь ему, «завязавший» сталкер Чемодан вновь идет за периметр, но не за добычей. Он ведет к Монолиту своего родственника, молодого талантливого математика. Зачем? Чемодану кажется, что он знает ответ. Но ответ совсем иной, и вот уже начинается небывалое: Зона «подыгрывает» странной парочке в меру своих далеко не безграничных возможностей. Зона играет в поддавки, но только Зона. Ее обитатели – сталкеры, торговцы, военные – напуганы: такого еще никогда не было! Зона меняется. Что же будет, когда эти двое доберутся до цели? Слишком многих устраивает сложившийся статус-кво, и слишком многие пытаются помешать героям дойти до цели...

Александр Митич

Игра в поддавки

Глава 1

Нам нужен ночлег

Мы хорошо идем. Так хорошо, как я еще ни разу не ходил в Зоне. Подозреваю, что так лихо до нас еще никогда не ходил ни один сталкер. Ну, может, единицы из многих сотен, если не тысяч, когда-либо пробиравшихся за Периметр. А все Вычет, это его работа. Доказать не могу, но нутром чую. От таких, как он, сама Зона может озадаченно притихнуть.

Вычет – это какой-то математический термин. Вычет функции или еще чего-то, точно не скажу, потому что мне вся эта заумь без надобности. Мой напарник сам придумал себе такое прозвище, и оно идет ему как нельзя лучше. Во-первых, он математик, потусторонняя голова. У таких, как он, природа вычла все доступные нормальному мужику радости жизни – нормальные человеческие интересы, нормальные разговоры с друзьями за водкой или пивом

и еще многое другое. Он даже не болельщик, представьте себе. Во-вторых, он тощ, узкогруд и ростом не вышел – посмотреть не на что. Ну Вычет и есть. Вообще-то для живой отмычки это ценное свойство – тощему червю куда легче протиснуться между аномалиями, чем здоровому бугаю. Это в теории. На практике же получается, что первым обычно иду я. Главное, сам иду впереди, а не его гоню. Вот почему, а?

Знал бы – сказал. Честное слово. Но не знаю. И почти не злюсь на Вычета.

Совершенно точно не потому, что мы родственники. Я старше, но прихожусь ему двоюродным племянником. Подумаешь, родство! Разные семьи, разные города... Да мы с ним едва узнали друг друга, когда довелось встретиться!

Я и сейчас иду впереди. Эта местность сравнительно безопасна – лес, ручьи, болота. Заболоченный лес. Заросшее болото. Увязнуть по колено, а то и провалиться по пояс – раз плюнуть. Попадаются места, где и утонуть недолго. Много коряг. Сухие деревья торчат в болоте, растопырив мертвые ветви. Мы петляем. Упираемся в непроход, возвращаемся, огибаем. Прямой дороги в таких местах не бывает. Жарко, течет пот по лицу и спине, вьется и лезет в глаза мошкара. Воняет гнилью. Все это обычные неприятности, таких мест на Земле навалом и вне Зоны, но здесь кажется, что Зона специально заболотила лес, чтобы сталкерам жизнь медом не казалась. На самом деле, конечно, ничего подобного: болото существовало тут еще до Первого взрыва. Зона очень мало добавила к нему. Будто понимала: зачем пакостить там, где и без того пакостно?

Однако чуть правее линии движения вижу «трамплин». Забавное зрелище – «трамплин» над озерком ржавой воды. Смахивает на китовый выдох, который совершенно не думает заканчиваться, лишь пульсирует. Висит мелкая водяная взвесь, а в ней, как в насмешку, недвижно зависла радуга. Красивая, стерва.

Вычет знает, что такое «трамплин», но, пройдя мимо аномалии, я все равно оборачиваюсь на ходу. Так и есть: мой напарник остановился и пялится на радугу. То ли прикидывает что-то в уме, то ли просто любит, у него не поймешь. Вперед! Двигай давай! Нам еще часа три эту жижу месить.

Мы идем на восток. Вычет хотел двинуть прямо на север к Агропрому. Мальчик. Это даже не смешно. Ночевать там? Благодарю покорно. Ни в Агропроме, ни на подходе к нему ночевка совсем не полезна для здоровья. Вдобавок на прямом пути недалеко к северу от нас лежат плохие места: монстры, скопления аномалий. Да и бандиты там шарят, караулят сталкеров, возвращающихся с хабаром. Если бы мы намеревались просто собрать немного артефактов – тогда да, имело бы смысл рискнуть, особо не зарываясь. В прежние времена я много раз так делал. Тут главное не позволить себе увлечься: набрал немного – и назад. Жадность губит сталкера точно так же, как фраера. А не жадничай, держи ушки на макушке, умей учиться на чужих ошибках! Сдал торговцу невеликий хабар, набрал взамен еды, патронов, отложил в кубышку малую толику на черный день – и снова на охоту. Таких, как я, было несколько, а теперь из них уж никого нет, наверное. В смысле, нет в Зоне. Потому что сталкер-мелочевщик – это умный сталкер. Не ловкий, не сильный, не меткий, не тонко чувствующий аномалии, а именно умный. Такие чаще остаются в живых и, случается, бродят по Зоне годами, прежде чем поднакопят денег и помашут Зоне ручкой. И ничего им не делается, потому что они примелькались и всякий знает: у них при себе только мелочевка, особо не поживишься. Зато ходить им приходится в одиночку, потому что делить невеликую добычу на двоих – чрезмерная роскошь.

И я так ходил. Принадлежал, как мне казалось, к числу умных. Умные они, кстати, еще и потому, что не отравлены Зоной, не гонятся за златыми миражами, как тот ослик за морковкой, не ищут Исполнитель Желаний, который то ли помещается в Монолите, то ли нет, а просто хотят заработать, чтобы, накопив достаточно, расстаться с Зоной навсегда. Не у всех это получается, далеко не у всех, но у многих.

У меня получилось. Три года я ходил по Зоне, и три года назад навсегда, как мне казалось, покинул ее. И вот – вернулся. Наверное, я все же не очень умный – умных обратно в Зону не тянет...

Болото расщедрилось на подарок: мы выбредаем на сухой островок, окруженный зыбуном, круглый и выпуклый, как черепаший панцирь. Здесь растут сосны, под ногами хвоя, и, если не оглядываться на зыбун, место выглядит умиротворительно. Но пусть умиляется Вычет, а у меня рефлекс: гляди в оба.

Нет, вроде ничего... Сосны как сосны. Одна, та, что с краю, перекорежена, перекручена, расщеплена повдоль, только что узлом не завязана. Хвоя еще зеленая, а значит, «карусель» прошла здесь недавно. И угробила не только дерево – вон одинокий ошметок камуфляжа, а вон висит фрагмент рюкзака – на сосну заброшен. Больше ничего нет: был сталкер – и нет сталкера. Странно все-таки: как его в «карусель» затащило? Пустого места вокруг сколько угодно, островок не так уж мал. То ли совсем дурак был, то ли его загнали в «карусель» монстры или люди, то ли аномалия возникла внезапно. Еще возможный вариант: «карусель» подхватила уже мертвого и ограбленного сталкера. Если хорошенько поразмыслить, можно придумать еще полдюжины маловероятных, но все же возможных вариантов смерти этого бедолаги. У Зоны не спросишь, потому как нет у нее привычки отвечать на праздные вопросы. Все, что тебе надо, у тебя перед глазами – смотри, слушай, нюхай. А главное, думай.

Пока, кажется, безопасно. Детектор молчит. Сами сосны говорят о том, что островок крайне редко становится местом рождения аномалий. Вот дальше к северу, за болотом и за моей бывшей охотничьей зоной, тянутся совсем другие леса – сухие, зато с жуткими буреломами и выжженными участками. Если человек, зверь или дерево попадает в «жарку» – привет, лесной пожар неизбежен. Странно еще, что все леса в Зоне давным-давно не выгорели дотла, но в Зоне столько странного, что ученым еще на сто лет работы хватит. Может, деревья зачем-то нужны Зоне?

– Привал, – команду я.

Вычет немедленно снимает рюкзак и валится на слой опавшей хвои. Какой же он все-таки... неподходящий. Не для Зоны рожден парень. Для кабинета. Или лаборатории. Или аудитории. Типичный худосочный очкарик – даже жаль, что вместо очков он носит контактные линзы. Решил, что в Зоне с ними будет удобнее, наивный.

– Устал? – спрашиваю, хотя и так вижу.

Он пренебрежительно машет рукой и тянется к фляжке:

– Терпимо...

Ну-ну. Герой.

– Отдыхаем двадцать минут. Потом идем... вон туда идем. – Я показываю рукой. – Если нигде не застрянем, заночуем в лагере. Там и пополнимся.

У нас мало провизии. Патронов – этой валюты Зоны – напротив, вполне достаточно, но меня прямо корежит при одной мысли о том, чтобы обменять часть наших боеприпасов на пищу. Денег – совсем нет. Всех собранных нами артефактов – один, да и тот всего лишь «медуза». От силы хватит на два стаканчика дешевого пойла в баре «Харчи». Мы идем по бедным местам, и неспроста. Нам не резон встречаться с людьми, кем бы они ни были. Мы воспользовались старой, известной мне еще с прежних времен и очень неудобной лазейкой в Периметре. О ней забыли, она никому не нужна. Какому нормальному сталкеру охота часами месить болотную жижу, чтобы только выбраться к своим привычным «пастбищам» из этих мест, пустых и гиблых? Здесь и от патрульного вертолета толком не спрячешься. Существуют пути более короткие и безопасные – жаль, что они не для нас.

С тревогой думаю о ночлеге. У нас не хватит «валюты», чтобы заночевать в баре, да это и не лучший вариант, пожалуй. В нас могут узнать тех, за кем идет охота. Наши описания уже наверняка пошли гулять по Зоне, и многие захотят прервать наш путь. Даже слишком многие.

Вычет лежит и ноги задрал на ствол сосны, а я обхожу островок. Что-то мне в нем не нравится, а вот что – не могу понять. Бывает такое ощущение и у молодых сталкеров, и у опытных, только у первых оно чаще всего ложное, надуманное, а у вторых бывает и по делу. Детектор по-прежнему молчит, как партизан. Нет, на островке все чисто, даже вон гриб под

сосной вырос самый обыкновенный. Свинушка. Фонит, конечно, но грибы в Зоне всегда фонят, потому что радионуклидов в здешней почве хватит еще минимум лет на двести. Дикие ягоды есть можно даже вблизи ЧАЭС, они почти чистые, а грибы тянут в себя всю дрянь, что есть в почве, они такие. Еще удивительно, что свинушка с виду совершенно нормальная и на мутантную не похожа. Говорят, будто бы после Первого взрыва от ученых поступило единственное хоть сколько-нибудь разумное предложение насчет дезактивации местности: собирать подряд все грибы, что выросли в зараженных лесах, везти их на полигон и там закапывать поглубже.

Ага... Батальон грибников в общевоинских защитных костюмах. Марш-марш туда-сюда по Зоне. И так много лет подряд. Очень умно, даром что Первый взрыв не породил никаких аномальных зон, а лишь загадил местность.

А когда на ЧАЭС шарахнуло второй раз, все как-то разом забыли и о грибах, и о радиации. Не до того стало. Теперь радиоактивный фон – лишь мелкая неприятность, сплошь и рядом вообще не берущаяся в расчет. Обыкновенный профессиональный риск. Шахтерам грозит силикоз, проституткам – известно что, водолазам – кессонная болезнь, ну а сталкерам – лучевая. Только мало кто до нее доживает.

– Э, что это там? – раздается за спиной.

Вычет уже на ногах и шарит подобранной палкой в болоте возле перекореженной сосны. Вот дурак. Позвать меня – язык бы отсох? Нет, обязательно надо самому пощупать и потыкать. Любому сталкеру, даже большинству «отмычек» известно: в Зоне смотри, слушай, нюхай, но не осязай без нужды! А этот... Говорил же ему! Как ребенок, честное слово, все ему надо пощупать. Чего и ждать от ученого...

– Назад, придурок! – ору я.

Но вещь уже у него в руках, и Вычет рукавом стирает с нее ряску. Морда – довольная:

– Гляди, что я нашел.

Не верю глазам. На ладони Вычета лежит «шнек» – легендарный артефакт Зоны, внешне очень похожий на главную деталь бытовой мясорубки, только чуть покороче и гораздо изящнее. Он темно-лиловый и слегка меняет цвет – наверное, в темноте будет немного светиться. Ну, светящимися артефактами нас не удивишь, но «шнек» – нечто уникальное. Когда я был активным сталкером, о «шнеке» ходили легенды, а потом как-то сами собой понемногу сошли на нет. Проста человеческая логика: что не попадает, того и не существует. Ха! Теперь-то я знаю наверняка: в давние годы «шнек» попадался кому-то, кто сумел остаться в живых и рассказать о находке. Или продать находку. Возможно, она сменила немало хозяев и оставила длинный кровавый след, прежде чем осела у ученых, военных или частных коллекционеров. А вот чем она может помочь сталкеру и чем способна навредить – о том разные легенды говорили по-разному. Ясно лишь одно: «шнек» не убивает сразу, поскольку Вычет жив и даже улыбается с оттенком превосходства: вот, мол, я какой! Ты, опытный, не заметил, а я, новичок и салага, нашел. И против этого факта ты не попрешь.

Даже он понимает, что нашел редкую вещь. Но вряд ли представляет себе, насколько редкую!

– Переложу в другую руку, а эту покажи, – требую я.

Продолжая скалиться, он демонстрирует мне довольно-таки грязную ладонь. Вроде ничего... Ладонь как ладонь – узковата, правда, для мужика, но всякому видно, что это ладонь, а не копыто. Кисть как кисть, не чернеет и не отваливается.

– Дай-ка сюда.

На ощупь «шнек» теплый, держать его в руке приятно. Никто во всей Зоне не знает, какая аномалия способна породить такой артефакт. Заурядная «карусель»? Быть того не может. Но сосну скрутила именно «карусель», или я ничего не понимаю. Значит, перед «каруселью» на этом самом месте была другая аномалия – может быть, симбионт. Симбионты – конгломераты разных аномалий – бывают всякие и, видать, способны на многое. Не исключена, впрочем, деформация в «шнек» артефакта, оставленного более ранней аномалией. Может, тот бедолага, от которого остались лишь ошметки камуфляжа,

---

потянулся за «шнеком» и был втянут «каруселью». «Карусель» могла быть блуждающей, иногда это с ними бывает.

Возможны, правда, и другие сценарии. До черта их возможно. Например: уже завладев «шнеком», сталкер не без помощи своей находки теряет ориентацию в пространстве и влезает в аномалию. Или: «шнек» сотворен все-таки самой «каруселью», но во взаимодействии с телом несчастного сталкера и собранными им ранее артефактами.

Ничего не понятно. Но «шнек» я не брошу.

– Если бы мы шли за деньгами, то, считай, полдела было бы сделано, – говорю я. – Осталось бы только донести товар до покупателя, взять настоящую цену и уйти живыми. Знаешь, сколько можно взять за такую вещь?

Вычет не знает. Я называю сумму, уменьшив ее приблизительно втрое. У Вычета глаза лезут на лоб.

– Так много?

Еще бы не много. Ему за всю жизнь столько не заработать. И мне тоже.

Вопрос только в том, на что способен «шнек» в человеческих руках. Часто, очень часто артефакты Зоны помогают человеку – например, могут сделать его малочувствительным к некоторым видам аномалий. Я знал одного сталкера, выжившего после попадания в мощный «трамплин» – без «ночной звезды» он разбился бы в блин, а с «ночной звездой» всего лишь сломал позвоночник. Не смейтесь, разница все-таки есть. Иногда. Кстати, он выжил – напарник вынес его на себе. Я был тем напарником.

Но «ночная звезда» фонит так, что поноси ее на поясе суток двое – начнется рвота, а на девочек никогда больше не потянет. Проверяю «шнек» – гм, ничего особенного, нормальный фоновый уровень Зоны. Значит, подлянка в чем-нибудь другом, потому что артефактов без подлянок почти не бывает. Если кажется, что подлянки нет, значит, плохо искал.

– В контейнер! – Я протягиваю «шнек» Вычету и вдруг отдергиваю руку. – Стой, замри!

Я мог бы сказать «молчи», а не «замри», потому что поблизости нет явной опасности. Но «шнек» тоненько пищит – тихим звенящим писком, как комар. Вычет понял правильно: застыл, как изваяние, молчит и дышит через раз.

– Слышишь? – спрашиваю шепотом.

Он мотает головой. Передаю ему «шнек».

– Теперь слышишь?

Кивает. Зрачки расширены – испугался парень. Ничего, сейчас вреда в этом нет.

Отбираю «шнек» и вновь медленно обхожу островок. С восточной его стороны писк становится громче. Это не артефакт пищит – это в ушах у меня пищит, когда «шнек» зажат в ладони. И сразу – мороз по коже. Будто наждаком из морозильника прошелся кто-то по моей спине. Продрало – и мурашки побежали. Ага, вот оно что... В ржавой воде с восточной стороны что-то есть... нехорошее. Аномальный объект. Ловушка. Глазами ничего не видно, детектор эту ловушку тоже не видит, но она есть. Спряталась. Ждет. Какая именно ловушка – не имею никакого понятия. Может, «холодец», может, «зыбь». Но не сильно удивлюсь, если «воронка», хотя кто и когда видел «воронку» в болоте? А с другой стороны: кто и когда устанавливал правила для Зоны? Она сама себе устанавливает правила, а заодно и нам.

– Запишем в актив: «шнек» резко увеличивает чувствительность человека к аномалиям Зоны, – просвещаю я Вычета. – Значит, он еще дороже, чем я думал. Но мы его не продадим... во всяком случае, пока. Никому – слышишь, никому! – не вздумай дать понять, что у нас есть такая вещь. Ни словом, ни взглядом. Если кто-нибудь узнает или только заподозрит – считай нас трупами. Мы нищие, понял? Что возьмешь с голодранцев?..

Он еще наивный, зато понятливый. После того, что мой напарник наболтал в Предзоннике, нас всего-навсего подстрелят при случае, да и то не всякий сталкер захочет тратить патроны. Информация о нас пущена и распространяется, но гоняться за нами, брать нас в облаву, устраивать специальные засады никто не станет. По Зоне идут люди, опасные для Зоны? Ладно, пусть идут. Авось сгинут сами, а если нет, то рано или поздно заночуют в

каком-либо лагере сталкеров, или обратятся к торговцу, или просто вступят в случайный контакт. Вот тогда их и вали, а гоняться за ними – себе дороже.

Но если узнают о «шнеке» – погоня будет. Еще какая. Сафари будет. Загонная охота, массовая облава. Кто из сталкеров откажется в один миг стать долларовым миллионером, а заодно сделать доброе дело – угробить тех, из-за кого Зона может стать уже не прежней Зоной, а чем-то иным? Да его за такой подвиг год бесплатно поить будут!

Многих устраивает сложившийся за годы статус-кво. Слишком многих. И даже те, кто клянет Зону на чем свет стоит, желают лишь частных перемен, а вовсе не глобальных. А вдруг Зона начнет убивать без разбора всякого сунувшегося в нее человека? Или, того не лучше, вообще исчезнет, рассосется? Кому это надо? Уж точно не сталкерам, не торговцам, не бандитам, не военным и не ученым... А также не больным на всю голову «свободовцам» и «долговцам». О «монолитовцах» и прочих зомбаках я вообще молчу.

Вычет просчитал все это в один момент. Математик, а с житейской соображалкой у него все в порядке. Даже странно. Жаль только, что это у него идет полосами – то очень разумный мужик, а то вдруг наивен хуже ребенка. Сам разболтал, кто мы такие и зачем в Зоне. В тот же день нас впервые попытались убить не ради банального грабежа, а ради того, чтобы мы не посягали на святое. Мало ли что сама Зона этого хочет! Перетопчется. Отбиться-то мы отбились, но нападавших не положили, только привлекли к себе внимание, а в итоге «Зов Зоны» вопреки здравому смыслу считается теперь не сказкой, а подтвержденным явлением. Идущий на Зов опасен для статус-кво. Зачем Зона его зовет? Чего ей не хватает? Что он несет в себе? Что произойдет, если он достигнет цели?

Вот же идиоты! Нет никакого Зова. Есть только глупость человеческая, ее – море. Сон разума рождает чудовищ. Чудовища в данной ситуации – это мы.

С южной стороны от островка через болото не пройдешь – там настоящее озерко, и видно, что глубокое. Не возражаю; топать на юг – делать лишний крюк. Прямо на восток по мелкой ржавой водичке тоже не сунешься – мне аж нехорошо от писка «шнека». На запад нам не надо – мы пришли с запада. Значит, идем на север до леса. Через зыбун идем... черт, нехороший какой зыбун! Длинные шесты нужны, четыре штуки. Кладешь их параллельно, как рельсы, и движешься по ним крабьим способом – ноги на одном шесте, руки на другом. По двум шестам пробираешься бочком-рачком, а два других, с которых уже слез, подтягиваешь и укладываешь перед собой. Ползучая гать. Муторно, тяжело, зато надежно. И молись, чтобы не пролетел патрульный вертолет.

Топорика у меня нет – есть мачете в ножнах на холке. Ношу его, как герои фэнтезийных дурацких фильмов носят свои мечи, – рукоятка за правым плечом. А что, удобно. Плюс мачете в том, что им можно и колбасу нарезать, и нетолстое дерево свалить. Один предмет вместо двух. И одно движение вместо двух, если надо выхватить клинок и сразу нанести удар. А уж отбиваться им от мутантов не в пример способнее, чем штык-ножом. Проверено.

Срубаю четыре юные сосенки, освобождаю их от верхушек. Одна толстовата, бревно, а не шест, но на островке выбирать не приходится – что выросло, то выросло. Скажи спасибо, что хоть не кактусы.

Ползем. Сопим. Шлеп-шлеп. Топ-топ. Очень медленно и очень противно. Жужжит и кусается мошкара. Солнце клонится к закату. К счастью, участок зыбуна, который нам надо пересечь, невелик – всего метров сто – сто двадцать. В некоторых местах кажется, что можно бросить надоевшие шесты и идти, как ходят все нормальные люди. Мох ведь. Растеньица какие-то на нем произросли, невзрачные, а ведь укоренились на чем-то. И что с того, что из мха в изобилии выдавливается вода? Пройдем, чего там!

Вот так и тонут люди. «Окно» в зыбуне нередко заметишь лишь тогда, когда провалишься в него. Иногда сразу с головой – и кранты. Иногда только по пояс или по грудь, и тогда, если нет шеста и некому помочь, трясина посмакует тебя, словно леденец, прежде чем засосать. А вы что себе думали – сталкеры в Зоне гибнут только от аномалий, мутантов и пуль? Человек такой дурень, что найдет способ загнуться где угодно.

Не всякий, понятно, человек. Уж точно не я.

До заведомо твердой почвы остается метров пятнадцать, когда Вычет трогает меня за плечо:

– Что это там, а?

Метрах в ста от нас на участке открытой воды расходятся кольцевые волны. Кто-то вынырнул и вновь занырнул. Судя по волнам – довольно крупный.

– Скорее, – шепчу я.

Этот дурень хватается за автомат. Да забудь ты про свой АКСУ! Не время!

– Шест, идиот!

Двигаем шест, укладываем. Двигаем второй. Быстро-быстро перебираемся на них. Снова двигаем... Шесты измазаны грязью, ноги скользят. Быстрее, но, ради всего святого, без суеты!

Шагах в пятидесяти от нас зыбун начинает шевелиться, и это мне очень, очень сильно не нравится.

– Шест! Шест!

Уложили один, а второй укладывать некогда. Колыхание зыбуна уже рядом.

– Делай, как я!

Вскакиваю и бегу по шесту, как эквилибрист. Метрах в двух за дальним концом шеста торчит кочка, не очень надежная с виду. Но приходится прыгать на нее, потому как больше некуда.

Прыжок! Прыжок! Еще прыжок! Мне повезло, я не оступился и не завяз, я уже на твердой земле и с автоматом в руках прикрываю Вычета. Тот проваливается по колено, но каким-то чудом умудряется вырваться, потеряв не более секунды, и падает рядом со мной. Хватаю его за шиворот, волоку в лес. Уфф! Ушли.

– Что это было? – Вычету обязательно надо все знать, как юному натуралисту.

– Ленточная змея. Редкая тварь, впервые ее вижу...

– А разве мы ее видели?

– Перестань, – говорю. – После подкалывать будешь.

– Говорят, будто ее предковый вид – обыкновенный уж? – любопытствует Вычет, и страха у него как не бывало.

– Ты меня спрашиваешь, кто ее предок? – Я взвинчен и зол. – А мне до фени и предки ее, и потомки! Убежали от гадины – вот и ладно. Радуйся. Ты хоть знаешь, какой длины эта тварь?

– Нет. А какой?

Мне хочется дать ему в ухо.

Интересно, как отреагирует на это Зона? Вероятно, никак. А если я вдруг захочу убить его – тогда как? Нет, я совершенно не хочу его убивать, но все же – как?

Черт ее, Зону, знает. Но если я могу думать об этом, значит, Зов не так уж силен. В предположении, что он вообще существует, Зов Зоны, а предположение это самое что ни на есть дурацкое. Тогда почему я думаю об этом? А главное, почему я снова здесь?

Может, я просто ненормальный? Ну с чего мне вспоминать свое сталкерское прошлое и снова тащиться в Зону, да еще тащить с собой Вычета? Разве мне плохо жилось?

Сейчас мне некогда думать об этом. Голое болото осталось позади, а впереди лежат километры заболоченного леса. Много коряжника, много воды, но из всех аномалий – лишь несколько клочков жгучего пуха на одной из полян, да и тот, гонимый слабым ветерком, летит мимо. Артефактов, естественно, нет, людей нет, никого нет. Даже зверья не видно. Слышен надтреснутый гул вертолета, но и тот барражирует не над нами, а сильно в стороне. Здесь совсем не гиблые места – просто никому не нужные. Крайне странно, что в этом болоте мы нашли «шнек», хотя давно замечено, что наиболее редкие и ценные артефакты, известные поштучно, не добываются через противодействие всему злу Зоны, а находятся случайно теми, кто и не мечтал о таком счастье. Как крупные алмазы или золотые самородки в полпуда весом. Кто ищет их прицельно, тот вряд ли найдет – редкость есть редкость.

Прицельно надо охотиться за чем-нибудь менее ценным и более распространенным.

Мы с Вычетом уже делились мнениями по этому вопросу. Он уверяет, что выбор оптимальной ценности хабара – элементарная математическая задача, только я ему не верю. Кто такие сталкеры? Люди. Может быть, отчасти правы гниды, утверждающие, что сталкеры – это бывшие люди, но, бывшие или нет, они все равно люди. А человека не очень-то подвергнешь математике; люди – они разные. Кто-то очень жаден, а кто-то не очень. Этот осторожен сверх меры, а тот лезет в самое пекло, и не потому, что дурак, а так ему хочется. Адреналин в нем, видите ли, так и плещется, чуть не кипит. А кто-то просто-напросто не мыслит себя вне Зоны. Конечно, все хотят выжить и разбогатеть, но только вот в чем завыка: те единицы, кто разбогател и вовремя расстался с Зоной, действовали по-разному. Нет общего рецепта. Кто-то годами собирал мелочевку, как я, а потом ему вдруг подфартило. Кто-то один-единственный раз залез в такое скопление аномалий, что и слушать-то об этом страшно, а все же сумел выбраться живым и целехоньким, добыв нечто уникальное. Встречаются даже дебилы, шарящие по Зоне под наркотой, – и ведь тоже иной раз кое-что нашаривают! А бывают умники-разумники, гробящиеся там, где сто придурков пройдут. Если бы Вычет показал мне статистику везения, я бы ему поверил, а расчеты на пустом месте – увольте. Только вот нет почему-то в Зоне статистиков, а верить каждой байке – слуга покорный.

Кстати, Вычет очень похож на упомянутого умника-разумника. Любой сталкер взглянет со стороны и скажет: типичная «отмычка», жить ей недолго. И хрен с ней. таких не жалко.

Да только у Зоны, похоже, свое мнение на этот счет.

Лес становится суше, болото кончается. На первом же сухом пригорке команду привал и делаю знак Вычету: закройся, мол, я не намерен ни болтать, ни слушать болтунов. Мне есть над чем поразмыслить.

В этом лесу уже легче напороться на сюрпризы, но не в том дело. За лесом на той стороне – лагерь сталкеров, несколько полуразвалившихся, кое-как подлатанных строений, чуть ли не по крышу заросших крапивой, вьюнком и всякой прочей растительной дрянью. Уже пять лет назад руины были прочно обжиты кланом Сидора Лютого. Моим кланом. Мы даже возвели из чего попало несколько новых хибарок, а когда псевдопес отгрыз Сидору ступню, не помешали нашему бывшему вождю и авторитету построить бар и перекавалифицироваться в торговца. Говорят, будто Сидор еще при деле, и это для нас хорошо. Но он торговец, и это плохо. Хватит ли трех лет, чтобы жесткий, но справедливый мужик превратился в продажную суку?

По-моему, с лихвой. Хотя раз на раз не приходится.

Можно заночевать в лесу, но это на крайний случай. Не считая ленточной змеи и гнуса, мы не встретили сегодня никакого зверья, но это ничего не значит. Что-то мне не нравится тишина вокруг, какая-то она уж очень мертвая. Так бывает, когда кто-то сильный выслеживает добычу, а более слабые, учуяв голодного хищника, прикидываются, что их здесь нет. Может, это воображение шалит, но, как бы то ни было, ясно одно: если ночевать прямо тут, то не спать всю ночь. Обоим. Быть в готовности к нападению с любой стороны и не расслабляться. Хороши же мы будем завтра – пара валяющихся с ног невротиков!

А ведь есть ночлег. Лагерь. Его по привычке называют лагерем Сидора, хотя, по слухам, в клане давно верховодит Штангель. Понятия не имею, хорошо ли это для нас. Отстал я от жизни.

– Сзади слева, – команду я Вычету.

Он реагирует с опозданием – расслабился. Лишь спустя секунду он на ногах, и ствол повернут куда надо. Сосунок еще. Если бы нас атаковал псевдопес или снорк, уже можно было бы заказывать заупокойную.

– Что там? – шепчет он.

– Не видишь? Лес там. Если бы там кто был... Все, хватит лодырничать. Встали, пошли.

***

До лагеря мы добираемся уже в темноте и под моросящими осадками. Кончилась хорошая погода, побаловала нас целых полдня и сказала: баста. Вы в Зону пришли или куда? Тогда жрите, что дают, а дают здесь хмурое небо, туманы, морось и прочие атмосферные явления из раздела «безотрадные». Чай, не на курорте.

На деревянной мачте горят три прожектора, разгоняют мрак. Стучит дизель. Топливо, выпивку и жратву для бара, боеприпасы и многое нужное сталкеру Сидор получает по раздолбанной узкоколейке – дрезина ходит регулярно. Кое-что выменивает и у военных, у них тут лагерь неподалеку. Закопались вояки в землю, как кроты, забетонировались и сидят, а в Зону ходят в наряды, как на службу, и трусят отчаянно. Я бы так жить не смог даже за хорошие деньги. Считается, что они поддерживают порядок и попутно собирают артефакты для науки, а на деле шарахаются от всего, что не человек, – человека же могут и пристрелить с перепугу. Нет, не все они такие, но в большинстве. Хотят отслужить контрактный срок и остаться живыми, а нормальным людям только мешают. Если бы они не приторговывали кое-чем, терпеть их было бы невозможно.

Нормальные люди сейчас в баре – оттуда слышны крики и хохот. Не зайти нельзя – наверняка нас уже заметили. Это только кажется, что лагеря сталкеров беззащитны перед нападением со стороны, – на деле среди пьяных и разгульных всегда найдется несколько трезвых, следящих за обстановкой. И при крике «полундра» клан уже через несколько секунд готов дать такой отпор, что чертям тошно станет.

Поднимаю вверх обе руки и машу ими – всем понятный интернациональный жест: я свой, ребята, не делайте во мне лишних дырок. Вычет проявил догадливость – без подсказки повторяет мои движения.

Бар – щитовой, крытый оцинковкой домик, возведенный над заглубленным бетонным сооружением – не то старым бункером непонятного назначения, не то просто фундаментом так и не построенного дома. Сдаем оружие при входе. В баре дым коромыслом. Волглая жара, воняет кислятиной, сигаретный дым висит под потолком. В глазах рябит от камуфля. Притон. Родные пенаты. Много незнакомых рож, но есть и знакомые...

– О! Гляньте, смертнички, кто пришел! Чемодан собственной персоной!

– Привет, старик! Сколько лет, сколько зим! Как дела чемоданные?

– Здорово, мужики, здорово...

Чемодан – это я. Глупое прозвище, а дело было еще глупее. Как-то раз возле разрушенной фермы я набрел на останки двух «долговцев» – впрочем, не поручусь, что это были именно парни из «Долга», уж очень они обгорели. Судя по характеру поражения, над ними дуэтом поработали «электра» и «жарка». Я подобрал оружие этих бедолаг и собранный ими хабар – большей частью дешевенькие «капли» и «кровь камня», – а также прибор не известного мне назначения. В рюкзак все это добро не помещалось, а я в молодости был упрям и решил, что прибор нипочем не брошу. Вдруг он ценный? «Долговцы», как всем известно, сдают хабар ученым, а значит, те в порядке ответной любезности могли снабдить их новейшим супердетектором или еще чем-нибудь в этом роде. Можете сколько угодно смеяться, но, покопавшись возле развалин фермы в куче гнилого мусора, опасно соседствующего с «жаркой», я отыскал – ну да, верно – еще вполне пригодный кожаный чемодан. На ловца, как утверждает пословица, и зверь бежит. Кто хорошо ищет, тот всегда найдет... приключений на свою задницу. Я был настолько глуп, что поперся через Зону с тяжелым чемоданом, и в меня стреляли только один раз, да и то издали. Может, я просто не попался на глаза бандитам, может, они впадали в ступор при виде сталкера с чемоданом, а скорее всего сработала еще одна пословица: дуракам везет. Я произвел фурор в баре «Харчи» и заслужил дурацкую кличку, по Зоне пошла гулять еще одна байка, а главное, все мои труды пропали без толку: прибор, внешне целый и даже красивый, изнутри оказался

выжжен в прах – наверное, молнией «электры». Коллеги ржали.

- А пузо-то отъел! Чемодан, где так кормят?
- Там, где нас нет. Здорово, Кудеяр! Как оно?
- Спасибо, хреновенько.

Ну естественно. Кто ж из сталкеров станет хвастать, что жизнь хороша, а хабар обилен. Дурная примета.

Делаю вид, что не заметил, как на нас смотрят. Значит, информация дошла уже и сюда. Ну так что же? Этого следовало ожидать. Нет, нас не грохнут прямо здесь и сейчас, не такие в клане порядки, но вот завтра...

Вся моя надежда на Сидора. Я должен отыграть как надо.

Бармен новый, морда незнакомая. Не знаю, в курсе ли он насчет нас с Вычетом, но понимает: на огонек зашел не абы кто, не шпынь ненадобный. И понимание отражается на морде заученным радушием. Заказываю две «Кровавые Мери», а он, подонок, мотает головой – кончился, мол, томатный сок, авось подвезут завтра. Ну, тогда для начала две по сто и колу.

- Закусывать будете?
- После первой не закусываю.

Места у стойки заняты, но есть два-три свободных столика. Не угловых, не в тени, а у всех на виду. Ладно, это нас устроит. Киваю Вычету – двигай за мной, мол.

- Чемодан?! Какими судьбами?
- Привет, Хвост, – отвечаю. – Давненько, давненько... Подсядешь?

Еще бы он не подсел. Сталкер он удачливый, имеет недурное чутье, но до сих пор не усвоил, что любопытство – порок. И вообще он дрянцо, всем известно, что его «отмычки» долго не живут.

– Что новенького и старенького? – спрашиваю. – А то поотстал я тут... Три года – срок большой.

– Так ты что. снова к нам? – в большом сомнении вопрошает Хвост, и глаза его лезут из орбит, а белесые брови ползут к рыжим волосенкам.

- А что?
- Да так... ничего. Слух тут был про тебя... интересный.
- Слыхал уже. Плюнь в рожу тому, кто такие слухи распускает. Как тут вообще?

Проктолога не вижу. Где он?

– Накрылся Проктолог, – сокрушенно вздыхает Хвост. – Только это давно было, года уж два как. «Воронка» засосала – и кранты.

– Ну, помянем. – Я делаю глоток. Водка у Сидора за три года лучше не стала, дерет, как наждаком. – Хороший мужик был Проктолог.

Вычет тоже отпивает глоточек и отчаянно силится не поморщиться. Не вздумал бы выпить все разом. Такого хлюпика с устатку и не евши и от ста граммов может развезти.

- Кто еще из тех, кого я знал?
- Оса и Верхолаз. Оса недавно совсем. С напарником, ты его не знаешь. Не укрылись от выброса и... может, теперь бродят где-то. Без мозгов.

– Видел кто-нибудь?

– Нет. ПДА Осы Заноза нашел, а самого Осы и след простыл. Говорят, у его напарника своего ПДА не было. Значит, так ушли.

Понятно. Какой же сталкер, находясь в здравом уме, пойдет гулять по Зоне без двух вещей – детектора и карманного компьютера? Значит, двумя сталкерами-зомби в Зоне стало больше. Это уже не жизнь, но еще и не смерть. Впрочем, долго они, как правило, не живут – чутье чутьем, а без ума, а главное, без карманной аппаратуры в Зоне долго не протянешь. Человек есть человек, а не зверь-мутант. Настоящим звериным чутьем с человеком никто не поделится, выжжены у него мозги или нет.

- Помянем Осу. – Делаю еще глоток. Экономный. – А где Штангель?
- Пошел в «Сто рентген». Если надо чего решить – с Сидором решай.

Ай да Хвост! Иногда я его просто люблю. Он молчит, как надолба, лишь когда видит в том прямую выгоду для себя, а видит он недалеко и вообще не комбинатор, хоть и куркуль. Может подсказать что-нибудь, ему не жалко.

Значит, Сидор еще в авторитете. Значит, он рулит кланом в отсутствие Штангеля. Что ж, могло быть хуже.

– Ладно. А Француз где? Жив?

– Жив-то жив... – кривится Хвост. – Не поверишь – он в «Долг» подался.

Действительно, не очень-то верится.

– Француз – «долговец»? Разыгрываешь?

– Гадом буду.

– Ну, дела...

Хвост не выдерживает первым – начинает ржать. Я тоже. Рядом скромно подхихикивает Вычет – и зря. Он неправильно понял мою инструкцию: не выделяться, изображать скромного новичка с затаенными амбициями. Новички через одного такие. Но он не знал Француза и мог бы вместо хиханек недоуменно похлопать глазами.

А смеемся мы вот над чем. Из всех известных мне сталкеров Француз был самым неопрятным в уходе за одеждой и снаряжением. За что и кличку схлопотал – похож, дескать, на француза в двенадцатом году с известной картины. И этот разгильдяй теперь в «Долге», полувоенной организации с подобием устава и строгой дисциплиной? Умора. Ему бы в «Свободу» – там разгильдяев хватает, нашлись бы родственные души!

– Так он напоказ ушел! – ликует Хвост. – Прямо здесь и сказал: мол, надоел мне бардак, да не только ваш, а вообще бардак в Зоне. И ушел. Никто и отговаривать не стал, думали, вернется. Да куда там!

– А Лысый?

– Сидит Лысый. Пять лет строгака.

– Понятно. А Кипяток?

– Жив Кипяток. Бросил сталкерство вслед за тобой, а потом вернулся. Года не прошло – и вот он. Соскучился по вам, сволочам, говорит. И в первый же вечер – драка...

Хвост смеется, ему хорошо. Он нашел благодарного слушателя. Может, и еще кто подсядет к нам языки почесать. Может, ребята и выпивку мне поставят. Не откажусь, хотя на голодный желудок не стоило бы. Слушая Хвоста, обшариваю глазами помещение и вижу: шепчется народ, на нас искоса поглядывает. Незнакомые – те просто буравят глазами. А из знакомых никто, кроме Хвоста, к нам так и не подсел, хотя свободные стулья есть.

Симптом.

Где Сидор? Мне нужен Сидор, но пусть инициатива исходит не от меня. Доложили ему уже?

Наверняка. Но он не спешит, он всегда был из неторопливых и обстоятельных. Потому, наверное, он и со Штангелем ладит, что они два сапога пара: Штангель точен, аккуратен и осмотрителен. И так же безжалостен, как Сидор Лютый, когда прикинет в уме варианты, найдет линию поведения и будет двигаться по ней с мощью локомотива. Торчишь столбом на его дороге? Разок предупредит, если сможет. Не злодей же он. Иногда даже способен договориться по-хорошему и слово обычно держит. За то и уважаем. Но если не договорился с ним и не внял предупреждению – пеняй на себя. Стопчет. И весь клан признает, что не он жесток, а ты глуп.

– А ты-то какими судьбами? – интересуется Хвост с виду простодушно, но глаза его выдают. – Соскучился? Снова вписаться хочешь?

– А я и не выписывался.

– Да ну? А кто говорил: уеду, женюсь, буду жить, как все нормальные люди живут, а? Не напомнишь?

– Пожил. Обрыдло. Скучно там.

– И не женился?

– Женился. Домик у Черного моря, сад, виноградничек, пристройка для курортников.

Машина. Микроавтобус. Поселение и экскурсионная программа. В сезон, конечно.

– Дети?

– Бог миловал.

– Мне бы такую жизнь, уж я бы обратно в Зону не рвался, – вздыхает Хвост. – Ты всегда умел устроиться. Э, погоди, да ты на время, что ли, вернулся? Не насовсем?

– Как получится. В случае чего – тыл есть.

– Это если твоя благоверная за кого-нибудь другого замуж не выскочит, – язвит Хвост и, видя, что я каменею, спешит добавить: – Шутка.

Ох, зря ты так шутишь, приятель. Я на такие шутки памятливым. Без тебя, проходимца, знаю, что виноват перед Адой... сбежал ведь и ее одну бросил. Не в курортный горячий сезон, правда. Там, в Коктебеле, сейчас декабрь, ветер пронизывает до костей, далеко в море ходят водяные столбы, и смотреть на них зябко. И в Киеве тоже декабрь, только слякотный, и повсюду декабрь, кроме Зоны. Здесь своя погода. Слабовата зима перед Зоной.

– Давай за твое возвращение. – Хвост поднимает стакан. Поднимаю и я свой, там осталось на донышке. – Ты чего скромничаешь? Хабара нет, что ли?

– Места попались не грибные...

Хвост скорбно поджимает губы, сочувственно кивает. Угостить друга-приятеля выпивкой он и не подумает, всегда был халевщиком. Небось и сейчас думал сделать два дела сразу: прощупать меня и угоститься на дармовщинку.

В первом он отчасти преуспел, самую малость. Но сообразительному достаточно, чтобы понять: мы пробирались сюда по безлюдным местам. Это на севере леса безлюдны из-за того, что никакие человеческие мозги не выдержат тамошнего пси-излучения, а здесь иначе: нет артефактов – нет и сталкеров. Пустые места, никому не интересные, даже бандитам. Правда, при очень большой необходимости там можно спрятаться, отсидеться, выждать... И Хвост мучительно разгадывает ребус: чего ради мы сами сунули головы в капкан? Совсем дурни или, напротив, шибко умные?

Меня тоже интересует ответ на этот вопрос.

Глава 2

Это сладкое слово – «хочется»

В подвале тускло светится пыльная лампочка. Смахнуть пыль и паутину здесь никто и не подумает. За столом с фанерной столешницей двое – я и Сидор Лютый. На табурете в углу сидит третий – телохранитель, а рожа у него такая, что хоть сейчас в комикс или на экран, тупых злодеев изображать. Надбровным дугам позавидовал бы неандерталец, а объему черепной коробки – разве что микроцефал. Мне нет дела до его рожи, но есть дело до «узи» на его коленях. Это немного нервирует. В сущности, глупо Сидору телохраняться – большей глупостью была бы лишь моя попытка взять его в заложники. Тогда мне точно каюк при любом раскладе. Уж на два-то хода вперед я просчитывать варианты умею, а потому не собираюсь делать резких телодвижений. Но Сидор в своем праве, он тут хозяин, а кто я – пока не известно.

Вычет остался наверху – скучает и мается, в ужасе глядя на моих бывших дружков. Правильно себя поведет – ничего ему не сделают, даже морду не набьют. Сейчас его морда мало меня интересует – я выцарапываю жизнь нам обоим.

Сидор глядит на меня почти ласково. Я знаю: он ищет решение. Наиболее очевидное из решений уже давно сидит в его голове: уничтожить нас тем или иным способом, и лучше не самолично. И не в лагере. Но он не спешит. Как истый купец, он должен прежде обдумать иные варианты.

– Хабар есть? – так начинает он разговор, едва кивнув мне в знак приветствия. Как будто не было моего трехлетнего отсутствия.

– Нет.

– Совсем ничего?

– Слезы, а не хабар. Одна «медуза».

– Бывает... – Сидор не выглядит расстроенным. – Зашел, значит, на огонек к старым друзьям... Просто так зашел или надо чего?

– Переночевать.

– А еще?

– Еды, водки и кое-какого снаряжения. В долг.

– Зачем? Уж не к Монолиту ли решил прогуляться?

– К нему. – Мне нет смысла врать.

Крякнув, Сидор достает из-под стола бутылку водки, режет на газетке колбасу. Старая сталкерская привычка решать проблемы за выпивкой. А голова у него крепкая.

Появляются стаканы. Летит и дребезжит по цементному полу крышка с банки маринованных огурцов.

– «Медузу» бармену сдашь. А это – так, угощаю...

– Твое здоровье.

– Ты бы лучше за свое выпил. Что с тобой творится, а, Чемодан? Не расскажешь?

Что ж, можно. Я излагаю с самого начала – как, покинув Зону, нашел Аду и осел у моря, как заскучал, как нашел родственника с проблемами и понял, что вдвоем в Зоне мы составим неплохую команду...

– А это не вы пытались долететь до ЧАЭС на парашуте с моторчиком? – перебивает Сидор.

– Было такое дело.

– А потом приплыли по реке на байдарке и хотели высадиться ниже Припяти?

– Тоже мы.

Кажется, Сидор доволен: я ему не вру. Но следующий вопрос он, по-видимому, сам считает чисто риторическим:

– Ну и на хрена?

Как объяснить ему, что Вычет непременно хотел сначала испробовать пути, кажущиеся ему – ему! – самыми простыми и очевидными? Лишь тот, кто сидит вдали от Зоны, может позволить себе увлечься такими фантазиями.

И как объяснить, почему я пошел у Вычета на поводу?

Не знаю.

– Понимаю, глупо... – Вздыхаю с сокрушенным видом, ерошу волосы. – А с другой стороны, почему не попробовать? Давно уж никто не пробовал. Вдруг что-то изменилось?

– А оно изменилось? – ухмыляется Сидор.

– Служивые не меняются. Оба раза нас засекли, оба раза мы сделали ноги. Чудом, кстати сказать. И в третий раз уже пошли, как ходят все нормальные люди...

Другой бы на месте Сидора сострил, что зря меня Чемоданом зовут – надо бы Бледнолицым. Ибо только он, согласно анекдоту, может наступить два раза на одни и те же грабли.

– Слушай, Сидор, – говорю я задушевно, – мы идем к Монолиту. Хочешь верь, хочешь не верь. Да, я псих. И дурак. И так далее. Но мы идем к Монолиту, и этот парень – не «отмычка». Я его доведу, если смогу. Ему надо.

Сидор молчит, но и молча умеет вытягивать слова. А мне наплевать. Я говорю чистую правду, и в этом, возможно, наш единственный шанс.

– Жена у него умерла. Недавно. Лейкемия.

– Просить идет? – Сидор поднимает бровь.

– Нет, блин, на прогулку вышел! Вопросы, извини, у тебя... Конечно, просить идет, зачем же еще?

Остро чувствую недоверие. Нет, в том, что Вычет идет просить Исполнителя Желаний вернуть любимую, Сидор не сомневается – повидал уже таких на своем веку. Экскурсанты в

один конец. Он не Вычету – он мне не верит. Я никогда не был самоубийцей, я всегда был очень осторожен, так чего ради сейчас я по своей охоте готов пойти туда, откуда не возвращаются? Или я баки ему забиваю?

– Знаешь, что о вас рассказывают? – говорит Сидор. – Твой парнишка идет на Зов. И ты идешь. Но ты Зоне не нужен, а он нужен. Ты только средство доставки, а вот он – интересная личность. Кому надо, тот давно навел справки. Пинский Ростислав Эдуардович, он же Вычет, двадцать семь лет, из вундеркиндов, математик, автор таких-то и сяких-то научных работ, без пяти минут доктор наук, восходящее светило мировой науки и так далее... Усек?

– Быстро работают... Интересно, кто?

– Кому надо, тот и работает. Мне тоже наводка на тебя пришла. Пол-Зоны о вас уже знает, а еще день-два пройдет – шагу ступить не дадут. Зона абы кого к себе не зовет, ей твой Вычет нужен. Чего ради?

– Ты прямо как дитя малое, – бурчу я, – в Зов веришь. А в лешего и кикимору ты случайно не веришь? Нет никакого Зова!

Сидор не обращает внимания на мои слова.

– Умный совет хочешь? Завтра придет дрезина, я тебя на ней за Периметр отправлю. Вместе с Вычетом твоим. Убирайтесь из Зоны, пока целы, дело говорю. Потом сам спасибо скажешь.

Я медленно качаю головой.

– Не хочешь? – усмехается Сидор. – И после этого ты не под Зобом?

– Я не под Зовом. Я сам по себе.

– Сам по себе ты никогда не пошел бы на это! – Сидор фыркает. – Что я, не знаю тебя, что ли? За три года человек не мог так перемениться. Ладно, слушай. Про «О-сознание» слыхал когда-нибудь?

Теперь фыркаю я.

– Байка это.

– Может, байка, а может, и нет. Мифы, знаешь ли, тоже не всегда на пустом месте рождаются. Была, короче, группа ученых, поддержанная то ли олигархами, то ли еще кем...

– Жидомасонами, – глумливо перебиваю я.

– Заткнись. Крупным капиталом, короче. Цель проекта: влияние на ноосферу, приспособление ее... к определенным нуждам отдельных лиц. Тут у ученых с олигархами взгляды, естественно, несколько разошлись, но уболтать яйцеголовых – не ахти какая проблема. Легенда, как ты знаешь, гласит, что эти умники обосновались возле Саркофага и при помощи неких технических средств умудрились объединить свои мозги в единую систему – этакий Сверхразум. Если фигурально, то Второй взрыв был первым криком младенца-Сверхразума, а Зона и все ее шалости – частью продукт его жизнедеятельности, частью защита. И ты знаешь, что говорят о Монолите – липа, мол, фикция, отвлекающий объект и ловушка для самых настырных и везучих дураков. Между прочим, похоже на правду. – Сидор наставительно поднимает кверху огурец, словно указательный палец. – Теперь смотри, как все складывается. Защита у Сверхразума хорошая, но не идеальная, так? Его влияние на ноосферу что-то не очень ощущается, так? А что такое идеальная, с его точки зрения, Зона? Пустое, недоступное пространство с центром в Четвертом энергоблоке. Так? Чего не хватает Сверхразуму, чтобы окончательно закуклиться и управлять из недоступного убежища всей жизнью на Земле? Элементарно, Ватсон: мощности ему не хватает. Не знаю, как там у них с машинерией, а интеллектуальную мощь нарастить очень просто: надо заманить в зону одного или нескольких молодых гениев и подключить их мозги к Сверхразуму. Ну? Понял теперь, зачем Зоне нужен Вычет? И зачем ты? И во что может превратиться Зона?

– Ты правда во все это веришь? – Меня разбирает смех.

– Другие верят, а я не белая ворона. Хочешь, чтобы из-за тебя нашему клану объявили войну? Да и у меня лично будут неприятности. Оно мне надо?

Вот он, ожидаемый момент истины. Разговор идет в нужном русле.

Маню Сидора пальцем, чтобы нагнулся, и кожей чувствую, как напрягается на своем табурете телохранитель. Чуть мотнув головой в его сторону, еле слышно шепчу:

– Пусть выйдет.

– Он глухонемой.

– А по мне, хоть бы и слепой вдобавок. Все равно пусть выйдет. Не люблю, когда двое выпивают, а третий смотрит.

По знаку Сидора гоминоид в камуфляже безропотно выходит, затворив за собой дверь. Я беру инициативу в свои руки, наполняю стаканы. Черт, я уже и без этой дозы начал хмелеть. Отвык совсем. Но пусть Сидор заметит, что я косой, так надо.

– За что выпьем? Давай за клан?

– Можно и за клан...

Звон стаканов, водка дерет пищевод. Пустой желудок сжимается, норовит вытолкнуть отраву во внешнюю среду. Ничего, сейчас осадим огурчиком... Вот удивительно: Сидор пьет то же пойло, что подают у него в баре. По-моему, оно с керосином. Привык, наверное. Человек ко всему привыкает.

За клан! За то, что мужики нас еще не прикончили, хотя могли бы. За то, что при самом плохом раскладе все-таки есть надежда на то, что они и завтра нас не прикончат – просто выгонят пинками из лагеря и немного постреляют вслед. Отмазка перед другими кланами. Пытались, мол, убить, да Чемодан сумел извернуться и уйти. Ничего, пусть только попадется еще раз!

Давлю рвотный позыв, смахиваю набежавшую слезу, жую огурец. Сидор терпеливо ждет.

Рисую пальцем в воздухе этакую спиральку.

– Понимаешь?

– Ну?

– «Шнек». Знаю, где лежит. Я за ним пришел. Вычет – это уж заодно. Нет никакого Зова, есть только «шнек»...

– Откуда дровишки?

– От Аспида. Точные координаты. Аспид видел его, но не смог взять. Потом хотел еще раз попробовать, но... ты знаешь, что было. Я его вытащил, а он потом рассказал мне про «шнек».

Импровизация звучит правдоподобно. Человек со сломанным позвоночником уже не сталкер, но жить все равно хочет и благодарен спасителю.

– А ты, выходит, сможешь его взять?

– А почему нет? – пожимаю я плечами. Все знают, что Зона меняется с каждым новым выбросом и даже между ними. Чего нельзя сегодня, то может сделаться возможным через неделю, месяц, год. Тем более через три года. Все также знают, насколько быстро распространяются по Зоне слухи. Если бы кто-нибудь нашел «шнек», сплетни об этом разнеслись бы моментально. Но чего нет, того нет. Значит, понимай так: уникальный артефакт и посейчас лежит в названном Аспидом месте. Артефакты долговечны.

– И зачем тебе «шнек»? – уже веселее интересуется Сидор.

– Мне он не нужен. Мне деньги нужны. Много. Там у нас... ну, в общем, не важно. Земельный спор. Знаешь, сколько стоит участок у моря?

Сидору это не интересно.

– «Шнек» я продам тебе, – продолжаю импровизировать я. – По божеской цене продам. Ты только сейчас мне помоги. Еда, снаряжение... Главное – еда. И переночевать, конечно.

– Складно брешь, – улыбается Сидор, и в этой улыбке жизнь моя или смерть. – Про «шнек» ты прямо сейчас придумал или заранее готовился?

– А вот дожись, когда вернусь, и тогда сам увидишь, что я выдумал, а что нет! – рычу я. – Не промахнись гляди. Другому продам – локти изгрызешь.

– Продашь, если вернешься. А вернешься, если тебе очень-очень повезет. Если Зона тебя, дурака, с твоим горемычным вдовцом подпустит к Монолиту. И выпустит с целыми

мозгами. – Сидор загибает пальцы. – А выпустит она тебя... ну или не выпустит, если парни дадут тебе уйти отсюда. Хм. В принципе я мог бы попросить за тебя, но для этого ты должен быть очень убедителен. Очень.

– К Монолиту пойдет один Вычет, – импровизирую я. – «Шнек» лежит в другом месте. Поблизости, но в другом. У меня есть шанс.

– А может, «шнек» лежит в твоём контейнере? – вроде бы шутит Сидор, а на деле прокручивает в голове варианты и пытается проверять их на ходу. Попал почти в точку. «Шнек» мы прикопали поблизости от лагеря.

– А ты сходи проверь.

Сидор молча наливает мне и себе. Ох, не хочу я больше пить... а придется. Сидору нужен небольшой тайм-аут – обмозговать. Ну, пусть себе думает, а я попытаюсь понять ход его мыслей. Во-первых, я мог сказать правду и «шнек» реально существует. Дьявольский соблазн. На «шнеке» Сидор заработает больше меня. Тут есть два варианта. Первый: кликнуть кое-кого и силой выбить из меня сведения. Но нет никакой гарантии, что и с отбитыми почками я укажу правильное место, а не какое-нибудь другое... откуда не возвращаются. Второй вариант: поверить мне и спонсировать наш поход к Монолиту, изобразив дело так, будто я сам удрал. Второй вариант как будто надежнее, но...

Существует еще «во-вторых»: я мог соврать, и тут опять-таки два варианта, зависящих от того, в чем заключается мое вранье. Первый: никаких «шнеков» в Зоне не существует, а Зов, напротив, имеет место. Второй: «шнек» существует и находится у меня. Это похоже на правду, потому что в качестве вранья никуда не годится – слишком уж неправдоподобно. Второй вариант тоже распадается на два: Зов есть и Зова нет. Предположим, что он есть и дружище Чемодан находится под его влиянием. Тогда – что? Выходит, Зона, когда ей нужно, действительно умеет целенаправленно вести себя – в частности, с умыслом подсовывает нужным ей людям полезнейшие артефакты. А в том, что сталкеру от «шнека» есть немалая польза, вряд ли стоит сомневаться. Значит – что? Самой Зоне нужно, чтобы эти два прикурка доковыляли до цели? А если так, то полезно ли для здоровья мешать им? Наверняка нет. А если при всем при том Чемодан все же вернется и сдержит слово?.. «Шнек» – это же состояние!

Примерно так я размышлял бы на месте Сидора, да только каждый из нас на своем месте, и этого не переменить. Разве я знаю все, что известно Сидору? Разве люди мыслят одинаково даже при полностью идентичных входящих?

Сидор лезет толстыми пальцами в банку за огурцом. Не торопится, решает задачу. Господи, если ты есть в Зоне – помоги!

Он поднимает стакан. Смотрит в глаза.

– За твою удачу... сталкер.

Я просыпаюсь до рассвета. Хмель еще не улетучился, но голова уже побаливает, несмотря на то, что Сидор расщедрился на обильный ужин – сам, скрипя протезом, приволок всякой снеди. Зато пойло осталось прежним. Не думал я, что за три года услаждения организма крымскими винами настолько потеряю форму... Но не блевал и мордой в шпроты не падал – это мы запишем в плюс.

Рядом сопит и посвистывает носом Вычет. Ничего ему без меня не сделалось – оказывается, Сидор велел кое-кому приглядывать, чтобы парня в баре не обижали. Мой напарник перенервничал только и голодным остался. Ладно, за завтраком наверстает.

Мы спим в подсобке бара. В ущелье между стеллажами, ломящимися от бутылок и консервных банок, на цементный пол кинуты два надувных матраса, и очень хорошо, что они надувные. Стало быть, не отсыревшие и без клопов. Я вдруг осознаю, что понятия не имею, какие они – клопы Зоны. Ни разу их не встречал, а может, просто не обращал внимания. Других насекомых это тоже касается, за исключением болотного гнуса и красной многоножки длиной в локоть, если только она насекомое. А ведь обе катастрофы на ЧАЭС хорошо врезали всякой живности по генам – достаточно посмотреть хотя бы на собак,

---

лесных кабанов и бывший домашний скот. Не говоря уже о крысах, тушканах и некоторых монстрах, вылепленных Зоной из людей. Ну и где клопы-мутанты, тараканы-мутанты, муравьи-мутанты, шершни-мутанты? Что-то не видно. Оно, конечно, только к лучшему, особенно насчет шершней...

Когда впервые, много лет назад, я задумался об этом, мне стало нехорошо. Воображение разыгралось не на шутку, и уже следующей ночью мне приснился чудовищный клещ, который во что бы то ни стало хотел впиться в меня. Учítывая, что клещ превосходил размерами крупную свинью, это была непростая задача. Он просто должен был надеть меня на себя, как перчатку. И знаете, он сделал это. Я страшно доволен, что сны – обман.

Вздremнул самую малость, а теперь не сплю, ворочаюсь. Трезвею. Разбредили душу Хвост с Сидором, дьявол их заведи с вопросами их неуместными! Но ведь и впрямь странно всякому постороннему: чего ради я вернулся в Зону? Так просто и не ответишь. «Захотелось» – это ведь не ответ. И почему захотелось так внезапно? Жил нормально, зарабатывал на курортниках прилично, на жизнь хватало, о Зоне старался не вспоминать. Правда, во сне она мне, бывало, снилась, но ничего хорошего я в тех снах не видел. Орал со сна, бывало, Ада шарахалась, пока не привыкла... И работа мне была в удовольствие – сам раствор месил, сам укладывал блоки из ракушечника, и росла пристройка для сдачи внаем, а историю и географию Крыма я вызубрил так, что добрую половину экскурсоводов заткнул бы за пояс. Разве я не был доволен жизнью? Насчет полного счастья врать не стану, но ведь счастье – это дело мимолетное. Хлоп – возникло, хлоп – пропало. Какой-то особенной любви с Адой у меня тоже не было, однако я вполне устраивал ее, а она – меня. Встретились два одиночества, совокупились – понравилось. Ну и давай притираться друг к другу. Ничего, притерлись. Я вне Зоны пьяным ни разу не напивался, и руки у меня всегда росли откуда надо, и голова, какая ни есть, все же на месте – чего еще надо одинокой вдове? Ну и я привык, оттаял, размяк – домашний уют, это, знаете ли, не хрен собачий. Это то, при мысли о чем любой сталкер хоть раз в жизни да вздыхал тяжело, слюну сглатывая...

Черта лысого Зов Зоны, если он вообще существует, может покрыть расстояние в восемьсот километров! Если бы это было возможно, то вся Земля стала бы чем-то вроде Зоны или хотя бы находилась под ее контролем, – но чего нет, того нет. И легенда о Хозяевах Зоны, о пресловутой группе «О-сознание» – не более чем байка, вроде мифов Древней Греции. Сидор, может, отчасти и прав: нет дыма без огня, мифы не на пустом месте возникают, и очень может быть, что существовала когда-то некая группа ученых чудиков, возможно, даже кем-то спонсируемая... ну и что? Не знаем мы разве, как пропадают в Зоне группы ротозеев? А какие силы пришлось привлечь, чтобы ту, прежнюю Зону вокруг ЧАЭС превратить в нынешнюю, это ж вообще страшно подумать! Откуда взялась аномальная энергия и что она вообще такое? Короче, нет никаких Хозяев – есть просто Зона. Может, она живой сверхорганизм, откуда мне знать? Может, еще чего. Но глаз в Коктебеле она точно не имеет и не могла найти меня и позвать.

А если бы даже позвала – я что, себя не контролирую? Так и звала бы, пока это ей не надоело бы. Уж я как-нибудь перетерпел бы этот самый Зов.

Нет его. Просто-напросто у меня шило в заднице. Зря я думал, что его нет. И мозги, как видно, с приветом. Одна неправильная извилина. По-научному – рудимент. Ему бы тихо вести себя, а он взял, да и заработал. Да еще письмо пришло от двоюродного брата из Новосибирска, самое обыкновенное письмо в конверте с маркой. Между делом брат писал о Вычете, то есть о Славке Пинском – горе, мол, у него, жена умерла, молодая совсем, парень совсем плохой стал, места себе не находит. Большая любовь была у них. Я письмо Аде показал – та повздохала и предложила: а пригласи-ка ты его сюда хоть на недельку, пускай развеется. Мало ли что зима на носу. В куртку запахнет, по горам побродит – оно способствует. Всё легче, чем одному в пустой квартире сидеть, никчемность свою ощущая... Я написал. Потом вдруг загорелся: а вот возьму, да и сам смотаюсь в Новосибирск! Почему нет? Я три года без отпуска. Не к морю же мне ехать в отпуск: море – вон оно, за окном плещет.

Ада в восторг не пришла, но, повздыхав, согласилась. Она не собственница – понимает, что такой, как я, собственностью быть не может. И я поехал. Я и думать тогда не думал, что меня вновь занесет в Зону!

Когда же я решил, что так будет лучше для нас обоих? Когда увидел Славку в таком виде, что краше в гроб кладут? Когда понял, что отдых на море его не прельщает? Когда напоил его и испугался, что он в пьяной истерике выбросится с балкона? Не помню. Но именно там, на его квартире, меня вновь потянуло испытать уже сто раз испытанное, а может, не сто, а двести. Мне четвертый десяток пошел, а что я видел? В смысле, что я в Зоне видел? Помойки на окраине? Бар «Харчи»? Не смешите. Саркофаг – видел один всего раз, да и то издали в бинокль. Но это ладно, я бы перетоптался, если бы не Славка. Нельзя его было оставлять в таком состоянии, очень уж любил он свою Катю. Ему, бедолаге, и математика-то не мила стала. Готовый пассажир-безбилетник на тот свет. И тут меня словно в затылок ткнуло: клин клином вышибают. Прогуляемся в Зону. Не все ли равно, где пропадать без пяти минут самоубийце? А польза вполне может быть. Само собой разумеется, я не верил в то, что плел Славке насчет Исполнителя Желаний, или Монолита, да и он не сразу поверил. Я рассказывал легенды, травил байки, а он издевался над ними зло и метко. С умом у парня от горя ничего не сделалось; ум и настроение – вещи разные.

Я смекнул и посоветовал ему провести натурный эксперимент на себе. Чего уж там – хата сгорела, нехай горит забор. Что он теряет – жизнь? А дорожишь ли ты своей жизнью, Славик? Что-то не похоже. В Зоне, во всяком случае, есть надежда. Крохотная. Микроскопическая. И наверняка с какой-нибудь подлостью, как вся Зона. Но надежда. Понимаешь ты, нытик, – надежда! Здесь сиднем сидеть да на могилу ходить – этим ведь Катю не вернешь...

Не уговорил я его. Тогда – каюсь – побил маленько, только чтобы в чувство привести. Шум вышел, соседи милицию вызвали, и просидел я в «обезьяннике» сутки. Сидел и боялся, как бы Славка без меня не додумался наложить на себя руки. Но обошлось. Однако он по-прежнему ни в какую: отстань, мол, без тебя плохо, а с тобой тошно, уезжай в свой Коктебель, возводи там на своем участке еще одну пристройку хоть в десять этажей...

Полмесяца прошло, а я его все еще не уломал. Но так и сказал ему: хрен я с тебя слезу, запомни это. У меня в родственниках самоубийц не было и не будет. Еще разок побил его, но уже тихо, потому что в «обезьяннике» нет ничего хорошего, – он и не сопротивлялся. Никакого толку. Можно лупить боксерский мешок, скача вокруг него, а можно грушу, и она сама скачет, как ненормальная, а только ни мешок, ни груша не станут от битья чем-то иным – какими были, такими и останутся.

Ну что с таким фруктом делать? Нос ему сломать? Или руку? Или, может, пытать его по-инквизиторски? Так ведь тут не Зона – заметут и посадят. Шантажировать его – а чем? В математике я не спец и о работе Славки ничего не знаю. Да и вряд ли, думаю, его сейчас возьмешь за живое отменой загранпоездки или какой-нибудь публикации в шибко умном журнале. Было бы у него любимое создание, хоть кошка, хоть хомячок – уж тогда бы я знал, что делать! Пусть и нехорошо мучить животных.

Додумался: сгреб все его фотоальбомы, добавил компакт-дисков с семейными фильмами и фотографиями, сорвал со стены женский портрет и потащил на помойку – жечь. Вот тут Славик и сломался. Согласен, кричит. И словами меня разными. Я даже не подозревал, что математики тоже такие слова употребляют. Вот тебе и будущий мировой гений, Лобачевский хренов!

Нет, я не верю в Монолит. Могу сколько угодно разглагольствовать о нем с Сидором, могу накручивать сам себя: дескать, Монолит – моя цель, надо до нее дойти во что бы то ни стало, а ведь по большому счету мне он нужен, как рыбке зонтик. Может, он и впрямь существует, но насчет исполнения желаний – три ха-ха с посвистом. Не верю. Зато Вычет поверил, и я его доведу, раз взялся... докуда смогу. Пусть сам поглядит на все прелести Зоны и на то, что они с человеком делают. Пусть шкурой своей это почувствует. Пусть хоть на время забудет о Кате своей, а думает только о том, как выжить. Пусть хоть немного поживет

простыми, нормальными желаниями. И вернется здоровым, смирившимся и осознавшим, что жизнь еще не кончена...

Ну и при чем тут какой-то Зов?

Не спится. Хочу выйти на воздух и, не дойдя до двери, вспоминаю, что Сидор запер нас снаружи на висячий замок. Во избежание. В подсобке есть еще одна дверь, ведущая в бар, но и она заперта. Сидор догадлив – оставил нам пустую трехлитровую банку вместо ночного горшка. Где она? Ощупью нащариваю выключатель, загорается свет.

И немедленно – мощный удар снаружи в дверь! Ногой, конечно, но сила удара такова, что кажется, будто бревном.

– Чемодан!.. – надывается кто-то снаружи, перекрикивая несколько голосов. – А ну, пустите меня! Выходи, Чемодан, потолкуем! Пусти, кому сказано!..

Вычет спросонья хлопает глазами, тянется к автомату. За дверью шум и ругань.

– Здорово, Кипяток! – кричу я. – С чем пожаловал?

– Выходи давай!

«Подлый трус», – мысленно договариваю я за него, прикидывая, куда лучше встать или где залечь, если он начнет палить в дверь. С Кипятка станется, он такой.

– Рад бы выйти, да не могу – заперт. Сижу, как водится, за решеткой в темнице сырой... А что за спешка?

Сделав Вычету знак укрыться, сам ныряю за стеллаж с консервными банками. Их много, авось пистолетную пулю они удержат. В прежние времена, сколько мне помнится, Кипяток предпочитал пистолет-пулемет МП-5 всякому иному оружию, и я надеюсь, что его предпочтения с той поры не изменились. А еще надеюсь, что у него хватит ума не стрелять сквозь дверь по выпивке и продовольствию – Сидор с него за это семь шкур сдерет.

В ответ только рычание и еще одно требование выйти.

– Кипяток! – кричу я. – В тот день, когда ты родился, урагана случайно не было?

Секунды на две наступает тишина. Кипяток сбит с панталыку.

– Какого еще, твою мать, урагана?!

– Да того самого, что тебе башню снес.

За дверью начинается ржач в полный голос, но рев Кипятка заглушает все звуки. Исключительно мощная глотка.

– Да я тебе... – Следуют щедро приправленные матом обещания показать мне то-то и то-то, после чего несколько подправить мою анатомию. Вот ведь кабан безмозглый. Покажи ему направление и скажи, что так надо, – будет переть всей дурью до тех пор, пока не получит бревном по лбу. Дурак он, но со звериным чутьем на ловушки, потому и жив до сих пор. Впрочем, я готов поверить, что дуракам везет и в Зоне. Были прецеденты.

– Эй, малец, взрослых позови! – кричу я. – У которых ключ! А нет – ломай дверь, так даже интереснее. Сидор тебе даст протезом по башке, а я еще от себя добавлю...

Кипятка пытаются урезонить. За дверью начинается матерный диспут. Слышно, как кто-то рассудительный втолковывает: «Ну не здесь же... Завтра... Утром Штангель вернется...» Это меня устраивает. Валяйте, ребята, ждите завтрашнего дня, который уже сегодняшний, а я вас ждать не буду. Уйду по-английски. А вы идите себе спать. Бай-бай. И дуrolома своего заберите, а то ведь мне отлить помешали, и моему мочевому пузырю это совсем не нравится...

Трах! Новый удар. Ноги у Кипятка вроде машины для забивки свай, но сейчас даже он перестарался, и на эту пятку он теперь дня три будет наступать с гримасами и матюками. Дверь, однако, держится. А чего ей будет? Она ведь открывается наружу, а не внутрь, и расщепить ее не удастся – жестью обита. Вот же кретин пьяный!

Странно, что Сидор не спешит нас выручать. Что у него на уме?

– Эй, Кипяток! Зомбак недоделанный! Ты бы ломик нашел, что ли...

Любопытнее всего то, что он следует совету. Несколько секунд относительной тишины – и под яростное сопение с той стороны дверь начинает вздрагивать. Железный скрежет, лязг – и она отлетает на петлях, мотая замком. Кипяток врывается в подсобку с ревом, глазами

бешеной коровы и короткой арматуриной на замахе. Трижды идиот. Снаружи темновато, а здесь горит свет. Кипяток мог бы выманить меня наружу или хотя бы дать своим ослепленным глазам привыкнуть. Но велик мужик и напорист! Матер, телесно обилен, и по меньшей мере две трети этого обилия – очень недурные мышцы. Бывший морпех, правда, очень бывший. Ну а я – бывший десантник. Тоже очень. Но Кипятка однажды отделал так, что тот неделю поправлялся. Не оттащили бы меня ребята – убил бы, наверное. И за дело. Неужели он забыл, как я его метелил?

Или, напротив, все отлично помнит?

Да, я несколько растерял форму, наел толику жира, но сейчас преимущество на моей стороне. Подныриваю под арматурину и бью Кипятка ребром ладони. Не летально, а так. для вразумления. Не даю упасть, хватаю, волоку назад – и получи, приятель, в морду по-простому. Кипяток вылетает в черноту дверного проема и шумно рушится в крапиву. Ничего, отлежится. Один нокаут ему не повредит. Остальным говорю ласково:

– Оставили бы вы нас в покое, мужики... Спать охота.

Они топчутся. Я почти не вижу их, но знаю, что тут и Хвост, и Кудеяр, и еще, наверное, кто-нибудь из ветеранов. Поскольку я еще жив, делаю вывод: они без особого дела пришли, просто проследить, чтобы мы с Кипятком не поубивали друг друга. Всё, ребята, мы без вас обошлись, катитесь прочь.

– Слышь, Чемодан, – подает голос Кудеяр, – зря ты сюда явился.

– Да я уж начал догадываться... А что так?

– Будто не знаешь. Наводка на тебя нехорошая. Мне вчера пришла на ПДК. Да всем пришла!..

– Это насчет Зова, что ли? – почти натурально веселюсь я.

– Ага.

– Из-за того, что я вернулся? Вам тут что, мозги выжгло? Кипяток вон тоже уходил из Зоны навсегда, ну а потом? Вернулся. Он, значит, тоже под Зовом?

Кудеяр мнетя и кряхтит.

– Мы ему так и сказали, а он заорал, что его случай совсем особый, ну и разошелся... Ты на него зла не держи.

– Не буду. И на вас не буду, если доспать дадите.

Они уходят выковыривать из крапивы Кипятка и наконец удаляются, волоча тело. Я закуриваю, притворяю дверь и, прежде чем выключить освещение, запоминаю, где лежат наши вещи. Рюкзаки полны еще с вечера – я набил их на «автопилоте», а потом уж завалился спать. Некоторые дела не следует откладывать на завтра, даже если ты пьян, как зюзя.

– Будем уходить? – шепчет Вычет.

– Через полчаса, – отвечаю тоже шепотом. – Можешь еще поспать.

А сам наконец-то пристраиваюсь к трехлитровой банке.

Мы выходим, когда над Зоной вот-вот появится заря – может быть, лиловая, может быть, гнойно-желтая, а может, изумрудно-зеленая, как вчера. Никогда не угадаешь заранее. Старожилы помнят «черные рассветы» и дни, темные, почти как ночь. Сейчас нас это устроило бы.

Вычет стреляет глазами по всем направлениям и пригибается, как в траншее под артобстрелом. Не въезжает в ситуацию, глупыш. Спрашиваю его негромко:

– Как переводится слово «сталкер», знаешь?

В английском он дока.

– Либо как «крадущийся», либо как «гордо вышагивающий». Забавное слово.

– Так вот, – внушаю, – сейчас ты гордо вышагивающий. Бесшумно, но гордо. Понял?

Я не рассчитываю на то, что наш уход останется незамеченным. Но пусть видят те, кто бдит, охраняя лагерь: мы уходим достойно, как уходят в глубь Зоны все нормальные сталкеры, и мы не боимся своего клана. Стрельнут в спину из снайперской винтовки? Надеюсь, что нет. Но стрельнули бы почти наверняка, если бы мы не уходили, а уползали,

---

как ужи.

Мы по-прежнему идем на восток, и лишь тогда, когда, по моим соображениям, нас уже точно никто не отслеживает, сворачиваем на юг, потом на запад, а потом на север, закладывая огромную петлю вокруг лагеря. Прикопанный со вчерашнего вечера «шнек» лежит на месте, и я сразу завладеваю им, поскольку по-прежнему иду впереди. Теперь только на север, и как можно скорее преодолеть мешанину из скоплений аномалий – основное пастбище сталкеров клана Штанге-ля. Дальше... ну там поглядим, что дальше.

Тонкий тревожный писк – и сразу мурашки по всей коже.

Чуть приподнимаю руку, и Вычет замирает на месте. Он быстро научился. Иного дуболома учишь-учишь, а толку нет. Окочурится, а ты думай: твоя в том вина или его?

Уже совсем рассвело. Заря сегодня была не цветная, а просто светло-серая, что для нас даже лучше – глазу привычнее. Но никакой аномалии я не вижу.

И все же она где-то рядом. Внимательно разглядываю корявые деревца, кочки, валежник. Ничего. Большой выворотень неподалеку растопырил узловатые корни. И там вроде ничего нет... Зачерпываю полные ладони прелой листвы, расшвыриваю во все стороны – никакого эффекта. Аномалия есть, но она никак не проявляет себя.

Крохотный, всего в пядь длиной шажочек вперед – и меня начинает трясти, а волосы встают дыбом. Шаг назад – сразу отпускает. Ай да «шнек», спасибо тебе! Еще шаг назад. Теперь шаг влево. И еще один. И еще. Нормально.

– За мной.

Вычет послушно идет в кильватер. Но от вопроса удержаться не может:

– Что это было?

Не оборачиваясь, машу на него рукой, чтоб заткнулся. Откуда мне знать, что там было? Ясно только, что какая-то дрянь, не обнаруживаемая детектором. Может, аномальная «зыбь», перед которой все болотные топи в мире – слабаки. Может, «мясорубка», может, гибрид. А может, что-нибудь новенькое, о чем я не имею никакого понятия. За три года в Зоне многое могло измениться.

Я насторожен. Аномалии любят сбиваться в кучки, но эта, похоже, одиночная. Черт, да я даже не уверен, была ли это аномалия. Кто сказал, что «шнек» предупреждает только о них? Может, ему еще не нравится что-нибудь безобидное, вроде кротовьей норы под землей?

Еще ничего толком не началось, прошли совсем немного, а Вычет уже тяжело дышит. Он не привык носить тяжести и под рюкзаком быстро устает, хотя там всего-то килограммов двадцать пять. Я бы и больше консервов взял, да не поместились. Сам тоже тащу изрядный груз. Молчание Сидора и наш ночлег в подсобке я принял за приглашение помародерствовать, да и за что еще я мог это принять? В расчете на «шнек» Сидор сделал на нас ставку – впрочем, небольшую для него. Кто всегда в барыше, так это торговцы, а по Зоне слоняются одни придурки – это мы знаем не только из официальной пропаганды. Золотые слова. Уж так устроена жизнь, что тот, кто больше работает и сильнее рискует, меньше получает. А только сталкеров все равно не убывает.

Но я сдержу слово. Если вернусь, Сидор получит свой «шнек», Вычет излечится, а я получу кругленькую сумму и вернусь к Аде. Кусок земли прикуплю и гостиницу на нем отгрохаю. Уже из-за этого стоило еще разок сходить в Зону!

Скрепя сердце объявляю привал на десять минут. Вычет устал, дохлятина, дышит с присвистом. Начинаю на него злиться, я с утра всегда недобрый. Впрочем, я недобрый, да сытый, а он голодный. Куда банку? Банки не трогать. На, жри колбасу с черствым хлебом, запивай колой. Скоро придется пить из луж, процедив через тряпку ржавую воду. Ну, набил брюхо? И рюкзак небось немного полегчал? То-то же. Что не на плечах, то в брюхе унесем. Готов? Вперед!

Лес какой-то чахоточный, но в Зоне это нормально. «Шнек» молчит. Идем ходко. Впереди большая поляна, я хорошо ее знаю. На ней когда-то была деревня – не деревня, хутор – не хутор. Все равно от хат остались одни фундаменты, а мачта геодезического знака шагах в пятидесяти от крайнего фундамента, сколько я ее помню, всегда была свернута в

спираль и загнута к земле. Здесь всегда аномалии, то там, то сям, но огибать поляну по лесу не рекомендуется из-за псевдопсов. Сколько наш клан с ними ни воевал, облавы даже устраивали, а толку чуть. На поляну эти твари не сунутся, не дурные, – ну а мы не настолько дурные, чтобы обходить поляну лесом. Аномалии нам как-то ближе.

Попискивает «шнек», бегут по коже мурашки... Ага, вижу. Сначала на детекторе, а вскоре и глазом.

– На десять часов «электра», на два часа – «воронка». Идем прямо... Стоп. «Карусель» на двенадцать часов, берем левее...

Обычно мне становится жарко в таких местах, но сейчас меня трясет озноб. Я иду и браво командую, но чего мне это стоит! «Шнек» явно предназначен для пугания более толстокожих... Что опять?.. Ну вижу, вижу. Еще одна «воронка» прямо по курсу. Слева?.. Нет, обход слева мне что-то не нравится, пойдем справа...

Специально для Вычета подбираю камешек и швыряю его по касательной к «воронке». Метров пять кусочек кремня летит нормально, потом его заносит вбок, и по сужающейся спирали втягивает в гравиконцентрат. Кажется, он успел сделать пять полных оборотов, прежде чем юркнул в глину и ушел вглубь. Последние обороты сосчитать трудно – уж очень велика скорость. Видал, а?

Вычет показывает глазами, что да, видал, – но, кажется, он не очень впечатлен. Возможно, он думает, что перед ним хорошая модель черной дыры, хотя я уже зарекся гадать, о чем он думает. Кто их поймет, этих гениев. Тут самое приятное в том, что для успеха дела понимать их не обязательно.

В прежние времена я здесь пасся. Мало добычи, но и риска немного. Вон в пыльной траве справа лежит что-то, похожее на «выверт». Обыкновенная вещь, разменная мелочь Зоны. Не стану подбирать – мы сейчас не пасемся, мы спешим оторваться. Крюк вокруг лагеря съел целый час. фора тает. Никогда я не ходил так быстро в окружении аномалий, однако надо ведь когда-нибудь попробовать... Сзади пытит Вычет...

И падает, вскрикнув. Приглушенный звук выстрела настигает меня тоже в положении лежа.

Глава 3

Гон

– Эй! Живой?

– Живой.

– Зацепило?

– Кого?

– Тебя, придурок!

– Меня – вроде нет, – отвечает Вычет. – А рюкзак – да.

Хрен с ним, с рюкзаком, авось попортило только тушенку. Откуда стреляли? Видимо, с опушки, но направление? Я не уловил, из чего делаю вывод: стрелок, похоже, вооружен «винторезом», он же ВСС. Вряд ли такую винтовку таскает по Зоне какой-нибудь сопляк. Хм, если Вычет не сильно вертелся перед выстрелом, то стреляли слева сзади. Это не так уж плохо – можно помалу пробираться вперед ползком, фундаменты и бурьян скроют нас... шансы, в общем, неплохие, если только стрелок один.

Ползем. «Шнек» не бездействует, предупреждает об аномалиях, но приходится сверяться с детектором, чтобы отследить направление на очередную подлянку Зоны. Снайпер долго не обнаруживает себя, и лишь у крайнего фундамента посылает нам второй гостинец – летит кирпичная крошка. По звуку выстрела опять непонятно, откуда стреляли, но, судя по отметине на фундаменте, снайпер по-прежнему на семь-восемь часов от нас. Цели он не видит, не то попал бы.

Кто таков? Бандит? Не похоже. Кто-нибудь из клана? Уже теплее, но тоже не факт. Может, Кипяток? Дураком был, дураком остался... Это был бы лучший вариант, потому что от одного стрелка Мы почти спокойно уползли бы до самого леса, а в лесу автомат куда полезнее винтовки. Но если снайпер – только загонщик?

Проверим. Кидаю в крапиву обломок кирпича. Готово – автоматная очередь стрижет стебли. Еще одна – с другой стороны. Оглушительное «бабах» охотничьего ружья какого-то молокососа. Теперь все понятно. Это клан. Охота. Либо Сидор не поверил насчет того, что «шнек» лежит далеко в глубине Зоны, либо вернулся Штангель и поднял людей. Второе вероятнее. Правда, есть еще надежда на то, что это не настоящая охота, а всего лишь демонстрация охоты на нас... А как проверишь, не высунувшись под пули?

Только одним способом. По нам лупят сзади, справа и слева. Если путь на север оставлен свободным, значит, охота бутафорская, отмазка клана Штангеля – мол, сообщение мы получили, спасибо за сигнал, и гоняли мы их всем кланом, да они, суки, как намыленные, не возьмешь...

Ну, сейчас поглядим, так ли это.

Фундамент слева – бетонный, со следами дощатой опалубки, справа – кирпичный, сильно выкрошенный, но и он нам защита. Наверное, когда-то между домами пролегал проулок, стиснутый гнилыми заборами, и выводил через огороды в лес. Слева над щербатым бетоном притаилась «карусель», ну и пусть себе. Справа тоже что-то нехорошее, но что – не пойму, да и не надо. Главное, впереди чисто, аномалий нет...

Короткая очередь выбивает пылевые фонтанчики из левого фундамента. Одна пуля ударяет рикошетом в правый фундамент. Понятно...

– Вычет, задний ход.

Итак, мы обложены со всех сторон. Уйти без стрельбы нам не удастся, да и со стрельбой – проблематично. До ночи нам тут лежать, что ли?

А что, брат-сталкер, разве ты не знал, что так бывает? Понадобится – и трое суток пролежишь, боясь шевельнуться, и не на твердой земле, а по уши в вонючей грязи или еще где похуже. Я-то сдюжу, а Вычет – кто знает?

Беда в том, что сейчас наш главный противник – не Зона, а люди. Им тоже не понравится мысль добывать нас измором, карауля сутками, они что-нибудь придумают.

– Эй, Чемодан!

Искаженный мегафоном голос разносится над поляной и возвращается эхом, отразившись от лесной стены. Это Штангель, конечно. Его голос.

– Слышишь меня, брат-сталкер? Кончай дурить. Гулять по Зоне мы тебе не позволим, даже не мечтай. Выйдешь с поднятыми руками – не тронем и напарника твоего тоже не тронем. Проводим до Периметра – и валите отсюда на все четыре. Что скажешь?

Злоба меня душит. Злоба!

Привстав на колени, даю короткую очередь на голос и сразу откатываюсь на несколько шагов. Но лес молчит.

– Дурак ты, Чемодан! – без всякого раздражения комментирует в мегафон Штангель. – Тебе и дружку твоему жизнь дарят! Бросайте оружие и выходите – не тронем. Слово.

Я верю ему. Чужого сталкера Штангель мог бы обмануть, но я не чужой. Он действительно хочет избавиться от проблемы, не убивая нас. Он будет огорчен, если это ему не удастся. Что ж, придется огорчить его...

Посылаю в лес еще одну очередь и вновь откатываюсь – на сей раз не зря. Ответные пули секут крапиву, репейник и прочую ботанику, с визгом рикошетируют от руин. Бьют стволов десять-двенадцать, наверное. Ого! Огонь пока ведется малоприцельный – Штангель всего лишь хочет показать, что шансов вырваться у нас нет. Пожалуй, он прав. Нас будут держать под обстрелом, не давая поднять голову, а тем временем с любого направления двинется и подберется к нам незамеченной группа уничтожения – два-три опытных сталкера. На месте Штангеля я бы послал на такое дело тех, кого я не знаю, а Кипятка не посылал бы – горяч больно. Час, максимум два возни – и мы обезврежены во имя спокойствия тех, кто

считает, что может понять мотивацию Зоны. Хоть бы эти встревоженные идиоты задумались: где и когда бывало, чтобы Зона интересовалась конкретным человеком? Тьфу! Что ей люди? Если она живая и мыслящая, то уж точно мыслит не о нас, ползучих букашках, добывающих в ней хлеб насущный и то и дело попадающих под мухобойку!

С прекращением пальбы вновь оживает мегафон:

– Чемодан! Даю тебе пять минут. Это твой последний шанс, потом разговора не будет...

И ведь не будет. Штангель – мужик серьезный.

Умом понимаю: он предлагает дело. Но как быть, если меня просто корежит от одной мысли о сдаче? Черт знает, до чего это обидно: на меня охотится мой же клан!

– Чемодан, скоро выброс будет! Сдохнешь, дурень!

Что-то заедает в моей голове, лежу и тупо пытаюсь осмыслить, что там мне кричат. Какой выброс? Почему выброс? А, вот они о чем... Чутко переползаю, чтобы видеть север – и точно: над северной лесной опушкой дрожит бледно-лиловое зарево. Это начало. Пройдет, может быть, полчаса, а может, и несколько часов – и над ЧАЭС полыхнет ослепительно-белым. Никто не знает, что это за энергия, кем и для чего она сбрасывается через нерегулярные промежутки времени, зато всем известно, что происходит с теми, кого выброс застал в чистом поле. Выжжет мозги – и станешь бродить по Зоне без цели и смысла, пока сослепу не влезешь в аномалию, или не достанешься на обед мутировавшему зверью, или не подстрелят солдаты. В сущности, зомби – уже мертвец, только он об этом не знает. Он вообще уже ничего не знает. Мертвец с отсрочкой. Но окончательно и бесповоротно.

Спасибо тебе, Штангель, за подсказку. Надо укрыться. Лучше всего в бетонированном подземелье, несколько хуже – в обыкновенном подполе, еще хуже – на дне глубокой ямы под плащ-палаткой. В лагерях сталкеров всегда есть подходящие укрытия, построенные для каких-то целей еще до Первого взрыва. Собственно говоря, вокруг таких убежищ и возникают лагеря. В лесу можно найти яму или забиться под корягу, перетерпеть – а потом быстро уходить, потому что за выбросом всегда следует гон обезумевших мутантов, для которых человек в эту минуту – даже не еда, а просто препятствие на пути бегства. Хуже всего в поле, несколько лучше в лесу, а возможностей укрыться от выброса в развалинах обычно еще больше... впрочем, зависит от ситуации. Конкретно здесь и сейчас – хреново...

В этой бывшей деревне я знаю один погреб – вкопанный в землю железный сварной короб с квадратной горловиной входа-выхода, ржавой лестничкой, дырявым люком и обломанной под корень вентиляционной трубой. Наверняка он полузатоплен, но уж лучше постоять несколько часов по пояс в тухлой воде, чем снаружи дожидаться зомбирования или смерти. От выброса я бы и в выгребную яму полез – даже жаль, что все они давным-давно обвалились и заросли крапивой. А еще жальче, что погреб далековато от нас, на пути к нему несколько аномалий, да еще придется пересекать простреливаемые участки...

Оглядываюсь на Вычета – он ничего, лежит на животе смирненько, хотя и в готовности открыть огонь из своего АКСУ, и не дергается. Следит за мной, смотрит, что я стану делать. Я даже не думал, что в Зоне парень так быстро пообтешется, – с новичками почти всегда хлебнешь лиха. Может, еще сталкером станет – ведь утихнет же когда-нибудь эта муровина с ложными выводами и всеобщим шкурным страхом, как бы мы чего не напортили в Зоне... Кому Зона мачеха, а кому – мать родная и кормушка. Торговцам – точно кормушка, да и удачливые сталкеры не жалуются. Вычет мог бы стать удачливым – этак примерно через полгода или год. Лучше уж ему сталкером быть, чем сидеть в пустой квартире, размышляя о собственной ненужности.

– За мной!

Ползем. Под тяжелым рюкзаком это не слишком приятное занятие и не самый быстрый способ передвижения, но рюкзак я не брошу. Кто знает, сколько нам придется отсиживаться в погребе? Запас карман не тянет – верно сказано. Он просто давит на спину.

В лесу грохочут сразу несколько автоматов. Куда они лупят? Над нами пули не свистят, крапиву не стригут. Похоже, стрелкам не до нас. Ого!.. Им точно не до нас. Дикий вопль,

---

какой-то нечеловеческий, повисает над лесом... наверное, и впрямь нечеловеческий.

– Ко мне! – ору я Вычету. – Это гон! Оружие!

Один автомат хорошо, а два лучше. Побежит ли зверье через поляну?

Почти наверняка. Выброс энергии над ЧАЭС – штука страшная, от нее мутанты теряют голову. И даже от ее предвестников. Я своими глазами видел, как ошалевшая от ужаса собака прыгнула прямо в «разлом», вспыхнула факелом и сгорела в один миг. Чувствительность к аномалиям у мутантов Зоны обычно феноменальная, да и человеку не заметить «разлом» довольно странно – а вот бывают исключения из правил. На то и Зона. Зверье во время гона прет напролом, часто даже не дожидаясь выброса. А чего его ждать, когда даже самому тупому тушкану ясно, что пора удирать со всех ног подальше от ЧАЭС, поближе к Периметру?

Легко на помине. Небольшая прыгучая тварь выскакивает из зарослей, как выброшенная катапульти, и первый ее прыжок заканчивается прямо перед носом Вычета, а вторым прыжком тушкан перемахивает через него и исчезает в лопухах. Вычет ничего не успел сделать, даже сообразить, что к чему, да и я на его месте вряд ли успел бы. Все равно рычу ему сквозь зубы, кто он такой, а времени уже совсем нет, крапива впереди колыхается. Стая?

Да, но не тушканов. Тот тушкан был одиночным, а это крысы. Пусть им не до нас, но хуже нет встречать нападение крысиной стаи лежа. С криком «делай, как я» вскакиваю и начинаю поливать тварей огнем. Одна надежда на то, что людям Штангеля в лесу уже не до нас, а то сняли бы обоих в два выстрела спокойненько, как в тире...

Полились. Серая масса. Я понимаю, что крысиная стая атакует нас лишь постольку, поскольку мы стоим на ее пути, и бью только тех, кто бежит прямо на меня. Вычет – тот поливает всеоружем, и мне некогда сказать ему, что он идиот. Некогда менять магазин, и я, бросив автомат, выхватываю пистолет и мачете. Смешаюсь влево, прикрывая Вычета, что возится со сменой магазина вчетверо дольше, чем полагается нормальному человеку. Черт, большая какая стая... Ударом мачете встречаю крысиного волка, нацелившегося мне в горло, – тварь настолько велика, что удар не рассекает ее пополам, а просто отбрасывает дохлятину за кирпичный фундамент, где, помнится, была какая-то аномалия. Оказывается – тоже «карусель», как и слева. Отмечаю боковым зрением, что аномалия доделала за меня работу – порвала крысиного волка пополам, потом на крупные фрагменты, а потом и на мелкие... И – как отрезало. Кончилась стая.

Быстро меняю магазин. Слева от нас с ревом мчится чудовищный лось, обомшелый какой-то, а на его загривке мирно примостился снайпер – сейчас он не хищник, а обыкновенный безбилетный пассажир. В лесу по-прежнему слышна оголтелая пальба, да и у нас, чую, ничего еще не кончилось, а только пора нам отсюда сматываться. В лес? Извините, нет. В погреб, только в погреб!

Воды, как ни странно, немного – всего-навсего по колено. Воняет водичка. Еще бы ей не вонять – застоялась, стока-то нет. Зона вообще не пахнет фиалками, а если где нет никакого запаха – берегись, наверняка какая-нибудь подлянка тебя дожидается. Зона – это вонь, мусор, руины, свалки, искалеченные первая и вторая природы. Грязь под ногами, грязь на лице и во рту, грязь в душах человеческих. Зона – это распад, живущий своей собственной жизнью. Считается, что распад – это процесс, но только не в Зоне. В ней распад – свойство. Ведь все нормальные процессы имеют начало и конец, но только не здесь.

Ждем. Дышать можно, и отсидеться в погребе можно, если припрет. На время выброса вентиляционную трубу нетрудно заткнуть ветошью. Мы еще терпимо устроились, бывало и похуже. Я даже думаю, что нам повезло сильнее, чем охотникам Штангеля. Тем пришлось спешно отходить к лагерю, попутно отстреливаясь от одуревшего зверья, – удовольствие маленькое.

Поспать, что ли? Можно немного прикорнуть в стоячем положении, привалившись к стене, но лишь до тех пор, пока холод не доберется до тела. Железные стены, холодные. И

ржавые, ковырнешь – труха. Пройдет несколько лет, и этот погребок провалится внутрь себя. Наверное. А может, простоит еще сотню лет, если Зоне будет угодно.

Закуриваю, пускаю дым в вентиляцию. Сигарета отсырела, тянется плохо, морока, а не курево. Ладно, потерпим.

– Как долго нам здесь сидеть? – спрашивает Вычет.

– Неужто уже промок? – с издевательским изумлением осведомляюсь я. – Нет, гляди-ка, и впрямь промок, ай-ай-ай...

– Просто хочу знать. – Он почему-то не обижается. То ли считает себя выше этого, то ли всерьез озадачен.

– Я тоже хочу, – вздыхаю я. – Но не знаю, вот ведь беда.

– А как мы узнаем, когда начнется выброс? – любопытствует Вычет.

– Ну, это ты узнаешь. Не перепутаешь, обещаю...

– Что, очень страшно?

– Для нас – не очень. – Я перестаю ерничать. – Надо просто перетерпеть. Страшно тому, кому укрыться негде.

Вычету скучно, и он продолжает донимать меня вопросами. Сейчас его интересуют выбросы – как часто они случаются, сколько времени длятся, одинакова ли их интенсивность, да что за энергия выбрасывается в атмосферу? И почему выбросы не приводят к метеорологическим эффектам вне Зоны? И что или кто выбрасывает энергию? И зачем? На этот счет у меня в запасе очень мало фактов и очень много сталкерских баек. Вычета они несколько не удовлетворяют, но тут он сам виноват. Мог бы почитать хотя бы открытые материалы, что публикуются дважды в месяц. Не додумался или не успел – вини себя. И никому не интересно, что ты, понимаешь ли, математик, а не физик.

Наконец мне надоедает, и я велю ему замолчать. Подсвечиваю циферблат – ого, мы торчим в погребке уже почти час. То-то ноги немеют от студеной водички. Доживу до старости – обзаведусь ревматизмом, как порядочный, и стану врать, будто нажил его на рыбалке...

Кажется, я все-таки задремываю на несколько минут. Мне не то снится, не то вспоминается наша с Вычетом попытка проникнуть в Зону с берега Припяти, ноябрьской ледяной реки, несущей шугу и уже замерзшей в заводях. Тоже было мокро и холодно – особенно потом, когда уже при спешном отступлении нашу байдарку, успевшую уплыть порядочно вниз по течению и уже достигшую середины реки, продолжал остервенело обстреливать патруль, так что пришлось опрокинуть суденышко и уходить вплавь. Во избежание. Кажется, близ Периметра что-то здорово грохнуло, но что – не знаю и вообще не убежден, что это мне не померещилось. Но пальба почему-то сразу прекратилась, из чего я сделал вывод, что сколько-то пожить нам еще предстоит. Хотя и не в комфорте, мягко говоря. Если бы Вычет не умел плавать, вряд ли я дотянул бы его до берега. Вместе бы утопи, наверное. А если бы не мои десантные навыки по разведению огня – околели бы мы на том берегу...

А все Вычет – его идея. И с парашютом была его идея, совсем глупая, а я повелся на нее, как дурак. Логика Вычета отличалась совсем не гениальной простотой. Ведь летают же вертолеты над Зоной! Ученых возят, иногда корреспондентов, а чаще вояки патрулируют сами не знают что. И те вертолеты бьются над Зоной немногим чаще, чем в тысяче километров от нее. Так почему бы нам не высадиться с парашюта сразу у ЧАЭС, вместо того чтобы бить ноги от самого Периметра, остерегаясь людей и аномалий?

Почему, почему... Теперь-то Вычет знает почему. Днем над Зоной не летаешь даже на такой жужжалке, как парашютом, – отследят и собьют, а ночью в Зоне не сядешь, потому что как раз достанешься мутантам на поздний ужин. Короче, я сам повернул назад и очень правильно сделал. Еле дотянули – мотор мне пришлось выключить, потому что снизу кто-то стрелял на звук трассерами, не жалея патронов, и, наверное, в конце концов попал бы.

Все наши деньги ухнулись на Вычетовы фантазии, а главное, ушло время. За это время родилась и пошла гулять идиотская легенда о нас. Я и раньше-то слабо верил, что мы

доберемся до Монолита, а теперь, когда каждый считает своим долгом помешать нам, наши шансы почти нулевые.

Что ж, поборемся за это «почти»...

Очухиваюсь, смотрю на часы. Идет время, а выброса все нет. С фонариком в зубах лезу по скрипучей железной лестнице, головой приоткрываю крышку. Понятно...

Зарево на севере погасло. В лесу тихо – видать, зверье из близлежащего леса уже успело пробежать мимо нас к югу. Мутанты удирают, люди прячутся... а выброса все нет.

– Вылезай, – команду Вычету и вылезая сам. – Ты знаешь, что такое отложенный выброс?

Из железной горловины высовывается голова.

– Кажется, теперь знаю.

– Молодец. Соображаешь. Все правильно, это он и есть. Иногда так случается: предвестники были, гон начался, а выброса нет. Но будет обязательно. Может, через сутки, может, через двое. А может, через несколько часов. Теперь уже без предупреждения. Нам надо найти убежище.

– М-м... – не понимает Вычет. – По-моему, мы в нем находимся.

– Не это. Пойдем к Агропрому. Я за то, чтобы рискнуть.

Вычет хлопает глазами. Вчера он не слышал от меня ничего утешительного об Агропроме. Но времена меняются. Иногда даже очень быстро.

– Ладно... Чемодан. – Он никак не привыкнет называть меня по прозвищу. – Ты здесь главный.

Мы снова очень хорошо идем, развивая километра полтора-два в час, никак не меньше, а в Зоне такая скорость передвижения – спринтерский бег. Мешает коряжник, не то мы шли бы еще быстрее, и замедляет продвижение наблюдение за местностью, а больше ничего пока не мешает. В лесной массив южнее Агропрома сталкеры избегают соваться без веской причины, а какая может быть причина? Аномалий тут крайне мало, а значит, и хабара нет, зато опасного зверья пруд пруди, так что причина самая что ни на есть уважительная. Но только не сейчас. Пуст лес, крупные звери удрали на юг, мелкие попрятались по норам и дуплам, а двуногое зверье тоже предпочитает не высовываться перед выбросом. Теперь впереди идет Вычет, сверяясь с детектором и «шнеком», а моя задача – крутить башней и держать палец на спусковом крючке – береженого бог бережет. Что-то не до конца верю я в безопасность леса. В Зоне нельзя верить никому и уж меньше всего – самой Зоне. Сволочь она. Дрянь. Паскуда.

Нас нет. Мы растворились в лесу. Иди поищи нас теперь, Штангель. Да нет, ты искать нас теперь не станешь, у тебя крепкая отмазка перед другими кланами: с гоном и угрозой выброса не шутят. А что Сидор? Мне интереснее всего именно это. Пришлась ли ему по душе идея Штангеля прищучить нас? Или он сумел просчитать наши шансы оторваться?

С него станется. Игрок и комбинатор, Монолитом ему по башке... Чигорин хренов. Алехин. Капабланка. Хоть всю жизнь изучай теорию игр, а прирожденного игрока не переиграешь. Хорошо уже то, что наши цели в игре пока что совпадают...

Или мне только так кажется?

За последний час Вычет обнаружил всего две аномалии – «зыбь» и «холодец», да еще я указал ему на корявый куст, поросший незрелым жгучим пухом. После выброса старые аномалии исчезнут, рассосутся, зато вместо них появятся новые. Самое урожайное время для сталкеров, ходи да подбирай произведенные сдохшими аномалиями артефакты. Только ходи с умом.

Мы делаем всего один привал, чтобы перекусить и осмотреть повреждения, нанесенные рюкзаку Вычета. К счастью, ничего фатального: разбита одна бутылка водки, разворочены две банки тушенки и одна с кабачковой икрой. Шестнадцатиграммовая пуля прошла навылет, в выходное отверстие легко пролезет кулак. Это терпимые потери, а вот что бы я делал, если бы в не в рюкзаке моего напарника, а в нем самом образовалась дыра такого

же размера? Выл бы от сознания своей вины, клялся отомстить? Не знаю и знать не желаю. Мелькнула мысль, испугала и ушла, скатертью ей дорога, не хочу ее думать.

Артефактов не попадаете, да мы их и не высматриваем. Когда очень торопишься, как-то не до них, самому бы куда не вляпаться. Но пуст лес, пуст и здорово попорчен, будто стадо бизонов прошло, хотя на самом деле поломанные деревца и взрытая земля – дело лап мутантов. Много их тут обитало... Твари жуткие, до чужого мяса охочие. Если бы не грядущий выброс, наши шансы пройти через лес прямо к Агропрому резко устремились бы к нулю.

Они и так не слишком велики, но на такие шансы уже можно ставить. Беда будет, если что-нибудь задержит нас в пути. Тогда останется только искать яму поглубже и пытаться переждать выброс в ней, считай под открытым небом. Тут-то яма и пригодится – закопать в ней оба наших трупа, если только найдется для них могильщик.

Под вечер мы добираемся до Агропрома, нервные и уставшие. До Первого взрыва здесь был шибко секретный НИИ «Агропром» – объект, по сути, военный, а чем в нем занимались, теперь уже никто не скажет. Ясно только, что не вопросами повышения урожайности зерновых и механизацией животноводства. До сих пор кое-где сохранились остатки забора с двумя рядами проволоки – колючей и сигнальной. Сразу вспоминается бородастый анекдот про мирный советский трактор и комбайн с вертикальным взлетом. Кудеяр божился, будто бы в Агропроме производилось бактериологическое оружие, а обширные подземелья под развалинами зданий НИИ использовались как хранилища боевых бацилл, – только я в это не очень-то верю, потому что в его версии все монстры, предпочитающие селиться в подземельях, из-за того и стали монстрами, что произошла утечка биологического материала. Глупости это. Бабкины разговоры. Бацилла или убивает человека, или нет, а делать из него монстра – кому это надо? Помнится, мы тогда чуть не подрались с Кудеяром, и все-таки я вынудил его признать: без влияния Зоны тут не обошлось. А Зона и без посторонних бацилл на многое способна.

Тихий-тихий вечер. Ни ветерка. Под незримой угрозой с севера все замерло и прижалось, деревья – и те, кажется, стали ниже. Развалины зданий занимают порядочную площадь, и я точно знаю, что подземелья под ними не пусты, – но нет ни звука, ни шевеления. Хоть бы ворона каркнула, так ведь и ворон нет. В Зоне почти совсем нет птиц, и я их прекрасно понимаю. Они вовремя смылись и не попали под Второй взрыв, а может, попали, но повымирили. Это к лучшему – не хватало нам еще крылатых мутантов.

С опаской поглядываю на север. Там по-прежнему тихо, но это, разумеется, ничего не значит. Выброс может начаться в любую минуту. Он может начаться завтра-послезавтра, так что нам нужен удобный подземный бункер, желательно изолированный, где можно провести до двух суток в относительной безопасности. Во время выброса тот умнее, кто глубже зарылся. Нутром чую, нам придется отвоевывать для себя подземное жизненное пространство у тех, кто считает его своей собственностью.

– Стой, – команду Вычету. – Ищем укрытие... Что? Говори яснее, не слышу, что ты там бормочешь.

– А у тебя бывают хорошие идеи. – Он в ответ.

Вот же сукин сын. Можно подумать, что я состою при нем в учениках, а не наоборот.

– Очень тронут. Можно сказать, польщен. А теперь заткнись и гляди в оба.

В прежние времена мне случалось иногда добираться до Агропрома, но ночевал я здесь всего-навсего один раз и хорошо запомнил ту ночевку. В Агропроме самая гадость – не аномалии, а мутанты. Мелкие злобные твари, обжившие подземелья, чувствуют себя в них как дома, а мы, значит, вроде татарина. Ну и ладно. Батыеву татарину палец в рот не клади, ну и у меня рефлексy схожие. Откушу и не поперхнусь.

– Внимание, «электра» на два часа...

Это случайная и к тому же хорошо заметная аномалия. Еще не хватало нам вляпаться в аномалию на территории Агропрома! Народ смеяться станет. Покойнику, положим, все равно, кто там над ним ржет, а пока живой – обидно.

Ближайшее к нам здание – длинное, как прокатный цех. Надо полагать, когда-то оно было четырехэтажным, а теперь оно двухэтажное с западной стороны и одноэтажное с восточной. Все, что торчало выше, сметено могучим ураганом, скручено, разбито и разбросано, но, если я что-нибудь понимаю во взрывном деле, это не результат воздушной волны. Такое впечатление, что над зданием ходил дистанционно управляемый торнадо, и вот ведь странность – здание он почти разрушил, а в крайнем правом окне на первом этаже уцелели все стекла. Они и сейчас целы, даже не запылились. Говорят, что по ночам в том окне иногда бывает неяркий свет, но чего не видел, о том не вру. Никто не знает, что там такое. Разумные люди туда не ходят и бить стекла не пытаются, а неразумные – пища Зоны, вечная дуракам память.

Не нравится мне это здание, но еще меньше нравится воспоминание о той, единственной моей ночевке в Агропроме. И я намерен осматривать все подвалы подряд до тех пор, пока не отыщу подходящий.

– Возьми фонарик. Будешь светить мне через плечо.

Карабкаемся на груды битого кирпича. Окно – конечно, не то, где целы стекла, а другое, на противоположной стороне здания – завалено до половины. Я наготове с автоматом. Остро жаль, что у нас с собой нет ящика-другого ручных гранат – я бы сперва швырял в любую дыру гранату, а потом уж совал туда нос.

Вычет светит мне через плечо и дышит в ухо – наверняка сам любопытствует, какие у этого дома потроха. На вид – ничего особенного. Квадратная комната. Один дверной проем без двери. Тряпье, дерьмо, кирпичная крошка и прочий мусор на полу слежались в ровный слой. Вроде безопасно.

Полаюсь чуть вперед – и вдруг понимаю, насколько мне не хочется лезть туда. Очень-очень не хочется. Нет писка в ушах от «шнека», нет озноба, а есть просто-напросто нежелание, большое и острое. Сдвигаюсь еще чуть-чуть вперед – и это ощущение становится непереносимым. Пихаю Вычета – назад давай, назад! – и сам отползаю на четвереньках. Весь в поту.

Спасибо Вычету за то, что не задает вопросов.

– Другое место поищем, – объявляю я, кое-как отдышавшись.

Мы обходим здание кругом. Нет, спасибо, в эти окна я больше не полезу. И туда, где мне уже довелось ночевать, тоже не пойду, разве что под угрозой сиюминутного выброса. Страшная это штука: в брюхо низким облакам бьет столб ослепительно-белого огня, и всякого, кто видит это, уже можно считать живым лишь условно. Ходит потом человек по Зоне, бормочет что-то... кукла ходячая, а не человек. Зомбак. А чаще просто помирает. По мне, уж лучше помереть, чем так... То же самое, если не смотрел на белый огонь, прятал глаза, но был относительно недалеко и не укрылся. «Относительно» – это почти до Периметра, куда помчалось лесное зверье. Бывает и так, что, попав под выброс, человек становится просто сильно тормознутым, оставаясь все-таки человеком, – и тут даже не скажешь, повезло ему или не повезло. Но это случаи редчайшие, что о них говорить. А вот дубли, они же шатуны, – явление более распространенное. Иной раз помирает сталкер, попав под выброс, а потом глядь – вновь ходит по Зоне и даже может наткнуться на свой труп. Копия. Причем она имеет нормальные, не выжженные мозги, только не помнит ничего из прошлого. Совсем без памяти. Сталкеры их боятся и предпочитают сразу отстреливать, военные тоже, а «свободовцы» и «долговцы» – нет, и это чуть ли не единственный пункт, в котором они согласны друг с другом...

Следующее здание я тоже бракую. Игнорирую и дыру в земле, наверняка ведущую в какие-то подземные лабиринты. Она мне просто не нравится. Зато небольшое приземистое здание, как видно, чисто технического назначения, нравится мне чуть больше... Опа! Единственный вход перекрыт «воронкой» – вон она разлеглась прямо на потрескавшемся асфальте, и воздух знакомо дрожит над темным пятном в ее центре. Молчи, «шнек», молчи, сам вижу... Гадина. Сволочь поганая. Не проскользнуть. Разве что прижимаясь к самой стене?..

Многие сталкеры по старинке пользуются гайками, некоторые глумливо перешли на болты, бугай Кипяток, которому не лень таскать лишний груз, отмечает границы гравиконцентраторов тяжелыми свинцовыми грузилами, купленными в рыболовном магазине, один богатый турист швырял патроны, а сталкеры «Долга» кормят «воронки» любым попавшим под руку мусором, считая, что делают разом два хороших дела: обозначают аномалию и чистят Зону. Чудики. Разве ж ее вычистишь? Я предпочитаю традиционные гайки, изредка – японские метательные звездочки (не настоящие – дюралевая штамповка), а в таких случаях, как сейчас, нет ничего лучше гаечки на леске с пятикилограммовым усилием разрыва. Вдоль стены – пошла!..

У самой стены чисто. Гайка легла как надо. Теперь мы ее потянем за леску, потянем... Ползет гайка. Ползет, умница, в двадцати сантиметрах от стены, и ничего ей не делается. Так. Второй заброс – чуть подальше от стены. Гайка ложится как надо, зато леска делает петлю, и ее тут же хватает «воронка». Рывок – нет гайки, а в руке у меня обрывок лески. Ага, похоже на то, что вдоль самой стены все-таки есть проход – сантиметров тридцать, в лучшем случае тридцать пять. Хреново, конечно, но мне случалось просачиваться и не в такие щели. Стена, падла, бетонная, без выбоин, уцепиться будет не за что.

– Нам туда? – интересуется Вычет. По-моему, он совсем не испуган – скорее заинтригован.

– Туда, туда. Замолкни.

Не хочу разжевывать ему очевидную для меня истину: если мы проникнем внутрь и там поймем, что это здание нам не подходит, то выбираться назад скорее всего будем тем же путем.

– Подержи-ка «шнек» да сдай чуть назад...

Мне сразу намного легче. Нет, найти «шнек» – это исключительная, сказочная удача, но он не более чем артефакт, а значит, дурак тупорылый. Я уже устал дрожать, а он знай себе пищит и предупреждает: опасность рядом! Без него знаю.

Навязываю на леску еще одну гайку, потом еще одну... Теряю пять гаек и метров сорок лески. Здесь нельзя ошибаться. Да, вдоль стены тянется узкий проход. Пройдем, если без рюкзаков и без оружия.

Снимаю с себя всю поклажу, обвязываюсь вокруг пояса пятимиллиметровым капроновым шнуром, моток отдаю Вычету.

– Будешь травить помалу. Чтобы внатяг. Обязательно чтобы внатяг. И вдоль самой стены. Никаких изгибов и петель. Попадет веревка в «воронку» – все, кранты. Видел, что с гаечками стало?

Он кивает – понял, мол.

Начинаю идти, прижимаясь к стене. Шажок – остановка, шажок – остановка. Таких шажков надо сделать около двадцати. Шесть... Семь...

– Замри! – кричит вдруг Вычет.

О господи! Он поднял автомат, готов открыть стрельбу. Во что – не вижу. Веревка! О веревке не забывай! Провиснет она и качнется в сторону от стены – конец сталкеру Чемодану. Это же не леска, а пятимиллиметровый шнур, на нем кабана повесить можно!

В такие минуты стареешь сразу на несколько лет. Стою, не дышу, ощущаю лицом нехороший ветерок – признак близости «воронки» – а сердце в груди кто-то поменял на пулемет ШКАС. Не стучит – колотится в диком темпе. Попробовать сдвинуться назад? Нельзя, веревка провиснет...

– Все в порядке! – кричит Вычет. – Показалось.

Креститься надо, когда кажется! Экий дозорный... Показалось ему! Но облегчение, громадное облегчение смывает мгновенную злость, как морская волна тапочки какого-нибудь ротозея. Мне уже не страшно. Одиннадцать, двенадцать... еще немного... дошел!

– Не отпускай веревку, держи натянутой, понял?

Так я и думал – передо мной короткий коридор. Четыре двери, все стальные, и все не просто заперты, а тщательно заварены. В конце коридора имеет место лестница, ведущая

вниз. Ржавые железные ступени. Тихо там? Вроде тихо, запах тоже самый обыкновенный, подвальный, а подробности лучше осматривать в четыре глаза и два автоматных ствола.

Меча на локоть веревочные кольца, возвращаюсь ко входу.

– Эй! Придумай там, за что привязать веревку. Вон вроде что-то из земли торчит. Потом достань из моего рюкзака тонкий шнур, там есть моток...

Вычет все понимает: он отправит мне по веревке оба рюкзака и оружие, потом переберется сам. Может, он когда-то ходил в горные походы или даже увлекался альпинизмом? С учеными это бывает.

Он работает без спешки, но делает все в лучшем виде. Конец тонкого шнура проброшен ко мне вдоль стены просто идеально, рюкзак висит на основной веревке тоже очень хорошо, и тонкий шнур привязан к его боковой шнуровке. Надо было бы сперва переправить мне автомат, ну да ладно, парень все равно молодец. В основе своей толковый, хоть и чуток заучившийся. Готово? Тяну. Поехал рюкзак!

Следом второй. Потом оба автомата и заодно с ними детектор Теперь сам иди.

– Веревку отвязжи. И подожди там пока.

Он отвязывает, а я обрезаю шнур возле дверного проема – случись что, я потеряю так лишь десять метров шнура, а не весь запас. Попробую все-таки втянуть его – терять десять метров крепкого шнура мне совсем не хочется. Иногда цена веревочке – жизнь. Тяну осторожно. Ползи, ползи, веревочка, вдоль стены ползи, не отклоняйся... Вот зараза, конец шнура скатывается все ближе и ближе к «воронке». Внезапный рывок едва не сдирает кожу мне с ладоней. Если бы случайная петля захлестнула мне руку или ногу, я бы вылетел в дверной проем со скоростью пули и через мгновение превратился бы в небольшой, очень плотный комок в центре гравиконцентра. Но я, конечно, следил, чтобы не было никаких случайных петель...

Ладно, хрен с ней, с веревкой. Двигай, Вычет! Твоя очередь.

Страшно, когда напарник очень боится, и не менее страшно, когда видно невооруженным глазом, что боязни нет и в помине. Вычет очень собран и очень спокоен. Перебирается вдоль стенки так, словно никакой «воронки» в считанных сантиметрах от него вообще не существует. Ох, не нравится мне это! А если он решит, что «воронка» – лучшее и притом окончательное решение всех его проблем? Не хочу. Иди, парень, иди. Вот так, молодец. Еще шаг. Ну вот, уже совсем немного осталось. Давай!

Оп! Вычет опять при мне, а я вновь мокрый от пота. Переволновался Чемодан за напарника. По-родственному переволновался.

– Ладно, – говорю, – будем считать, что защита от нападения снаружи у нас есть. Идем глянем, что там в подвале. Где твой фонарик – опять на дне рюкзака?

– В кармане фонарик.

– Лучше иметь налобный. Жаль, что я свой потерял, а ты учти на будущее. Кстати, что тебе там померещилось, когда я шел вдоль стенки?

– Так... – Вычет пожимает плечами. – Шевеление какое-то. Может, показалось.

– Говори яснее. Где шевеление – в траве?

– Нет, в окне того здания, что ты забраковал.

Ну, это ладно. Может, дозорный тех тварей, что гнездятся в подземельях, а может, свой брат-сталкер, укрывшийся от выброса и уставший его ждать, рискнул вылезти поглядеть, что делается снаружи. Заметил нас? Возможно. Но не стрелял – либо потому, что не признал в нас людей вне закона, либо сообразил, что стрелять сквозь «воронку» бессмысленно. И черт с ним.

«Шнек» молчит, а на детектор я и не смотрю, он на монстров не всегда реагирует. Аномалии как-то жмутся к земной поверхности, в подвалах их почти не бывает и на этажах выше первого тоже. Зато в подвалах можно встретить крыс, бюреров, иногда снорков – вся эта животная сволочь считает подземелья своим домом, а к чужакам относится как к бесплатному обеду с доставкой. Реакция у тварей молниеносная, и если они полезут стайей, нужно иметь хотя бы три-четыре ствола чего-нибудь короткоствольного и скорострельного,

---

потому что вести прицельную стрельбу по тварям некогда – только успевай вертеться, грохоча автоматом практически наугад. Не застрелил в суматохе напарника – удача, отбились – чудо, а все остальное, как всегда, в воле Зоны, потому что богу сюда хода нет. Не хочешь, а задумаешься иногда: не она ли новый бог? Есть такие, что убеждены в этом.

Ни звука в подземелье, ни шороха, а запах есть, но самый обыкновенный – запах сырости и затхлости. К потолку пристал хищный гриб – заведомодохлый, высох весь и съезжился, а все еще маскируется, не вдруг разглядишь. Опять коридор, и опять стальные двери. Вот эта открыта... Хм, комната, хотя выглядит так, будто здесь взорвали килограмма два тротила. Металлические стеллажи искорежило и разметало, а другой мебели в комнате и не было. Бывшая секретная библиотека, что ли? Ну, библиотека не библиотека, а какое-то секретное хранилище – точно, вон дверь какая. На полу очень много потускневших стреляных гильз – пистолетных девятимиллиметровых и от АК-74, а на стенах цементных, масляной краской крашенных, немало пулевых выбоин.

– Здесь они держали оборону, – говорю. – Только не спрашивай, отбились или нет.
– Если не отбились, то где их кости и оружие? – рассудительно спрашивает Вычет.
– А я почему знаю. Может, унес кто.
– Сталкеры?
– Или мутанты. Зачем сталкерам кости?
– А зачем животным автоматы?
– А зачем сороки воруют блестящее? Не знаю. Между прочим, некоторые мутанты были когда-то людьми, а уж их предки – точно. Так что...

Замолкаю, не договорив. В комнате только одна дверь, так что оборонять ее будет не особо трудно, но это же обстоятельство делает невозможным отступление. Стоять насмерть вдвоем с Вычетом против стаи мутантов мне не улыбается – я бы лучше отступил, хотя подземных тварей ненавижу от всей души. Только автомат против них не очень-то надежен, их газами травить надо...

Пробую закрыть дверь, тяну ее на себя со всей дури, и она поддается с жутким скрипом. Вот сволочь. Снаружи на двери висит раскуроченный кодовый замок, а изнутри все просто – с поворотом колеса толстые стальные штыри уходят в пазы. Словно паук раздвинул лапы. Как в сейфе. Вот только от кого этим людям пришлось отбиваться, если дверь снаружи не открыть и не взломать без автогена? Вентиляционное отверстие? Крохотное...

– Похоже на ловушку, – выносит свой вердикт Вычет. Оказывается, мы думаем об одном и том же, и думаем сходно. Он небось уже просчитал ситуацию с точки зрения теории игр или еще какой-нибудь зауми и пришел к однозначному выводу. Ну да, верно, при численном и качественном превосходстве противника всегда лучше раз за разом выбирать стратегию уклонения от боя – уж на таком-то уровне с теорией игр я знаком. Ладно, поищем другое помещение. Хочу сказать Вычету, чтобы прикрыл меня, когда я буду открывать дверь...

И в этот момент на нас обрушивается удар. Отложенный выброс устал без конца откладывать сам себя.

Глава 4

Любимец Зоны

Помню, что меня швырнуло на пол. Знаете, как реагирует на выброс человеческий организм? Ничего вы не знаете. Тело не то ватное, не то деревянное, и худо мне так, что кричал бы я на всю Зону от невозможности вынести эту пытку, да только крик во рту застрял. Возьмите крутейшее похмелье, напигуйте организм иголками и битым стеклом, суньте его одновременно в огонь и лед да еще огрейте дубиной по голове – вот тогда получите некое подобие реакции живого тела на «выдох Зоны», как некоторые журналисты

называют выброс. Что по сравнению с этим неаккуратное падение на твердую поверхность? Пустяк.

Потом вроде отпускает, мотаю головой, мычу и начинаю понемногу соображать, но наружу выходить все равно нельзя, убьет, а чем убьет – неизвестно. Первая волна выброса пронеслась над нами и пошла дальше к Периметру, понемногу затухая, как надлежит всякой кольцевой волне. Теперь над нами идет ровный поток аномальной энергии, не такой мощный, как первый удар, но тоже смертельный, если негде укрыться. Недаром лесное зверье сломя голову бежит прочь от выброса и гон не прекращается еще несколько часов после того, как шарахнуло. Подземным мутантам тоже несладко, и в этом наше счастье: если они когда-нибудь научатся сносно выдерживать первый, самый страшный удар энергии, бьющей в низкое небо над ЧАЭС, в подвалах Агропрома уже не укроешься – сожрут за милую душу.

Уф-ф... Отпустило. Первая волна оказалась короткой, а значит, и сам выброс будет скорее всего недолгим. Верный признак. Башка все равно раскаляется, мышцы плохо слушаются, но я уже опять человек, а не кусок протоплазмы, мечтающий лишь о том, чтобы пытка скорее кончилась – все равно чем. В те секунды, иногда минуты, пока идет волна, смерть не страшна, а желанна. Страх приходит чуть позже, когда осознаешь, что уж точно порешил бы себя, если бы мог. Просто не вынес бы пытки. С другими сталкерами бывает то же самое, я спрашивал.

Подумал о том, что было бы с нами, не успей мы спрятаться, – в дрожь бросило. Мы рисковали, сильно рисковали. А что было делать? Отчаянные мы ребята. Ну, Вычет – ладно, он ведь только в теории знает, что такое выбросы, но я-то знаю это на практике!

Впрочем, теперь и он знает это на практике.

– Как жизнь молодая? – спрашиваю, а сам ищу фонарик, что я выронил, а он закатился куда-то и погас. Ага, нашел. Да будет свет.

Вычет мотает головой, и в глазах у него вся классическая гамма: и обалдение, как после хорошего приветствия колом по лбу, и толика обиды на подлость Зоны, и, главное, облегчение: ура, все кончилось!

А ничего еще не кончилось. Будем здесь куковать. Вот и ладно, отдохнем. Если удастся немного покемарить – совсем хорошо.

– Живой... – молвит Вычет с некоторым понятным удивлением. – Нет, все же очень любопытно: что это за энергия? Ну почему я не физик?

У каждого свои тараканы в голове. А я, скажем, почему не банкир? А ты? Был бы богатым – может, и Катя твоя ненаглядная осталась бы жива. Свозил бы ты ее за бугор в хорошую клинику – и был бы шанс. Какой смысл думать о том, чего нам удалось бы достичь, будь мы чуток поумнее, – не понимаю.

– Не расстраивайся, – говорю, – физики тоже не знают, что это за энергия. Держись, брат-сталкер. Жив, цел и невредим – какого еще рожна надо?

А сам думаю: дожить бы до утра. Наружу не сунешься – нечего там делать на ночь глядя, декабрьские дни коротки, через несколько минут совсем стемнеет, и ночевать нам придется здесь. Какой может выйти эта ночевка, о том гильзы на полу говорят вполне красноречиво.

Вычет, кряхтя, подымается, идет вдоль стены, находит выключатель. Щелк – ничего. Еще щелк – ого!..

Вот это номер – одна из люминесцентных ламп под потолком, чудом уцелевшая, и впрямь зажглась.

– Выключи!

Он уже достаточно вышколен, поэтому моментально щелкает выключателем и только потом задает вопрос:

– Зачем?

– Зверье, дубина! Мутанты.

– Так они же ничего не увидят из коридора.

– Не увидят, зато почувствуют. Они умеют. И вообще болтай потише.

Он замолкает, то ли проникнувшись идеей безопасности, то ли обидевшись на «дубину» и «болтай». Сосунок он еще. А мне только на руку, что он молчит, – чем меньше говоришь, тем больше слушаешь. Пока вроде тихо. Может, в этом подземелье вообще нет мутантов?

Хочется надеяться, да верится с трудом. Подвальные помещения Агропрома велики и удобны для целых стай всевозможных тварей, привыкших к темноте. Не исключено, что здесь есть и более глубокие подземные этажи – мы ведь коридор до конца не осмотрели, а там дальше, помнится, был поворот, вот что за ним, интересно? Кто-то неспроста проектировал эти подземелья, рассчитывая, наверное, на ядерную войну. Очень может быть, что все эти ходы и подземные рабочие помещения Агропрома связаны в единую сеть – наверняка она частично разрушена, так что и старые поэтажные планы были бы для нас бесполезны, если бы они у нас имелись. А сверюсь-ка с ПДА.

Вот он, поэтажный план, составленный сталкерами, – на экранчике моего карманного компьютера. Еще с прошлой ночевки я неплохо помню конфигурацию главных частей подземного лабиринта, хотя толку в этом чуть, и много ли пользы в том, что, по словам торговца, последние изменения внесены в план всего месяц назад? «Всего»! В Зоне месяц – это вечность. Но все же поглядим.

Три цвета на плане – красный, оранжевый, желтый. Красный означает высшую опасность, зеленого нет совсем, да и желтого маловато. Наше помещение отмечено оранжевым, но рядом с ним все красным-красно. И надпись: «Полтергейст?» Вот именно так, с вопросительным знаком. Это радует. Небось кто-то наложил в штаны, увидев нечто непонятное, но сам унес ноги, иначе кто бы нанес на план эту надпись?

Под нами нет нижнего яруса, зато коридор за поворотом на плане обрывается и тонет в красном, как отрубленная конечность. Ясно: туда никто не ходил, а кто ходил, тот не вернулся, и куда ведет коридор, одной Зоне известно. Оттуда в первую очередь можно ждать неприятностей.

А еще откуда? Из любой соседней комнаты – это во-первых. Снаружи здания – это во-вторых. Как раз к тому времени, когда выход из подвалов перестанет быть однозначно летальным делом, рассосется «воронка» при входе, а ночная темень даст простор всем тварям, боящимся света. В общем, в коридор мутанты могут попасть откуда угодно, в том числе извне здания. И пускай себе. У нас все-таки стальная дверь.

В кармане моего рюкзака всегда есть две-три свечи. Нет, не от геморроя, а те, что горят. Зажигаю одну, а фонарик гашу – будем экономить батарейки. Знаю, у Вычета в рюкзаке есть еще один фонарик с ручным генератором, но он жужжит, сволочь, и кисть руки от него устает, а нам сейчас нужен отдых. Горит свечечка, и как-то уютнее с нею, что ли. Вычет на огонек уставился и не мигает. Хорошее у парня лицо, даже не скажешь, что мы с ним родственники. Нет, я тоже не урод, но... разные мы. А больше всего мне нравится в нем то, что он быстро поехал после того, как долго запрягал. Ну или я его запряг, не важно это. В движении человек, хоть и сидит в данную минуту сиднем на тощей своей заднице, все равно он при деле и с ясно поставленной целью. Все-таки он очень хорош для новичка, а я всяких новичков повидал – и трусливых, и нахальных, и жадных до крайней степени, и подлых хуже всякой твари, и попросту глупых. Ну и мертвых, конечно. Долбишь новичкам, долбишь, что нельзя относиться к Зоне как к чему-то привычному, человеческому, ибо нет в ней ни справедливости, ни агрессивности лично к тебе, ни жалости к тебе же, и даже своих, ею самой для себя установленных законов в ней нет, а есть лишь закономерности с кучей исключений вроде «шнека» или отложенного выброса, – а они не верят. Иной кивает: понял, мол, не дурак, а я все равно вижу, что понял он только мозгами, а до печенок не дошло. Если неглуп и восприимчив – может, станет сталкером после того, как Зона его пошлифует как следует, а если имеет твердый лоб и несокрушимое убеждение в том, что мир устроен именно так, как ему, дураку, хочется, – гробанется обязательно. Ходил у меня один такой в напарниках, но недолго – я его отшил, чтобы он не при мне в ящик сыграл и меня за собой не

потянул. Уж как он меня ни упрасивал, я в ответ только советовал ему покинуть Зону как можно скорее и жить долго. Не послушал он меня, конечно, и сгинул. С Хвостом пошел к Радару, и Хвост оттуда в «Харчи» один вернулся...

Тишина за дверью, и у нас тишина. Слышно, как временами потрескивает фитиль свечки. Одна треть уже сгорела. Когда сгорит вся, я зажгу новую, а когда прогорит и она, можно будет рискнуть высунуть нос на улицу. Для пробы. Рассветет еще не скоро, ночью бродить по Зоне мало кто отваживается, но я сейчас смелый. Наверное, это от трусости – понимаю, что оставаться здесь до утра ничуть не безопаснее. Чем раньше мы отсюда смоемся, тем лучше – жаль, нельзя это сделать прямо сейчас.

– Знаешь, – говорю Вычету шепотом, – а Зона, по-моему, тебя любит.

Он смотрит на меня непонимающе.

– Серьезно, – говорю. – Ну гляди: мы вроде вне закона, а до сих пор живы и хорошо продвигаемся. Это раз. «Шнек» нам, точнее, тебе Зона подбросила – это два. Ведь ты его нашел? Опять-таки Зона обозначила выброс, а потом отложила его, чтобы мы могли спокойно уйти от облавы. Это три. Позволила нам найти убежище – это четыре. Как тебе мой устный счет?

– Ты тоже думаешь, что Зона заставила тебя тащить меня к Монолиту? – вопросом на вопрос отвечает Вычет.

– Я? Идиот я разве? Никогда не верил в сказки. Зов – чушь собачья. Просто я думаю, что ты Зоне по нраву. Может, потому что денег не хочешь, может, еще почему, не знаю... Такое бывает, знаешь ли. И ты этого бойся, – говорю. – Были сказочно удачливые сталкеры, некоторых я знал, а почти все в конце концов в Зоне легли. Сволочь она – сначала любит и бережет, а потом хрясь – и хоронить даже некого.

– Как ребенок, – улыбается Вычет. – Младенец и игрушка. Поиграет, а потом разобьет.

– Во-во, как ребенок. А ты его игрушка.

Улыбаясь еще шире, Вычет качает головой. Он мне не верит. Но хоть улыбаться иногда начал – уже хорошо.

– Значит, ты думаешь, что Зона – существо? – спрашивает он. – А раз существо, то она и любить кого-то может?

– Откуда мне знать? – говорю. – Мне до сих пор просто выжить в ней хотелось и вернуться не пустым, а обобщения не по моей части. Насчет существа ты ученых поспрашивай, есть тут у них недалеко лаборатория, может, пересечемся...

– Объект «Янтарь»? – проявляет осведомленность Вычет.

– Ага. Была бы тут нормальная местность – за час бы дошли прогулочным шагом.

– Мы пойдем туда?

– Если нас вынудят, мы еще и не туда пойдем... Тссс!

Вычет – умница – не издает ни звука. Спрашивает одними глазами – что, мол, такое?

Я тоже дыхание затаил. Послышалось? Нет, это шорох был. Шорох за дверью. Вот опять... Едва различимый шорох, но множественный.

– Тихо... – шепчу. – Слышишь? Кто-то мелкий. Но много.

– Эти, как их... бюргеры, что ли? – опасливо любопытствует Вычет.

Анекдот он ходячий. С бюргером я бы пива выпил, сосисок пожрал. А бюргеров надо мочить – гадкие они твари. Не могу поверить, что их предки – люди. Скорее бюргеры смахивают на горилл, только совсем небольших, мне по пояс, и безволосых. Ноги короткие, а руки, говорят, чудовищной силы. Нападают и поодиночке, и стаями. Еще про них говорят, что умеют они предметы на расстоянии двигать, но сам я этого ни разу не видел и не знаю, верить ли. Одно в них хорошо: света они не любят, как морлоки уэллсовские.

И очень плохо, что почти вся ночь еще впереди, долгая декабрьская ночь... На улице не спасешься. Но свет у нас есть, и оружие есть, и дверь крепкая, авось продержимся. Надо продержаться. Помирать кому охота, а помирать с виной и того хуже. Я ведь Вычета в это дело втравил да еще как старался.

Шорох слышнее стал, потом по двери что-то проскрежетало с той стороны неприятным

таким скрежетом. Похоже, лапа когтистая, мощная. Бюреры это, конечно, больше некому.

– Они знают, что мы здесь? – еле слышно шепчет Вычет, а сам напряжен и дышать забыл. Глупый вопрос. Чего тут знать-то?

– Жди, – говорю, – мимо тебя твое не пронесут, – а сам нет-нет, да и взгляну на вентиляционную решетку. Крысе не пролезть, бюреру тем более, но все равно не нравится мне эта дыра за решеткой. Помнится, болтал кто-то в баре «Харчи» о мутировавших дождевых червях, а кто и что болтал – не помню, пьян был, да и года четыре как-никак с той поры прошло.

А воздух становится хуже – наверное, забита вентиляция. Это, пожалуй, к лучшему – хоть оттуда до нас не доберутся. Ничего, потерпим, время есть, а потом будет видно, что и как.

Жаль, нельзя закурить. Самое полезное для нормального человека, не лентяя, занятие – покурить, когда никакой работы нет. Сразу же откуда ни возмись ощущение: не лодырничаете, занят делом.

Удар в дверь заставляет Вычета подпрыгнуть. Но оружие у него наготове, а это главное. И руки у парня вроде не дрожат.

Новый гулкий удар, мощнее первого. Что хотите со мной делайте, но этот удар нанесен не лапой. А вот хрена вам, твари, с этой дверью вы не справитесь!

Третий удар заставляет стальную дверь чуть заметно выгнуться в нашу сторону. Чем они там бьют? Бревном, что ли? Быть того не может – негде разогнаться...

– Иди-ка включи-ка свет.

Чего уж теперь, пусть хоть светло будет. Страхуюсь от самой маловероятной случайности. Если дверь окажется слабее, чем я думал, и все-таки рухнет, то ворвавшиеся твари будут хотя бы на недолгое время ослеплены, ну а дальше... убойную силу пули еще никто не отменял, даже Зона.

Вычет исполняет требуемое. Ладно, подождем... Время на нашей стороне. Думайте, твари, думайте, как сделать из нас мясо. Соображайте, время идет.

А свеча, пожалуй, зря горит. Потушу.

– Там! – кричит вдруг Вычет.

Твою мать! Железная решетка на вентиляционной отдушине ходит ходуном, дребезжит на ржавых винтах, а винтов-то всего два...

– Стрелять? – спрашивает Вычет.

– В кого? Там пусто.

Это телекинез, теперь я уверен. Значит, не ввалили сталкеры о бюрерах – они это умеют. Зябко как-то становится. Мы их только слышим, а учуять не можем, не берет детектор живую массу сквозь стальную дверь, а они нас и слышали, и учуяли, и уже взялись донимать. Решетка-то им зачем?

– Голову береги, – говорю на всякий случай.

Вовремя.

Дзень! Ломая последний крепежный винт, решетка летит, как нацеленная хорошим пинком, – и сразу становится темно. Прямое попадание. Твари целили не в нас, а в источник света. Люминесцентная трубка под потолком разлетается осколками, а свеча гаснет.

– Фонарики! Оба!

Свечу сперва в сторону вентиляционной отдушины – оттуда никто не лезет, как я и ожидал, – затем перевожу луч на дверь. Рядом Вычет с проклятиями копается в рюкзаке. Ага, нашел свой фонарь-эспандер. Качай его, качай. Развивай мускулатуру кисти.

Вновь зажигаю свечу. Теперь лишний источник света нам не мешает, и нет смысла экономить. Прожить бы еще несколько часов, за это время должен кончиться выброс. Потом придется идти на прорыв, потому что бюреры – твари упорные в своих намерениях. Не силой возьмут, так измором.

И как подтверждение моих мыслей – долгая-долгая пауза. Лениво течет ползучее время, капает минутами. Кап. Кап. За дверью тихо. Как не было ничего. Вычет недоуменно

вертит головой, то и дело проверяет лучом жужжащего своего фонарика отдушину – не верит, что все кончилось. Это правильно, я тоже не верю. Твари подземелий всегда голодны, они так просто не отступятся.

Почему они – телекинетики! – не могут заставить наши рюкзаки летать, стуча нам по головам, а автоматы саморазрядиться, я в общем-то догадываюсь. Чтобы взять, надо знать, где лежит. Хватать вещи наугад, не видя их, – чего доброго ментальный пупок надорвешь. Бюреры осторожны – работали вслепую только с теми предметами, расположение которых хорошо знали. С вентиляционной решеткой и люминесцентной трубкой.

Но дверь крепка. Может, они все-таки обломают о нее зубы?

И вдруг колесо на двери с тихим скрипом начинает медленно поворачиваться, выдвигая из пазов на косяке стальные стержни.

Однажды я держал новичка, затягиваемого «воронкой». Я и сам был тогда лопухим желторотиком и лишь в теории знал, что по Зоне нельзя ходить в связке. Словом, позволил уговорить себя, дурак. Пошли, веревкой обвязавшись. Альпинисты гребаные. «Если друг оказался вдруг», ну и так далее. Дело было после заката, а ночью «воронку» увидеть так же трудно, как черную кошку в темной комнате. Почему на аномалию не среагировал детектор – до сих пор не знаю. Конечно, бывают особенные, нетипичные «воронки», но и детектор детектору рознь. Парень крикнул, упал на растрескавшийся асфальт и поехал, а я, сам не знаю как, успел набросить петлю веревки на какую-то надолбу, что торчала из асфальта между нами, сам уперся в нее ногами и попытался остановить затягивание напарника в гравиконцентрат. Не остановил, лишь сильно замедлил. Потом одни старики говорили мне, что я молоток и ничего другого сделать все равно не мог, зато хотя бы попытался, а другие называли меня дурачком, потому что парня я уже все равно не мог спасти ни при каких обстоятельствах, только заставил помучиться. Не знаю, сколько времени я держал – может, минуту, а может, секунд десять-пятнадцать всего. Губу насквозь прокусил, ладони стер в кровь. Потом увидел и услышал, как моему напарнику сломало веревкой позвоночник, да и надолба начала крошиться – и тогда уже хотел резануть по веревке, но нечем было достать нож... а потом парня затянуло глубже, и веревка сама порвалась...

Очень я не хотел заниматься впредь чем-либо подобным. А пришлось.

Повалив свечу, мы с Вычетом бросились к двери одновременно и вцепились в колесо. Нам даже удалось немного повернуть его обратно, а потом то ли у нас иссякли силы, то ли к телепатам с той стороны подошло подкрепление. Несколько минут мы держали колесо, и оно не двигалось ни туда, ни сюда. Потом вновь стронулось и медленно, миллиметр за миллиметром, поехало против часовой стрелки – на отпирание.

– Держи...

Не приказ это – стон. Мышцы давно напряжены сверх меры и уже устали, скользят по металлу потные ладони. Эх, рычаг бы сюда! Хороший толстый лом. Но нет поблизости ничего, что сошло бы за рычаг, а если бы и было, не помогло. Не успели бы вставить. Одному мне нипочем не удержать проклятое колесо, а Вычету тем более.

Висну на колесе всей массой. Без толку – вращение колеса приподнимает меня. Не удержать. Значит, так... По команде – разом отскакиваем, хватаем автоматы. Не видно других вариантов. Того фонарика, что у меня в зубах, будем надеяться, хватит. Один ведет огонь, другой в это время перезаряжает свободный автомат. Уж мы их встретим... А сколько у нас снаряженных магазинов?

До слез мало.

Ничего, успокаиваю себя, сдюжим, – а колесо все вертится, медленно так, неспешно, зато неостановимо. Ничего... Может, мы покрошим их всех. Да и твари... может, они не настолько походили с ума от голода, чтобы попереть на автоматы всей стаей? Жить-то им хочется, нет?

Блин, это же бюреры... Уж кто-кто, а эти способны на что угодно, логикой их действия редко пахнут. Ладно, чего гадать, сейчас поглядим, что они для нас приготовили.

Вот-вот стальные штыри выйдут из пазов. Недолго нам осталось мучиться.

– Приготовься, – хриплю я невнятно, как у стоматолога – фонарик в зубах мешает внятной дикции. – На счет «три». Разом бросаем колесо, отскакиваем, я открываю огонь, ты только перезаряжаешь. Понял меня? Точно понял? Готов? – Вычет кивает. Почему-то он кажется мне странно спокойным. – Ну... Раз, два...

Ни с того ни с сего колесо подается вправо, по часовой стрелке, и стальные стержни вновь со звонким щелчком уходят в пазы до отказа. Что-то очень легко провернулось колесо. Бросили его мутанты, не справились? Что так? Кишка телекинетическая оказалась тонка, двух усталых мужиков не смогли пересилить? Идите сюда, людоеды, твари подвальные, вонючие, я вас сам зубами грызть буду, не побрезгую. Где вы?

Наверное, они что-то задумали. Скорее всего хотят выждать, когда мы успокоимся и перестанем держаться за колесо, а потом внезапно навалятся на него со всей своей телекинетической силой. Рывком бешеным. Успеем ли мы отреагировать, удержим ли?

Держу колесо, не отпускаю. Может, удастся закрепить его веревкой или как-нибудь заклинить?

Правый локоть болит здорово, видать, потянул я его. Как еще связки не порвал. Сейчас мои мышцы расслаблены, отдыхают, но, если что, я готов вновь навалиться на проклятое колесо со всей силой, а сам почему зря верчу головой, а значит, и зажатым в зубах фонариком, по стенам нашей комнаты – не то убежища, не то ловушки, – ищу что-нибудь подходящее для заклинивания колеса и не нахожу. А Вычет...

Он сидит на полу и без всякого ужаса в глазах, а скорее с любопытством наблюдает картину: прямо перед ним в метре над полом парит его продырявленный и измазанный кабачковой икрой рюкзак. Чуть покачивается туда-сюда и падать не торопится. Автомат! Автомат крепче держи, придурок! Если эти сволочи умудрились добраться до наших вещей, то что им стоит повернуть против нас наше же оружие?

Вдруг ни с того ни с сего в комнате становится ярче – сама собой загорается валяющаяся на полу погасшая свеча и тоже плавно взмывает, будто язычок пламени тянет ее вверх. Повисает между полом и потолком и тоже висит себе так спокойненько, горя и чуть слышно потрескивая. Таак. думаю. А больше никаких мыслей, одно только «та-ак». А чего «та-ак», если я ровным счетом ничего не понимаю?

Тут хохот раздался, отразился от стен, заметался по комнате, и я сразу все понял. Не ввали старики, ходившие глубоко в Зону и чудом вернувшиеся, – есть в Зоне полтергейст, есть. То ли это существа такие, то ли явление – не поймешь. Хохотать умеют, выть тоже будь здоров могут, человек от их воя со страху запросто обделаться может, поднимать и передвигать предметы у них тоже неплохо получается, говорят еще, что они умеют генерировать из ничего шаровые молнии и направлять их куда им надо, – и при всем том никто этих существ никогда в глаза не видывал. Фантомы. То ли они умеют отводить глаза, то ли их в нашем вещественном понимании вообще не существует. Но ведь что-то есть рядом с нами, есть! Я почти его чувствую. Оно рядом. Оно, наверное, с самого начала было с нами в этой комнате.

– Это полтергейст, – спокойно и значительно, как экскурсовод, объясняет мне Вычет. – Мне рассказывали. И читал. Бояться не надо.

Вот уж не предполагал, что этот хлюпик будет заражать меня своим спокойствием!

– Уверен?

– Страх бессмыслен. Все равно в данной ситуации от нас ничего не зависит. Мы можем только наблюдать.

Логик хренов. Математик. Тебе не страшно, да? Мне, впрочем, тоже уже не очень страшно.

– Он отогнал бюреров, – продолжает Вычет. – Можешь не держаться за колесо.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Иногда он меня просто пугает. Странно у него работает голова: если ты не в силах

ничего изменить, так, выходит, тебе нечего и пугаться? Скажите это приговоренному к смертной казни. Ну ладно... Колесо я все-таки зафиксирую – наверное, лучше это сделать веревкой. Лом или арматуру еще поискать надо, зато остаток капронового шнура под рукой. А привязать его можно к одному из стержней – этак весь механизм окажется стреноженным...

Пока я вожусь с морскими узлами, Вычет молчит. Оборачиваюсь – рюкзак лежит на полу, а рядом стоит свечка.

– Упало? – спрашиваю.

– Нет. Медленно опустилось. И свечку он еще придерживает, гляди.

Верно: свеча чуть наклонена и заведомо не приклеена парафином к полу. Должна бы упасть, но не падает. Полтергейст забавляется.

– Никуда не ушел? – Вопрос туповатый, но что поделаешь, сам собой вылетел.

– И не уйдет.

Если бы не чрезвычайные обстоятельства – дал бы я ему сейчас в морду, ей-ей. За везнаиство.

– А ты почему знаешь? Думаешь, он не умеет ходить сквозь стены – Прекрасно умеет, – просвещает меня Вычет. – Насколько я понимаю, полтергейст – это информационно-энергетический фантом, наделенный псевдосознанием и определенной степенью свободы воли. Он не уйдет, потому что не хочет уходить.

Сажусь на пол подальше от рюкзака и свечи, приваливаюсь к стене. Почему-то она теплая, хотя, казалось бы, ночи в Зоне далеко не субтропические, а отопительная система в Агропроме должна была навсегда вырубиться еще до моего рождения. Но Зона есть Зона, что тут еще скажешь? Зона – это не только местность, это еще и объяснение всему, что в ней творится. Зона – этим все сказано и все объяснено. Знаю: ученые ищут более приемлемые для их умов объяснения, да только дело у них движется не шибко успешно, как всем известно. У нас, сталкеров, все проще, мы не станем выяснять, почему в здании есть электричество и откуда оно берется. И почему стена теплая – тоже. Дозиметр возле нее не сходит с ума – вот и ладно.

Поспать сегодня не удастся. Я, собственно, только надеялся часа на два сна, но особенно на это не рассчитывал и предполагал, что в лучшем случае мы до рассвета будем прислушиваться к каждому шороху, а в худшем – отбивать атаки мутантов. Но Зона решила по-своему. Какой может быть бой и какой сон, если рядом полтергейст? Чем его проймешь, чтоб ушел и не пугал? Святой водой? Не имеем. Шаманскими плясками под бубен? Нет бубна. Жертвоприношением? Пожалуйста, я готов отдать ему бутылку водки плюс любую консервную жестянку на выбор. Эй, дух, ты мысли читаешь? Отдать?

Как же, нужна ему наша водка.

А Вычет странно спокоен. Гляжу, достает из рюкзака колбасу, отрезает здоровенный кус и начинает жевать. Проголодался. То ли у него весь страх в аппетит ушел, что было бы неплохим вариантом, то ли у него понемногу крыша едет.

Падает и гаснет свечка. Не переставая жевать, Вычет зажигает ее и вновь ставит на пол, подперев обломком штукатурки. Как так и надо.

– Он ушел? – спрашиваю шепотом.

– Нет. Он здесь.

Чует он полтергейст, что ли? Я не чую, а он чует. Немного обидно, Но больше тревожно.

– Это хорошо, что он не ушел, – жуя, говорит Вычет, и речь его невнятна. – Пока он здесь, бюреры не вернутся. Я вот что подумал: ни могли бы завалить дверь снаружи, она ведь в коридор открывается бы не вышли. Еда у нас есть, а с питьем плохо. Через несколько ей они взяли бы нас голыми руками.

– Для бюреров это чересчур сложно, – говорю. – Они бы нас просто караулили. И потом, они ведь очень голодные. Эти твари всегда такие. Ждать несколько суток? Нет, это не для них.

Кого я успокаиваю – его или себя? О бюрерах рассказывают много всякой всячины. Я совсем не убежден, что они непременно полезли бы на приступ. И не знаю, какой вариант был бы для нас лучше.

Вычет пожимает плечами – мол, все возможно, – и вдруг начинает громко икать. Лезет в рюкзак за водой, пьет и все равно мучительно икает, булькая и разбрызгивая воду. Нашел время икать. Мучается, икает, пьет и глаза вытаращил, а по комнате гуляет, отражаясь от стен, новый приступ потустороннего хохота. Полтергейст и вправду еще здесь.

Я вжимаюсь в стену, мне хочется стать маленьким-маленьким. От всех тварей и монстров Зоны есть защита хотя бы теоретически. Даже кровососа можно убить, хотя о нем точно известно, что он умеет отводить людям глаза. Даже с контролером можно справиться, предварительно перестреляв контролируемых им зомбаков. Лишь от полтергейста нет никакой защиты, и я распрекрасно понимаю: что он захочет сделать с нами, то и сделает. И никто ему не помешает.

Наверное, Вычет прав: бояться... уже поздно.

Попытаюсь маяться без страха.

Мы покидаем подземелье на рассвете. В коридоре свежее дерьмо – наверное, какой-нибудь бюрер обгадился, удирая во всю прыть от полтергейста. «Воронка», что вчера мешала нам войти, превратилась в заурядную «карусель» и отодвинулась от двери – «шнек» и детектор говорят, что можно выйти беспрепятственно. И вижу я, что под «каруселью» лежит нечто интересное – явно артефакт, мне не знакомый. Может, он произведен из того куска веревки, что давеча втянула «воронка», а потом над полуфабрикатом еще поработала «карусель». Везет нам на редкости... только подбирать его я не стану, соваться под «карусель» – слуга покорный.

Полтергейст оставался с нами до утра – вздыхал, шевелил зачем-то осколки люминесцентной трубки на полу, интересовался моим рюкзаком и ботинками, еще дважды жутко смеялся, а нас не тронул. Пощадил. В общем, вторая моя ночь в подвалах Агропрома стоила первой – той, давней. Намаялся, а жив.

Сырой, промозглый воздух. Рассвет был ультрамариново-синим, а теперь опять все серенькое. В низинах лежит густой туман – плотно лежит, хорошо устроился. В эти низины мы не пойдем, там не видно ни пса, а пойдем мы по бетонке, авось проскользнем незамеченными. Вокруг Агропрома плохие для нас места – много монстров, достаточно аномалий, хватает радиоактивных пятен, да и людей гораздо больше, чем нам хотелось бы. Самых разных людей – и нормальных сталкеров, и «свободовцев», и «долговцев», и бандитов. Здесь люди с хабаром ходят, как на таких не напасть?

Карту я помню неплохо, не стану и сверяться с ПДА. Бетонка скоро свернет на север, а мы от поворота пойдем прямо на восток – до кладбища техники, а там и до грунтового шоссе, если проскочим. И уже по шоссе двинем на север.

– Внимание, «разлом» на одиннадцать часов.

– Вижу.

За «разломом» притаилась «мясорубка» – вон она, детектор ее поймал, хотя «мясорубка» сложный объект для обнаружения. Висит над щербатым бетоном этакое сферическое дрожание – не дрожание, а не пойми что. Большая гадость эти «мясорубки», хуже «воронок», хуже всех обыкновенных аномалий, – а необыкновенные аномалии редки, нормальный сталкер их в расчет не берет. Нормальный – это вроде меня прежнего, то есть понимающий, что вернуться целым важнее, чем набрать артефактов. Все сталкеры-долгожители – из нормальных; есть среди них такие, что за пять-семь лет не успокоились, все еще ходят в Зону и до сих пор живы. Лучший из них – Стопарик – едва не справил десятилетний юбилей своего сталкерства, да погиб геройски от цирроза печени. Вне Зоны погиб, на больничной койке. Так-то. От судьбы не уйдешь.

Пора сворачивать с бетонки.

Мы идем по исковерканной земле. Сначала здесь резвилась строительная техника,

---

возводя непонятно что, и бегали матерящиеся прорабы, затем всю эту местность покрыло радиоактивными осадками, а после Второго взрыва на ней от души порезвились черти. Некоторые места особенно нравятся Зоне, а потом у нее ослабевает к ним интерес. Как раз вот такое место. Когда-то здесь было скопление всевозможных «трамплинов», «каруселей», «воронок» и «жарок» – теперь лишь отдельные редкие аномалии. Оплавленная мачта ЛЭП валяется на боку – к счастью, в стороне от нашего пути. Не люблю больших металлических предметов, да и никто из сталкеров их не любит – кому охота попасть под пси-воздействие, частенько распространяющееся через такие вот конструкции? Ударит тебя по мозгам, и если не скукожит от боли, то начнутся глюки, позабудешь, куда и зачем шел, а то еще бывает, что разрыдаешься вдруг ни с того ни с сего или в буйство впадешь, своего же напарника можешь покалечить. Застранешь в пси-поле – тут твоим мозгам и кранты, и появится в Зоне еще один зомби, кукла-автомат... Мерзость. По мне, уж лучше в «мясорубку».

А чего хотели те, кто тут чего-то строил? О чем думали? Дважды и трижды изнасиловали природу, а потом развели руками: «Мы не знали...» Чего не знали – что Природа будет возмущаться и мстить? Что она попытается обезопасить себя от людей?

Нет, это что-то не то я подумал... Природа тут ни при чем, ей тоже всю достается. Не станет же она сама себя калечить. Это просто Зона – вот и ответ на все вопросы. Другого ответа не жду, потому что не верю, что он когда-нибудь появится.

Подбираю «каменный цветок» – очень красивый и сравнительно редкий артефакт, за него можно выручить недурные деньги. В прежние времена, найдя «каменный цветок» или что-либо подобное, я начинал сильно беречься и довольно скоро направлял стопы к лагерю, потому что всегда считал, что от добра добра не ищут. А вот и «бенгальский огонь» валяется прямо на видном месте – это дешевая штука, но все равно возьмем... Раз лежит – надо брать. А как иначе?

Знаю отлично: сейчас по всей Зоне сталкеры вышли на промысел. Самые жадные и отчаянные, наверное, выползли из укрытий еще до рассвета и рыщут повсюду. Зверье распугано, разбежалось к Периметру и вернется еще не сегодня, аномалии сменили местоположение, и теперь надо только проверить ловушки Зоны, обозначенные ранее на своем индивидуальном ПДА. Чаше всего аномалий на тех местах уже нет, зато есть хабар. Ну, не обязательно есть, однако может быть. Ходишь, как грибы собираешь. На минном поле, потому что одной Зоне известно, где теперь таятся ловушки, и надо смотреть в оба. Не то из тебя самого аномалия, глядишь, смастерит какой-нибудь артефакт, если на нее нападет творческий зуд. Перемешает тебя с дерьмом и слепит красивый куличик, а потом какой-нибудь жадный дурак подберет его и продаст другому дураку, тоже жадному, но убежденному в своем уме...

Нет, все это мур с хреном, нельзя такие мысли думать, когда по Зоне идешь. Чего хочет Вычет? Дойти до Монолита. А чего хочу я? Довести его... докуда смогу. И если уж по пути он не вылечится от хандры, то я не виноват. Моя задача – вести его, не загоняя в ловушки, оберегая от мутантов, случайной пули и всего, чем щедра Зона. Может, заодно соберу немного артефактов в довесок к «шнеку». Не будет для меня лишним такой довесок, ох, не будет. Может, и впрямь гостиницу выстрою.

И даже об этом думать сейчас вредно, а надо просто хорошенько смотреть и все видеть. И чувствовать. Сталкер в Зоне думает спинным мозгом, это всем известно. И да будет так.

Я останавливаюсь, и идущий позади Вычет едва не натывается на меня. Растяпа. Ботаник, гербарий собирает. Мечтатель, олух царя небесного. Сколько раз говорено: смотреть под ноги только боковым зрением, а больше глядеть по сторонам! Делаю знак: тихо...

Слышен чей-то приглушенный говор – разговаривают двое, только слов не разобрать. Где они? Туман редеет, видно метров на сто, конструкции какие-то видны покореженные, чахлые кусты, отдельные деревья, людей только нет. А звук явственный, как будто разговаривают в десяти шагах. Такое бывает тихим вечером над водой, когда несильный ветерок дует в твою сторону. Ну, эти шутки Зоны мы знаем – звуковой канал, вот что это

такое. Беседующие могут находиться где угодно, хоть на другом конце Зоны, а нам слышно. Бывают еще зрительные каналы, а бывают и обонятельные, но реже... Осязательных только не бывает, за что спасибо Зоне.

Ладно, двинулись.

Но минут через пять я действительно замечаю двоих – они идут впереди и режут нам курс. Наверное, просто сталкеры. Не зомби, это точно – те по двое не ходят И не военные – те сюда просто не сунутся, побоятся. Наверное, и не бандиты – не пришло еще их время, ждут, когда дичь нагуляет жирок. Скоро дождутся.

Мы пережидаем, спрятавшись за куст, и парочка исчезает в тумане. Остались ли мы незамеченными – не знаю. Но на всякий пожарный беру правее, обхожу «зыбь» и даю крюка, чтобы заведомо не встретиться с незнакомцами. Чем дальше от людей, тем лучше. Мне только любопытно, где переждали выброс эти двое – неужели тоже в подземельях Агропрома? Или поблизости есть убежища, о которых не знаю ни я, ни моя карта?

Детектор показывает, что в тридцати шагах «трамплин» – ага, вижу его отчетливо... хотя есть у меня какое-то неприятное ощущение. Не могу сказать, в чем дело, просто что-то не так. А подожду-ка я, успокоюсь. В таких случаях лучше всего никуда не спешить. Что не так? Почему не так? Думай, сталкер, думай. Развивай спинной мозг.

– Короткий привал, – команду. – Рюкзак не снимай.

Еще позавчера, а может, и вчера Вычет захлопал бы глазами и удивился вслух: «Почему привал? Прошли-то всего ничего...» – но сегодня он только захлопал глазами, а удивляться стал молча. На глазах растет парень.

Он присаживается на корточки, а я принимаюсь ходить – четыре шага в одну сторону, четыре в другую. Ох, нарвусь... Не любит Зона, когда люди тащат в нее свои привычки типа манеры думать на ходу. Впрочем, я не думаю – я пытаюсь прочувствовать. Есть разница. Что-то идет не так.

А что?

Делаю несколько шагов в направлении «трамплина». Все нормально, детектор уверенно указывает на аномалию, да и глазом ее видно -вон как кружатся над ней сухие травинки. Еще шаг, еще...

Стоп!

Вот оно. Не слышу писка в ушах, не ощущаю привычной уже дрожи. Нет зябкого озноба, не бегут по коже мурашки. «Шнек» не действует! Сдох, истощился. Обидно... Дали понюхать конфетку, позволили даже лизнуть – и отняли. Лишний раз напомнили: не в сказку попал.

Ладно... Поскрипел зубами, возвращаюсь к Вычету.

– На, убери в контейнер.

– Почему? – Он в недоумении.

– Почему, почему... – Мне хочется грязно ругаться. – «Трамплин» видишь? Возьми «шнек» и приблизься – тогда поймешь почему...

Мой напарник подходит к аномалии столь близко, что я готов ма-терно рывкнуть на него. Нет, отступает... Поднабрался уже опыта. Но экспериментатор. Мне когда-то по шее давали за такие эксперименты – потому и жив до сих пор. А этого что бей. что увещевай – толку не будет. Ему самому, видите ли, надо во всем разобраться, научное шило у него в заднице. Не знаю, как лечить это. Либо парень излечится сам, либо Зона сделает с ним то, что он чуть было не сделал с собой в Новосибирске.

Не хочу об этом думать.

– Действительно, – говорит он, а сам не расстроен, а удивлен. – Не действует.

– Хреново, – комментирую я.

– Ничего, – успокаивает он. – Детектор же исправен.

Ну да. Почему бы не выбить себе правый глаз на том основании, что при тебе останется левый? А еще отрезать себе обе ноги, потому что при желании можно ползти и на руках. Умник.

– Может, функция «шнека» еще восстановится? – с надеждой в голосе говорит Вычет, и я не понимаю, кого он успокаивает – неужто меня? – Это же Зона...

Спасибо, просветил!

– А в Зоне все возможно, – развивает он мысль. – Не исключено, что «шпек» находится в рабочем состоянии не постоянно, а периодически, скажем, его активность приурочена к выбросам, а в паузах он заряжается, что ли... Возможно, место здесь какое-то аномальное, я бы в других местах «шнек» попробовал...

– Замолкни.

– А что такое? – Вычет начинает озираться.

– Ничего. Просто не гунди.

Есть о чем подумать. «Шнек» и без своих бесценных качеств стоит бешеных денег, потому как вещь уникальная, и с Сидора я запрошу столько, что у него протез вспотеет. Но стоит ли теперь тащить уникальный артефакт с собой? Не прикопать ли его где-нибудь до лучших времен? Пойду назад – откопаю. Ведь слухи могут пойти по Зоне: те двое, что вне закона, несут с собой «шнек». Половина сталкеров не поверит, я бы тоже не поверил, но вторая половина радостно проглотит эту наживку, " я уже не говорю о бандитах и прочих любителях поживиться за чужой счет. Может ли Сидор гарантировать, что не было утечки? Клясться-то "не он в этом будет, фуфайку на груди порвет, а вот как на самом деле?

А если «шнек» вновь заработает – это что же такое получится? Я сам, добровольно и без принуждения, уменьшу наши шансы? Решай, Чемодан, решай... В половине, да что там, в трех четвертях смертей в Зоне виновата не Зона, а неверные решения. Сглупил – проиграл. Не угадал – тоже проиграл.

– Значит, полагаешь, «шпек» нам надо оставить при себе? –спрашиваю я Вычета. – Уверен? Ладно, будь по-твоему. Только в контейнер его спрячь.

Последнее не перестраховка – я еще не знаю, в чем состоит подлянка «шнека». Пока что она не обнаруживается, а только не верю я в то, что ее нет совсем. Самые редкие и дорогие артефакты, как правило, здорово фонят, а «шнек» почти не радиоактивен, но это ничего не значит. Возможно, он убивает человека как-нибудь иначе. Или помогает убить его. Многие артефакты увеличивают сопротивляемость человека к тем или иным воздействиям среды, ну а этот, может, наоборот? И вспоминается мне одна старая-престарая байка о том, как сталкер по прозвищу Сумчатый вынес из зоны «брызгу счастья», найдя ее в контейнере мертвого сталкера. Вынес и тоже умер. Куда потом девалась эта «брызга», никто теперь толком не знает, да и я не был знаком ни с Сумчатым, ни с его друзьями – давнее то было дело, я еще пацаном был и ни о какой Зоне не помышлял, а старики повымирили и спросить не у кого. Может, и впрямь байка, только я в такие байки верю. О Зоне ходят сотни легенд со счастливой развязкой, только ведь они сочиняются торговцами для лопоухих новичков. Я-то в счастье от Зоны не верю, от Зоны только деньги могут быть, да и то ради них через такое пройдешь... Мне от Зоны не счастья надо, а толику денег, и чтобы Вычет излечился, больше ничего. Откровения я от нее не жду и в добрые сказки не верю.

– Пошли. Теперь ты первый. Направление то же.

Мы продолжаем огибать слишком опасное и слишком людное место. Попробуем дойти до шоссе и рвануть по нему на север, а не выйдет по шоссе – растворимся в лесах, к северо-востоку от Агропрома их много. Вариант с огибанием Агропрома с запада я даже не рассматривал – там одна из баз «Долга», а у этих ребят все по-военному: дисциплина, патрули, наблюдение. Незамеченными не проскользнешь. Не имею понятия, значит ли для них хоть что-нибудь информация о двух сталкерах вне закона с нашими приметами, и проверять не хочу. Может, «долговцы» нас и не подстрелили бы, но «шнек» отобрали бы наверняка. Чтобы сдать ученым. Собаки они на сене – ни себе, ни людям.

– Справа на два часа «электра»...

– Вижу, – коротко отзывается Вычет.

И немедленно падает как подкошенный, а над ним висит в танце плоская молния. Шкворчит, трещит, змеится. Я тоже падаю, рывком отстегиваю поясной ремень и юлю,

---

выползая из лямок. Вычет уже ползет, ползет назад и тащит за лямку дырявый свой рюкзак.

– Не сюда! – кричу. – Нельзя назад! Вперед давай! – А у самого на голове волосы шевелятся. Сейчас еще шарахнет, одной молнией здесь не обойдется...

Он не понял. Ну ладно, перехватил я его, тычком заставил развернуться, поползли вместе. Ниже, ниже голову! И задницу ниже! Врастай, мать твою, в землю!

Еще шарахнуло – и я оглох, а еще вроде как ослеп. Пальцы свои вижу, сухую землю скребущие, Вычета вижу и дыру в его рюкзаке, откуда торчит и вот-вот выпадет банка тушенки, и всю местность вокруг себя вижу метра на три, а дальше – ничего нет. Не темнота, а просто полное отсутствие всего, даже темноты. И почему-то мне кажется, что так и должно быть. Весь мир улегся в трех метрах, а вне этого круга ничего нет, никогда не было, да и не требуется. Помню еще направление, куда надо ползти, а зачем надо – забыл. Просто знаю, что так надо, вот и ползу. И Вычет ползет кое-как. А справа снова трещит и гудит нарастающе – вот-вот опять шарахнет...

Восемь молний плясало над нами, от восьми смертей мы по-пластунски ушли. Шестая, возможно, ударила бы прямо в нас, да только я не сопляк какой-нибудь – сообразил вырвать из дыры рюкзака Вычета консервную банку со свиной мордой на этикетке и метнуть ее вверх – там ее и грохнуло. И видеть к тому времени я стал лучше. Выбрались. Морда у Вычета обалдевшая, глаза квадратные, руками машет, а сказать ничего не может. Ну всё уже, всё. Кончилось. Позади осталось. На, выпей.

Но сначала я сам хлобыстнул водки прямо из горлышка, а потом уже ему дал. Пей. Так пей, без закуски. За второе рождение только так и пьют. Твое счастье, что услышал ты или почувствовал что-то – и вмиг упал. Давай-ка еще по глоточку за правильные твои рефлекс...

– Что это было? – спрашивает Вычет.

– Ты же видел – «Электра».

– «Электры» так себя не ведут.

– Ты им, что ли, правила писал? – фыркаю я. – Как хотят, так и идут. Ну да, редкость, конечно. Только трупы все равно, редкость его угробила или не редкость... Будешь еще говорить, что в Зоне все подчиняется правилам?

– Я этого и не говорил.

– Будешь еще говорить, что ты не любимец Зоны? – Буду.

– Ну и дурак.

Глава 5.

Француз

Зона все время меняется. О «морозилках», например, три года назад никто и слыхом ни слыхивал, а сейчас то и дело попадают стalkerы, видевшие их, осязавшие и даже терявшие в них напарников. Журналисты об этом пишут, проверяя все, что можно перевернуть, и сюжеты снимают – иногда прямо в Зоне, но чаще с вертолета. Или вот «медвежьи капканы» и «баюкалки» – то же самое. Не было их раньше, а теперь есть. И не только Зона, доложу я вам, меняется – меняются и люди, что в Зону ходят. Кто раньше всех начал? Алкаши из окрестных деревень, бомжи да сопляки-оторвы. Их и мародерами-то назвать – все равно что повесить в звании. Так, труха человечья, балласт, никчемушники. Но они-то и вынесли из Зоны первые артефакты. Потом пришли быки с толстыми мордами, бритыми мясистыми затылками, вот такенными шеями и без мозгов. Ну, Зона что первых, что вторых быстро проредила, а за ними пошел уже нормальный стalker – рискованный мужик без особых надежд выбиться в люди вне Зоны. Кто-то скоренько отдал концы, кто-то ушел, а остальные втянулись, наладили контакты, прибрахлились снаряжением и уже успешнее таскали из зоны хабар. Отстреливались патрулями, попадали за решетку, сбивались в стаи и кланы,

---

безуспешно пытались по-честному поделить Зону на «охотничьи участки», обирались торговцами, пьянствовали напропалую в заведениях, что выросли в окрестных поселках, как сыроежки после дождя. «Шти», «Зуппе», «Харч -во!» «О, крошка!», «Писча» – имя им легион. И я там был, и водку пил, и морды бил, и по своей получал, и хабар сбывал, и вопросы с коллегами решал. Черт, ностальгически-то как вспоминается, аж со сладкой истомой!..

Как будто порядок устаканился, времена стали меняться медленнее. Иногда казалось, что все навечно застыло, хоть и пребывает в непрерывном бестолковом движении. Сталкеры в те времена были людьми грубыми и по большей части без особого царя в голове – сейчас из таких, пожалуй, только Кипяток и остался. А пополнение шло разное – и такие, как я, и показные скромники с тщательно скрываемыми замашками вождей, вроде Штангеля, и сторонящиеся «старой гвардии» умники с кучей аппаратуры и глупой верой в нее, и из-за бугра сюда приезжали любители острых ощущений, и женщины были – пытались даже организовать свой бабский клан, только как раз в это время я решил проститься с Зоной и не знаю, чем там у них это дело кончилось. Надо бы порасспрашивать – если все когда-нибудь вернется на круги своя. Не совсем же дураки бывшие мои друзья-приятели – допрут когда-нибудь, что нет в нас с Вычетом никакой угрозы Зоне и их трижды гребаному образу жизни!

На новеньких в этом смысле у меня нет никакой надежды, чужие они мне. Уже давно замечалось, что кланы стали не те. Раньше -как? Один за всех, все за одного! Ну, табачок, то есть хабар, конечно, врозь, а остальное свято. Кто ж защитит тебя, если не клан? Кто предупредит, спрячет от следаков, отмажет? Те, кто попер в Зону недавно, этого не понимают и для пользы клана не рискнут даже деньгами, не то что головой. Они все очень умные и полагают, что клан им чем-то обязан, а не наоборот, а еще им очень не нравится, что их, молокососов, едва-едва выучившихся азам, ветераны не держат за полноценных сталкеров. И правильно делают, по-моему. Ты сначала покажи, что чего-то стоишь, а уж потом тебя начнут уважать. Кому из нынешних ветеранов поначалу сладко жилось? Ась? Все начинали «отмычками», всеми помыкали старики. Нет, нынешние и слушать не хотят. Потому и слабеют кланы, и кончится это, думается, полным Дерьмом: развалом и всеобщим озверением, войной всех против всех – то-то блюстителем Зоны будет раздолье! И воякам, и международной полиции, и хохляцкой варте. Кого пристрелят, кого повяжут, кого забьют до смерти – этим крысам только дай! Потом, конечно, все опять понемногу восстановится, но когда это еще будет! Как раз «восстановительный период» нам с Вычетом очень подошел бы. А пока кланы еще в силе, и свободно ходить по зоне они нам не дадут, если смогут.

Эх, Вычет! Умник близорукий! Сидели мы с ним в скромной с виду харчевне «Плов и кров без лишних слов», заправлялись перед ночным броском в Зону, а тут как назло Чинарик с целой оравой. Сидят, пьют, да не водку «Казакки», а хороший коньяк, – значит, сходили на редкость удачно и вернулись не пустые. Нам что – сидим, делаем вид, что культурно выпиваем под люля-кебаб. Чинарик углядел меня – взревел разбуженным среди зимы медведем. «Чемодан! – кричит. – Чемодан, падла, ты где пропадал?» Ну, слово за слово... Пересели мы за их стол, и тут я понял, что в Зону мы нынче ночью никак не попадаем – напьюсь. Судьба. И не стал судьбе противиться. Знать бы мне заранее, что у Вычета с полубутылки коньяка язык развяжется что твое помело... эх!

Он им все выложил. И про байдарку, и про парашлан, и про то, как мы едва живы остались после первых двух попыток, и про то, что мы к Монолиту идем. И зачем мы к нему идем. Меня Чинарик разговором отвлек, а его дружки знай Вычету подливают... На следующее утро проснулся я с во-от такой головой, спустился в харчевню, а там уже Носорог собственной персоной с двумя своими громилами. Так и так, говорит, не ходи в Зону, Чемодан, человечно тебя предупреждаем. И вообще лучше уезжай отсюда подброду, а главное, напарника своего увези подальше. «В чем дело?» – интересуюсь, а сам вижу, что разбить о башку Носорога что-нибудь из посуды телохранители мне не дадут, даже если бы я осмелился на такой неумный поступок. Носорог снизошел – рассказал. Оказывается, в тот день и час, когда мы удирали на байдарке по замерзающей реке, по всему

Периметру был нанесен удар. Ударил Зона. Как, чем – никто не знает, а только трупы служивых потом грузовиками вывозили. Все ясно?

Мне было не ясно, но Носорог ничего не стал объяснять – подышал мне в лицо, повторил совет не задерживаться и отбыл. Когда Носорог советует – это серьезно. А я только к обеду, когда голова пришла в порядок, понял, на что он намекал. Мол, Зона хочет нас – меня и Вычета. Его, наверное, сильнее, чем меня, а я при нем так, вроде зомби, механизм для доставки в Зону нужного ей человека. Зов Зоны меня поднял и повлек, видите ли. Ну бред же, бред сивой кобылы! Надо же было случиться такому совпадению, чтобы Зона пощупала Периметр как раз тогда, когда мы пытались просочиться сквозь него! А кто, собственно, посмел утверждать, что до Периметра Зона не достанет? Ну да, его прокладывали на некотором удалении от реальных границы Зоны, с приборами ходили, смотрели на поведение служебных собак... Не знали разве, что Зона как бы пульсирует, пусть всего на несколько метров? Это даже я знаю. Ну случилась раз в десять лет одна особенно сильная пульсация... И что? Мыс Вычетом тому причиной?

Понятно было: в чьей-то тупой башке, как в ржавом арифмометре, со скрежетом сложились два и два. Наверное, кто-то из дружков Чинарика додумался связать факты – и побежал на цырлах к Носорогу, докладывать: мол, Зона помогает двум козлам дойти до Монолита, а что из-за этого может произойти – один черт знает. Носорог же, умом не сильный, но свою выгоду тонко понимающий, быстро сообразил, что надо делать: двух козлов к Периметру не подпускать. Вдруг они доберутся до Монолита, а Зона после этого как-нибудь изменится – скажем, станет вообще непроходимой? Или вовсе исчезнет, а? Носорогу-то это совсем ни к чему, ему Зона нужна такая, какая есть, у него здесь все схвачено.

Поубивал бы дураков, да новые народятся...

Наверное, нам надо было уехать – этак на месяц, на два. Потом бы я вернулся один и не рвался сей момент в Зону – глядишь, в некоторых головах наступило бы просветление. Ну а потом...

Ага. За это время мой горестный родственник сиганул бы с балкона, полоснул по вене или нажрался стрихнина. И вся моя кулачная психотерапия насмарку, и все слова о том, что жить лучше, чем не жить... Спасибо, не хочу.

Возле кладбища техники я команду Вычету, чтобы оттянулся в арьергард, а сам выдвигаюсь вперед. Вычет трет глаза, несколько раз с усилием моргает.

– Мошка попала? Терпи. Радуйся, что не пуля.

– Контактные линзы... – кривится Вычет.

– Глаза натер, что ли? Носил бы очки, ими разве что уши натрешь. Не взял, что ли, очков?

– А точно! – Вычет смущенно улыбается. – Я и забыл совсем. – копает себя по карманам. – Только они разбились, наверное... Не, трещина только! Просто удивительно...

В круглых очках с одним треснувшим стеклом и грязном камуфляже он типичный яйцеголовый экспедиционер на втором месяце полевого сезона – страдающая, но бодрящаяся белобрысая дохлятина.

Вынутые из глаз линзы он аккуратно заворачивает в чистую тряпочку и прячет в карман, а я удовлетворенно хмыкаю – мне его вид нравится. Еще бы мне как-нибудь изменить внешность – и нас издали не узнать. Бороду бы нацепить и волосы перекрасить – да разве мог я заранее знать, что это понадобится?

Экипировка наша тоже оставляет желать лучшего. Ну, оружие приемлемое, ну, ПДА, ну, детектор еще, пожалуй. Морально устаревший, правда, но я к такому привык и доверяю ему больше, чем новым навороченным моделям. Аптечка стандартная, «научной аптечки» нет вообще (и очень жаль, поскольку радионуклиды выводить нечем), одежда и обувь бэушные, под курткой наилегчайший и тоже бэушный экзоскелет – скорее средство для самоуспокоения, чем реальная помощь тому, кто гукнулся оземь, подброшенный «трамплином». Вон, скажем, Аспид – и экзоскелет имел приличный, и «ночная звезда» при

нем была, а хребет все равно сломал.

С другой стороны, может, оно и к лучшему, что мы бедны снаряжением. Нам ведь приходится идти быстро и притом воровски. В таких случаях лучше надеяться только на себя.

Кладбище техники... Черт его знает, что было на этом месте до Первого взрыва. Возможно, принадлежащий Агропрому автопарк, да и похоже на то. При эвакуации отчаянно фонящие машины были брошены, к ним навевались лишь мародеры, а после Второго взрыва, когда каким-то долдонам в генеральских погонах приспичило от большого ума пощупать территорию армейским спецназом на бэтэрах и бээмдэшках, в Зоне прибавилось еще и бронетехники. Как нарочно, в том же самом месте, как будто оно притягивало все, что ездит на колесах и гусеницах. Вот одна бронемашина протаранила для какой-то надобности автобус и буквально обернулась им, как толстой упаковкой, причем сама уже проржавела – хоть пальцем броню протыкай, а с автобуса даже краска не слезла. Зона такие дела любит, ну а я – не так чтобы очень. Я это кладбище всегда стороной обходил и сейчас обойду... слева, пожалуй. Справа на шоссе блокпост, не очень близко, прошли бы, но это старый рефлекс: чем дальше от военных, тем лучше.

А на кладбище кто-то возится – ухом не слышу, а нутром чую. Отчаянный кто-то или совсем глупый. Гиблое это место. Бельмастый Та сгинул с напарником и Жук с напарником же. То есть наверняка ничего не известно, но вроде больше никуда они не могли деться, кроме как в эти дебри железной рухляди. В памяти только и остались.

Иду медленно, здесь не надо торопиться. Где человечество оставило свое барахло, там и Зона оставляет сюрпризы для нашего брата, причем на кладбище они какие-то непривычные, невразумительные... Ну вот, скажем, детектор показывает, что впереди справа «жарка». Вижу, действительно «жарка». Самая обыкновенная, и колыхнется над ней облачко горячего воздуха – все видно и нечего выдумывать, иди себе мимо. А на самом деле там не «жарка», а куда более опасный «симбионт», с той разницей, что нормальный «симбионт» ни с чем не спутаешь, а этот – похож на «жарку». Конечно, по всей Зоне изредка попадаются нетипичные аномалии, но на кладбище их явный перебор. Самое место для тех, кому жизнь не дорога.

Почва разворочена гусеницами, в колеях вода, в ямах – полные ванны. После дождя здесь вообще месиво непролазное, но сейчас пройти можно. За десять лет трава так и не выросла вновь и ничего не выросло, даже рыжая колючка. И лягушек нет – потому, наверное, что им жрать нечего. Самое комариное с виду место, а ни одного комара. Вообще никакой жизни, из всех представителей фауны – только мы с Вычетом.

На ходу подбираю «кровь камня» – дешевая штука, а пригодится. Может быть.

Забираю вправо – там изуродованной глины нет, там борщевик стеной и кустики знакомые. За три года, что я тут не был, они разрослись, в них ползти хорошо. А сразу за ними – шоссе. Не совсем то есть сразу, а через горелую полосу. Военные, что патрулируют шоссе на бэ-т"Ре, давно выжгли огнеметами полосу метров в пятьдесят шириной по обе стороны от шоссе, и как проклянется на ней из пепла десятков тощих былинки – они снова давай жечь. Боятся очень.

– Это и есть шоссе? – осведомляется подползший сзади Вычет.

– Оно самое. Не нравится?

– По-моему, здесь только на воздушной подушке... Шутник. На самом деле бэтэры нормально катят по этой дороге и гУсеничные вездеходы тоже. Ныряют, конечно, в колдобины, но выбирают сами. Грунтовка – она грунтовка и есть, в распутицу на таких немецкие панцирные дивизии вязли. И все-таки нам лучше двигаться по ней, чем по пересеченке. Быстрее. И аномалии видны лучше.

Кстати, и путь к ЧАЭС по этому шоссе самый скорый. А главное, кому придет в голову, что мы нагло топчем шоссе, а не пробираемся закоулками?

Справа на шоссе никого, слева тоже. Выжидаю, присматриваюсь. Потом команду:

– За мной.

Быстро перебегаем выжженную полосу, с разбега перескакиваем через оплывший кювет...

– Ни с места! Руки за голову! Медленно положить оружие! Никого называется...

Я выполняю требуемое и только молюсь, чтобы Вычет не вздумал геройствовать. Я уже понял расклад и знаю, что ничего нам не светит, но новички редко отличаются понятливостью во всем. Но зря я боялся – разоружился Вычет, руки поднял. Может, и поживет еще...

Из кювета поднимаются трое – все ладные, подтянутые и с эмблемой «Долга» на рукавах. Один из них почему-то без оружия. Что нужно «долговцам» от двух бедных сталкеров?

– У него мачете! – орет один.

– У меня еще метательные звездочки в кармане, – со злостью говорю я. – Только они тупые, наточить забыл.

– Еще какое оружие? – спрашивает второй, по виду – старший.

– Пистолет в правом кармане куртки.

– А у тебя? – Вопрос адресован Вычету. Тот мотает головой так, что очки едва держатся на конопатом носу.

– Медленно положи пистолет на землю. И мачете тоже.

Жаль расставаться с любимой «береттой», очень хорошее оружие, но геройствовать нет никакого резона, не та ситуация. Все козыри на руках у «долговцев» – мы нарвались на их патруль, и он заметил нас раньше. Заметил и прилег в канаве, отслеживая наше движение по детектору, а мы сами вышли на ловцов, как последние ротозеи.

Нас бесцеремонно ощупывают и охлопывают, а я молюсь, чтобы Вычет чего не выкинул. Эти молодые, боевиков насмотревшиеся, прекрасно знают, как надо вести себя в такой ситуации: голыми руками положить обоих автоматчиков, да так быстро, чтобы они и понять ничего не успели. Еще и шеи им свернуть желательно. Но нет, мой напарник тих и послушен. Умница. То ли ждет фокусов а-ля Стивен Сигал от меня, то ли вообще не увлекался боевиками. В обоих случаях умница. Против нас не сопляки и не остолопы, это сразу видно. Лучше не дергаться.

– Теперь рюкзаки.

Когда дело -табак, лучше не распускать нюни. Некоторое нахальство, напротив, может принести пользу.

– А что, мужики, «Долг» уже разбоем промышляет? – осведомляюсь я с самым простодушным видом. – Давно я в Зоне не был, от жизни отстал... Какие перемены, а!

Ох, врежут мне сейчас прикладом под дых... Но тут я замечаю лицо третьего, с его головы как раз съехал пятнистый капюшон, и на минуту забываю обо всем на свете.

– Француз! Растудить твою так и так, Француз! Вот ты где. Живой, бродяга!

Тот не реагирует. Слышит меня, а морда – никакая. Не узнал, что ли?

– Француз, это я, Чемодан! – ору я. – Вот так встреча! Здорово, старый хрен!

– Ты его знаешь? – спрашивает меня старший.

– Его-то? Ха! Вместе в Зону ходили. А выпито сколько... Это же Француз!

– Был Француз, – веско поясняет старший, – а теперь Кузаев Павел Леонидович. И даже, собственно, уже не он, а...

Он не договаривает, а у меня мурашки бегут по спине. Зомби? Нет, не зомби...

– Шатун? – спрашиваю шепотом, а сам не могу отвести взгляд от лица моего друга-приятеля. Спокойное лицо, только слишком уж отрешенное. Меня он видит и слышит, но вряд ли понимает, кто я. Ему и не хочется понимать, он забыл, кто он есть сам, и не интересуется, зачем и почему вокруг него что-то происходит.

– Был шатун, пока нам не встретился. Теперь просто дубль.

Что в лоб, что полбу. Мне нет дела до тонкостей их терминологии.

– Француз... – шепчу я, кусая губы. – Эх, Француз...

Его трудно узнать, и не только из-за отрешенного взгляда, кототорым прежний Француз сроду не отличался. Он не расхристан. Он застегнут все пуговицы, подтянут и даже немного щеголеват, насколько это вообще возможно в Зоне. Удивительно то, что он почти не грязен, хоть и вылез только что из кювета. В «Харчах» мне рассказали, Француз, зачем ты в «Долг» пошел – устал от бардака в вещах, мыслях и жизненных ориентирах, порядок навести захотел. Ну вот и навел. Эх, Француз...

– Что в контейнере? – перебивает меня старший, а его автомат по-прежнему смотрит мне в солнечное сплетение.

– «Каменный цветок», «бенгальский огонь» и «кровь камня», только-то... – Ох, непросто мне сейчас изобразить слезливую истерику, но я это сделаю. – - Что, отнять хотите? Последнее отобрать? Ну грабьте!..

– А что ж так мало? – участливо интересуется старший.

– Не повезло. Да тут и другие ходят... всё уже собрали, наверное. Только усмешечка мне в ответ, и в это время из канавы, пыхтя, выбирается четвертый – одутловатый тип в таком же камуфляже, как прочие «долговцы», но оружия при нем не видно. Ох, не сталкер это... А кто?

– Что тут, Виктор? – осведомляется одутловатый. – Знакомые? Мгновенно отмечаю это обращение – Виктор. Не по прозвищу назвал «долговца» одутловатый тип и не Витей, а Виктором. Еще не знаю, какие между ними отношения, но это может нам пригодиться.

– Его знакомые. – Кивком головы старший указывает на Француза.

– Что, правда? Это интересно. Вы действительно знали его прежде?

Последний вопрос адресован мне, и я намерен вцепиться в эту соломинку и выплыть.

– Конечно. – Не собираюсь уточнять, что из нас двоих прежнего Француза знал я один.

– Да, любопытно... – Одутловатый морщит лоб, и мне ясно: ищет решение. За главного он у них, что ли?

– Вот и я думаю: что с ними делать? – говорит Виктор. – Они по нашей ориентировке проходят. Категория «А».

Дерьмо! Дерьмо!! Дерьмо!!! Мы опознаны. Не знаю никаких категорий, но понимаю: информация уже точно распространилась по всей Зоне, теперь о нас знает и «Долг». Что у них там полагается по категории «А» – сразу мочить?

– Непрактично, – морщится одутловатый. – Надо доставить их к нам.

– Смысл? – бросает Виктор.

– Надо разобраться. К тому же они были знакомы с Кузаевым-оригиналом. Это уже само по себе интересно.

Виктор едва заметно ухмыляется, и мне понятно, что старший в команде все-таки он, а одутловатый – так, сбоку припека. Пристал, чтобы мешать.

– Ну, раз наука настаивает...

– Настаивает, настаивает... – китайским болванчиком кивает одутловатый.

– Тогда возвращаемся на базу.

– А...

– Иначе я ни за что не ручаюсь, – жестко отрезает Виктор.

До одутловатого доходит, как до жирафа. Оно и понятно: наука, микроскопы-спектрометры, штатские фантазии. Если бы мне пришлось приглядывать за двумя задержанными, имея в своем распоряжении лишь одного бойца, да еще не спускать глаз с Француза, да еще следить, чтобы навязавшийся в патруль ученый лапоть не гробанулся сдуру, я бы тоже потребовал немедленного возвращения.

Одутловатый нам на руку. Непрактично ему, видите ли, расстреливать нас. Зуд научный проснулся. Приветствую такую практичность. И вот уже команды практические пошли. Надеть рюкзаки. Вперед по дороге – марш. Шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте – ну, не маленькие, сами понимаете...

Чего ж тут не понять. Вязать нам руки совершенно незачем – мы и так никуда не денемся. И мы, и конвойные отлично понимаем: некуда нам деться. Военные хорошо

расчистили огнеметами придорожные полосы, да и будь рядом кусты – я бы еще трижды подумал, прежде чем нырнуть в них. Без оружия не оторваться, а если даже оторвешься – не выживешь в Зоне. Ладно... Поглядим, что будет. Не пристрелили на Месте – значит, уже подарили шанс выжить. Может, и выпутаемся. Со «свободовцами» у «долговцев» был бы совсем иной разговор – сразу на Сражение, – а нормальных сталкеров «Долг» просто не любит, считая Их барыгами без чести, без совести, а главное, без ответственности перед человечеством. Как будто у человечества есть перед нами какая-то ответственность – так, взаимности ради... А вот хрен! – нет ничего этого и не предвидится. Обывателю все равно, какой породы ты сталкер; главное – сталкер. Этим все сказано, и сторонится обыватель пугливо – считает тебя не то заразным, не то нечистым, не то незаметно зомбированным, не то просто опасным маньяком. Знаем, проходили. В Коктебеле соседи только на третий год стали смотреть на меня как на нормального человека, да и то не все из них.

Мы с Вычетом топаем впереди, «долговцы» шагах в десяти позади нас. Вычет молчит, что-то себе на ус мотает и, по-моему, уже не напуган. Мне даже кажется, что он и не был напуган. Ну, в любом случае – так держать, выше нос. Не знаю, подарили ли нам жизнь, ох не знаю... Но отсрочка – это уже хорошо.

Если нас ведут к Янтарю, то за час дотопаем. Дошагали бы и быстрее, если бы рискнули срезать дорожную петлю и двинуться напрямик. Велика ли Зона? Да нет, не так чтоб очень. За короткий зимний день ее можно было бы пересечь пешком в любом направлении – конечно, если бы в Зоне существовали хорошие дороги и если бы нечего и некого было бояться. Нет, проложенных человеком дорог аномалии действительно почему-то избегают, хотя к построенным человеком же иным сооружениям их прямо-таки тянет, – но если кто-то думает, что по дорогам в Зоне можно свободно разгуливать, то крепко ошибается. Вон па обочине груды ржавого и сильно мятого железа – никак «воронка» засосала БТР. Три года назад этой груды не было. Меняется Зона, а человек ей в этом помогает. Мне и раньше приходила в голову мысль: а что было бы, если бы мы оставляли артефакты на месте? Ведь их бы накапливалось все больше и больше – помалу, понемногу, зато неуклонно. И когда-нибудь это кончилось бы превращением всей земной поверхности внутри Зоны в сплошной ковер из артефактов. Вернее, в один крупнейший артефакт-великан, многократно обработанный всевозможными аномалиями и уж не знаю во что превратившийся. В сплошную корку с неведомыми свойствами. Может, тогда Зона посчитала бы свою задачу выполненной и успокоилась навеки?

Наверное, каждый сталкер в душе мечтатель. Даже Кипяток. Даже современные молодые прагматики. А Француз? Ну, он – точно мечтатель... был. И не о деньгах мечтал, иначе не подался бы от нас в «Долг»...

– Стоп! – произношу я вслух. Рефлекс.

Вычет замер с поднятой ногой – и осторожно опустил ее, не шагнув. Молодец. Хотя можно смело подойти еще шагов на пять. Но уже отсюда видно: комья грязи и вывернутый колесами и гусеницами армейской техники щебень на дороге подернуты едва заметным серебрием, вроде инея. Только это не иней.

– Шевелись! – понукают нас сзади, но я слышу: сами остановились. Тогда медленно поворачиваюсь к ним и неторопливо так произношу, подпустив в голос побольше яда:

– Тысяча извинений, джентльмены, но впереди «зыбь». Если вы по-прежнему будете настаивать на продолжении движения, я буду вынужден отказаться. С моим глубочайшим сожалением.

– А? – ошарашенно вопрошает второй автоматчик. Не привык он вести светскую беседу.

– «Зыбь» впереди, говорю! Подойди – увидишь.

– Лечь обоим! – командует Виктор.

Он не очень-то верит мне. Наверное, полчаса или час назад они проходили здесь, и никакой «зыби» на шоссе не было. Но он не хуже меня знает, что такое Зона, и отдельно знает, что такое Зона после выброса.

Ладно, жалко, что ли? Полежим, пока он сам смотреть будет. В липкую грязь нас кладут, ну так какой же сталкер в грязь не падал? Грязи бояться – в Зону не ходить.

Когда Виктор разрешает нам подняться, вид у меня почти такой же, какой бывал у Француза, когда он вваливался в «Харчи» с хабаром. Да и Вычет не лучше. Зато Виктор уверился, что я не морочу ему голову. «Зыбь», она же «хлябь земная», нехорошая штука, но в общем, не смертельная, если рядом находится кто-нибудь, кто поможет выбраться завязшему человеку. Это трудно, но возможно. Худо только, что «зыбь» трудно разглядеть, и не на всякой поверхности это вообще возможно, уж очень слабо она серебрится.

– Марш. – Мотнув головой, Виктор указывает направление обхода – слева. Ладно, слева так слева, хозяин – барин. Я бы обошел «зыбь» справа, но выбирать не приходится.

– Чемодан? – спрашивает вдруг Француз, и нет в его голосе никаких эмоций, но веки два раза медленно опускаются и поднимаются. Молодой «долговец» шарахается от него, как от чумы, да и Виктор с Дутловатым типом, мягко говоря, озадачены.

Зато мне сразу легче на душе.

– Узнал? – Чувствую, как рот у меня растягивается до ушей. – Узнал, собака? Не забыл ведь, старый хрен, опознал дружка! Не отшибло память, вспомнил, а?..

Всякий знает: есть в Зоне относительно хорошо сохранившийся объект под названием Янтарь, и некоторым лучше держаться от него как можно дальше. Например, отвязным сталкерам из группировки «Свобода», тщетно, но упрямо мечтающим о полностью открытой Зоне и безусловном рассекречивании всех ее тайн, как уже постигнутых, так и более многочисленных еще не разгаданных. Военным, не считая охраны объекта, появляться вблизи Янтара можно, если по предварительной договоренности и не наглея. У руководителей «Долга» с военными налажен контакт к обоюдному удовольствию. «Долг» нуждается в оружии, боеприпасах и технике, а военные – в толковых сталкерах. Нет у военных настоящей сталкерской косточки – раньше была, я еще застал, а теперь нет. Только не спрашивайте меня почему. Теперь военные лишь охраняют Периметр и лабораторию, летают над Зоной на «вертушках», сидят на блокпостах да изредка, когда начальство прикажет, патрулируют дороги на бронетехнике. И эти контрактники, за броней дрожащие, имеют наглость называть себя сталкерами, тьфу!

Правы старые деды: все мельчает.

«Долговцы» – иное дело, этих на контракт не заманишь. Дисциплина у них почище, чем у военных, но дисциплина добровольная. Надоело – сказал об этом и ушел открыто, никто тебя держать не станет. Потому, наверное, и сталкеры у них неплохие, что «Долг» свободу полностью не отбирает, хотя, по мне, все «долговцы» чуток сдвинутые. Так же, как «свободовцы», только в другую сторону. А мы, нормальные сталкеры, значит, серединка.

Янтарь – группа зданий нежилого назначения, а их близость к Аг-ропрому опять-таки наводит на мысль о «мирном советском тракторе». Совсем рядом находится небольшой безымянный поселок – ему Второй взрыв отвесил крепкую плюху, а Янтарь почему-то почти не пострадал. Поселок считается вотчиной «Долга», но где у этого клана штаб-квартира – никто толком не знает. Зато всем известен бар «Сто рентген», где за хабар дают мало, а за выпивку дерут почище, чем в «Харчах» Сидора, и все равно там не протолкнуться. Уж очень место удобное. Отсидеться. Отдышаться. Натерпевшись в Зоне страху, реализовать программу «хоть портки продай, а выпей». Опять же, если нужно решить вопрос, касающийся всех, нет лучше места для сбора авторитетов, чем «Сто рентген». Только «свободовцам» туда хода нет – с ними у «долговцев» разговор короткий.

К ученым в Янтаре приставлен взвод охраны, но делать этим заплывшим жиром мордovorотам, по-моему, совершенно нечего. «Долг» контролирует территорию и охраняет ученых куда надежнее. Им же сбывает весь добытый хабар по твердым невысоким ценам. Наука – она свет. Пусть дрожащий и неяркий, а все же брезжит. Свет надежды. Зона – опасность для всего человечества, и она же, возможно, укажет человечеству новый и, разумеется, светлый путь, когда яйцеголовые разберутся, что в ней к чему и почему. Пока же

человечество к чудесам Зоны не готово. Поэтому было бы хорошо, если бы по Зоне не слонялись посторонние, особенно больные на всю голову сталкеры из клана «Свобода», полагающие человечество созревшим решительно до всего. Такая у «долговцев» философия, она же руководство к действию. Не будь этот клан сравнительно малочисленным – хрен бы кто сунулся в Зону без его разрешения. А только не бывать ему многочисленным – не так устроены люди, чтобы валить к ним валом.

То, что я по простоте душевной до сих пор считал лабораторией, оказалось целой кучей лабораторий, таким форпостом науки, выдвинутым в Зону. Все это хозяйство, занявшее часть бывшего объекта «Янтарь», окружено двумя спиралями Бруно с табличками «Осторожно! Заминировано» между ними и снабжено настоящим КПП. По мнению служивых, объект без КПП вообще не объект. Здесь Виктор с приятелем потопали себе прочь, не отреагировав на мой намек насчет того, что не худо бы вернуть нам оружие, а одутловатый вступил с караульными в дискуссию: можно ли пропустить нас с Вычетом на территорию охраняемого объекта без оформленного надлежащим образом пропуска? К середине дискуссии я здорово заскучал. «Выключить» этих двух олухов, завладеть их автоматами и дать деру казалось мне несложной задачей, но понимал я также и то, что уйти далеко будет трудно. Ссориться с «Долговцами» на их территории не очень полезно для здоровья.

Ладно, прошли. Правда, не в лабораторию (чего я там не видал?), а просто в какое-то приземистое здание, смахивающее на барак, но с крепкими каменными стенами, а там в комнату с двумя-кожаными топчанами, двумя же тумбочками и окнами без решеток. Одутловатый, он же Константин Сергеевич («Можно просто Костя»), оказался нейрофизиологом. Пока я соображал, что это такое, они с Вычетом нашли друг друга. И давай сыпать такими словами, что в иное время и в ином месте я взял бы обоих за шиворот, постучал бы несильно головами друг о друга и велел бы разговаривать на понятном языке. А здесь – пришлось мне сидеть и слушать их белиберду. Пытался встрять – они только отмахнулись. Но кое-что понял.

Месяца два назад Француз пропал вместе с напарником – оба попали под выброс. Нашли их только дней через десять – вернее, нашли то, что оставило от них зверье, а это немного, поверьте. Ну, хотя бы стало ясно, что Француз погиб честной смертью сталкера, а не бродит по Зоне с выжженными мозгами, бормоча себе под нос всякую белиберду... А потом Француза нашли в живом виде – наткнулись на него случайно в Рыжем лесу и едва не подстрелили, приняв все-таки за зомби. Известный феномен – шатун, он же двойник, он же дубль. Порождение Зоны, а не мамы с папой. Копия человека с нормальными мозгами, здоровыми рефлексами и практически полным отсутствием памяти. Он ест-пьет, как человек, и помнит, как за столом сидеть и ложку держать, спать ложится на кровать, а не под кровать, унитаз и рукомойник ему не в диковину, ну и все такое прочее, а вот как звать его – забыл. Все забыл из прошлой жизни: родных, друзей, свою биографию. Что такое Зона – и то забыл.

Бывало, правда, что дубли хотя бы частично вспоминали прошлую жизнь. Одно время журналисты об этом много писали, и разгорелся тот еще сыр-бор: можно ли считать их полноценными, хотя и больными людьми – или это порождение Зоны должно в ней и находиться, как и прочие ее кошмарные порождения? Выяснилось, что в отличие от зомбаков дубли могут запросто жить вне Зоны, но это, конечно, не убедило сторонников категорического запрета. Генетические тесты – тоже. Если нам не врут, то всех дублей, не занятых в экспериментах, связанных непосредственно с Зоной, держат поблизости, в Институте аномальных явлений, а судебные процессы, затеянные родственниками узников науки, длятся до сих пор.

Одутловатый Костя как раз и занимается дублями, для него Француз ценный экспонат и материал для наблюдений. Тестики, энцефалограммы, рискованные эксперименты, старые программы реабилитации и потуги сочинить более совершенную программу, ну и все такое прочее. А только на те программы Француз до сего дня никак не реагировал – ел, пил, делал

противоположное, равнодушно выполнял простые команды и молчал, как истукан. Намаявшись с ним и отчаявшись, Костя додумался до того, что любой сталкер предложил бы сразу: поводить Француза по Зоне.

– И это сработало! – кричал Костя, сияя, как кремовый торт. – Ребята, вы не представляете, как я вам благодарен!..

Я было заикнулся насчет того, что в довесок к словесной благодарности не мешало бы вернуть нам оружие и отпустить с миром на все четыре стороны, но меня и слушать не стали – понесли околесину насчет природы дублей, предполагаемых мест их возникновения, информационно-энергетических потоков, неравновесной термодинамики и математической статистики. Вычет принялся что-то доказывать на пальцах, и пальцы у него сплетались и расплетались так, что куда там иллюзионисту! Я заскучал, а потом и вовсе лег на топчан и задремал, чего спорщики, по-моему, и не заметили. Две ночи почти без сна и третья совсем без сна – это приемлемо, но все же утомляет.

Проснулся – уже ночь. Я один в комнате, Вычета нет. На моем топчане в ногах лежит шерстяное одеяло и аккуратно свернутое постельное белье. Накрахмаленное! Однако!.. Я-то как был весь в грязи, так и завалился спать, а кто-то принес спальную амуницию, кто-то позаботился... В Зоне спать на чистой простыне – такого со мной еще не было. Я и на грязной простыне в Зоне никогда не спал. Ну так и быть, придется соответствовать. Куртку и штаны я постираю и топчан вымою, это не вопрос, а где Вычет?

На его топчане лежит то же, что на моем, а самого его след простыл, и видно, что спать он не ложился. Снаружи прожектора горят, отчего в комнате не темень, а так, полумрак. Проверил выключатель – зажглась лампочка под потолком. Сунулся к двери – отперта! Чудны Дела твои, господи. Словно в гостиницу попал. Это что же, никто меня Не стережет?

В коридоре никого, из-за соседней двери слышится густой, с переливами храп. Спальни ученой братии тут у них, что ли? А что, пожалуй, так и есть. Спальный корпус типа общежития или гостиницы для командированных. И охрану тут держать незачем, во всяком случае, ко мне она не приставлена. Это что же выходит – мы здесь на положении гостей? Считаемся безопасными? Ну-ну. Насчет Вычета хозяева, может, и правы, а я никаких обещаний не давал и давать их не собираюсь.

Сматываться нам надо. И поскорее. Ночью можно добыть оружие и уйти, надеясь на то, что мутанты еще не вернулись в привычные им места обитания. Даже от «долговцев» на их территории можно ускользнуть, если ночью, а уж выбраться за колючую проволоку, обезвредив охрану, задача и вовсе нетрудная. Можно сделать это тихо и не калеча караульных до смерти.

Иду без шума коридором, высовываюсь на улицу – вон он караульный, под грибком стоит, от мороси бережется. Как раз для нас погодка, к утру мы были бы уже хрен знает где... Но именно кажущаяся простота задуманного заставляет задуматься чуть глубже. Во-первых, нет Вычета, а без него я не уйду. А во-вторых, думается мне, что две спирали Бруно, минная полоса и не ждущие беды караульные – не единственный заслон ученой братии против людей и монстров. Есть, наверное, кое-что посерьезнее – голову на отсечение не дам, но палец – запросто. Знаю я служивых у Периметра и на блокпостах – они всегда напряжены, всякую минуту боятся. А здешние – нет. Почему, спрашивается?

Не потому ли, что науку охраняет барьер пси-излучения? Об этом стоит задуматься. Чего стоит вся их наука, если она не может найти объекты, излучающие эту гадость, научиться управлять ими и использовать во благо ученых? А я ведь помню старые карты: были, были где-то возле Янтая опасные зоны, не один сталкер в них ума лишился. Может, «долговцы» нашли излучатели, а наука придумала, как управлять ими?

Не знаю, так ли это, и ни за что не возьмусь проверять на себе. Лучше целый день топтаться по «горячим пятнам», протискиваясь между аномалиями, и ползать на брюхе мордой в грязи, чем попасть под удар пси-излучения. Я знаю, как это бывает. Если шваркнет с близкой дистанции, то больно очень, дуреешь от такой боли, а через несколько секунд готов еще один зомбак. Кому я нужен без мозгов? Никому – и ведь даже не буду способен

понять это. Чем понимать-то, если мозги не действуют?

Остается только ждать. Может, Вычет разужнает чего. Не зря же он отсутствует – наверное, ведет где-нибудь поблизости научные споры – математически что-то обсчитывает, а то и участвует в экспериментах. Заодно и разведает обстановку. А может, картина сама как-нибудь прояснится – тогда и будем решать. А пока... Словом, я лег на топчан и опять уснул.

Глава 6.

В осаде

– Француз, собака! Да ты свою кличку помнишь ли? А клан Штангеля? А Сидора помнишь? Ну, Сидора Лютого, одноногого, он на протезе шкандыбаает... А бар «Харчи»?..

Он глядит на меня безмятежно, а иногда не на меня, а сквозь меня. В такие минуты надо чем-нибудь привлечь его внимание – рукой помахать, или дулю показать, или еще что-нибудь, а если не подействовало – тогда оставить его в покое на несколько минут, потому что от него никакого толку, если он глядит сквозь тебя. Но даже если взгляд Француза сфокусирован на мне, толку все равно немного.

– Слышь, Француз? Помнишь, как мы с тобой к Радару ходили? Ну, когда разборки были с кланом Добермана? Когда Длинный пропал, а с ним еще напарник из молодых... как его?.., забыл. Мы тогда с тобой пошли, а с нами еще Умник и Лепорыло. На псевдогиганта нарвались. Псевдогиганта-то помнишь? Он Умника убил, просто задел лапой и убил, а потом мы его все же завалили в три ствола. Живучий, гад. Я полтора рожка расстрелял, да и ты не меньше. Помнишь, а?

Фра! дуз медленно моргает. Костя, что следит за нами из другой комнаты через односторонне прозрачное стекло и пишет сеанс пробуждения памяти на видео, наверное, в восторге – моргание Француза можно принять если не за знак согласия, то за сигнал: «Я здесь, я думаю, я пытаюсь вспомнить, я уже верю: вот так всё и было со мною». Костя большой оптимист.

Четвертый день я отрабатываю ежедневную миску гороховой похлебки с копченостями, чай с сахаром, сухие пайки и безопасный ноч-лсг- Четвертый день вожусь с Французом. Меня он вспомнил, но о чем 0 Мной разговаривать – не знает, потому что мой мир для него нечто Потустороннее. С санкции Кости я уж и водкой его поить пробовал – пьет, если приказать, пьянеет, а побеседовать душевно не может. Нет у нас с ним общих тем, их забрала Зона.

Костя уверяет, что общие темы есть, просто я их еще не нашел, надо продолжать поиски. Вот и ищу. По десять часов в день.

– Ну вот... До Радара мы так и не дошли, потому что на зомбаков нарвались. Наверное, ими один контролер управлял, хотя точно не скажу, не знаю. Может, контролеров двое было, а может, и ни одного, кто их видел? Перестрелка была. Перестрелку-то помнишь? Лепорыло пулю в задницу получил, в мякоть, мы с тобой по очереди его на себе перли. Неужто забыл? Лепорыло, а? С вот такой мордой? Был слух, что он поправился, только в Зону больше не вернулся...

Работа у меня такая – шевелить память Француза. Я на службе. На второй день Костя показал мне приказ, подписанный местным научным начальством, о привлечении меня к работе в качестве временного внештатного сотрудника с ограниченным допуском и выдал внутренний пропуск с одной-единственной отметкой. И Вычет получил такую же бумажку, только у него две отметки – он может перемещаться по территории несколько свободнее. Подтереться этой бумажкой – ив очко ее, в очко! Мне, сталкеру, – пропуск! Наверное, эти ученые ребята вообразили, что я запрыгаю от радости, получив официальный статус. Совсем с ума съехали? Если я когда-нибудь вернусь в клан и если там узнают, что я в Янтаре служил, – насмешек не оберешься.

Да ну. Не вернусь я в клан. Чего я там не видел? Ребята большей частью новые, я их знать не знаю и не забыл, как они в меня стреляли. Кто из стариков остался? Кудеяр, Кипяток, Хвост да еще Штангель. Не они мне нужны, а Сидор. Загоню ему «шнек» и вернусь в Коктебель к Аде. С деньгами. И образумившегося Вычета выведу из Зоны, если только он не захочет здесь остаться...

А между прочим, похоже на то! Есть признаки. Я вижу его только в помещении, оборудованном под столовую, и то не всегда, да еще когда он является спать за полночь без задних ног и сразу заваливается на топчан. Кажется, ему здесь интересно. Хм... С одной стороны – дай-то бог! Может, работой излечится парень. Может, уже излечился. А с другой стороны – мне обидно, я-то настроился подвести его как можно ближе к Монолиту! А уж если я на что настроился, то не скоро об этом забываю.

Нет, жить здесь можно. Все эти лаборатории за спиралью Бруно официально числятся полевой базой Международного института аномальных явлений, только сам-то Институт где? По ту сторону Периметра. Оттуда здешним яйцеголовым приходит оборудование, оттуда же доставляются сюда пищевое довольствие и всякие там расходные материалы. Только порядки здесь свои, не из Института импортированные. Кто-то трудится как вол по шестнадцать часов в сутки и на всех плюет, кто-то попросту отрабатывает командировочные и премиальные – это больше лаборантов и охраны касается, – а местное начальство старается не обременять ненужностями ни тех, ни других. Правильная, по-моему, система, да только какой сталкер радовался хоть какой-нибудь системе? Тоска. В Зону хочу.

– А помнишь ту драку в «Харчах», когда Алка-Чума Бублику ухо откусила? – продолжаю допытываться я. – Не помнишь? Зря. Должен же помнить! Хорошая была драка, Француз, вспомнить приятно...

Нет, ему не приятно. Ему вообще никак. Он смотрит сквозь меня. Значит, перерыв. Делаю Косте знак – вырубай, мол, свою технику и отдыхай.

– Чемодан, – внезапно говорит Француз без всякого выражения. Жду, не скажет ли еще чего, – - но нет, замолкает. Это была просто констатация. Ему известно, что я Чемодан, но вспомнил ли он, что сам звался Французом?

Костик за стеклом небось обмирает от удовольствия, а напрасно. Француз больше ничего не скажет, потому что нечего ему сказать. Зря я с ним вожусь.

Мне остро хочется обратно в общагу – проверить, не трогал ли кто наши рюкзаки и, главное, на месте ли «шнек» в контейнере. О «шнеке» я велел Вычету молчать наглухо – нет такого артефакта и не было его в Зоне никогда. И вот странность: похоже на то, что к нашему барахлу никто не прикасался, и уж точно никто ничего не попер, хотя дверь в нашу комнату не запирается... Удивительная здесь публика, и понятия у нее удивительные... Не привык я к такому. Некомфортно даже как-то.

А еще больше я хочу выбраться за пределы Янтара и закончить начатое.

Для успокоения одутловатого Кости я в красках рассказываю Французу историю о том, как мы с ним встретились однажды в Зоне и едва не обстреляли друг друга, а потом, осознав ошибку, вместе отбивались от банды – и отбились-таки, даже хабар не потеряли. Никакого эффекта. Молчит Француз и опять сквозь меня смотрит. Тьфу. Так и хочется дать ему разок-другой по роже. Оно, может, на пользу ему пойдет – не зря говорят, что клин клином вышибают.

Костя до сих пор радуется своей идее – поводить Француза по Зоне, хотя польза от этого только та, что они наткнулись на нас и Француз меня вспомнил. Может, Костя захочет еще разок-другой подвергнуть Француза прогулке? Я бы в Зону с ним и с Французом пошел... и с Вычетом, конечно. А там бы мы как-нибудь оторвались. Да только шиш – если уж в Зону идти, то Костя нас не возьмет, вызовет «долгов-цев»... Я мог бы наврать ему с три короба о том, что необходимо водить Француза не абы где, а по одному мне известным местам, да ведь Костик не такой уж дурак, чтобы не сообразить, чего мне надо. Если и поведется, то все равно возьмет «долговцев» для подстраховки, а те с удовольствием шлепнут нас при первом подозрительном движении с моей стороны. Без оружия у нас почти

нет шансов уйти. Оставлю этот вариант в запасе на случай, если не придумаю ничего лучшего.

Перекур десять минут – две сигареты быстренько, а между ними чашка чая. За обедом вместо компота был, как обычно, стакан красного вина, а вечером меня ждет еще один – традиционная «защита» от радиации, оружие психологической самообороны. Смешные они тут, но вино я выпью – отчего бы не выпить, раз наливают задаром? Сидор со своими ценами в «Харчах» пеной изошел бы, если бы узнал...

Это я успокаиваю себя так. Тошно мне здесь, мужики! Тошно!

Курю прямо на «рабочем месте», Французу в нос дышу, а он бесстрастен, как Чингачгук у пыточного столба. Чем пронять такого истукана?

О! Идея!

Как раз лаборант чай принес, три чашки на подносе – мне, Косте и Французу. Костя тоже покинул свое убежище и к нам присоединился – чаепитие у нас, значит. Дружеское. Это у него ритуал такой с целью создать у Француза впечатление, будто он не объект исследования и не пациент, а коллега. Ну-ну. Я все эти поползновения насквозь вижу, и, по моему, нет от них никакой пользы, потому что Француза нет. погиб Француз, а то, что сидит по ту сторону столика, не более чем живой манекен, кукла ходячая. Сидит и ни хрена не понимает. До сих пор я подыгрывал Костику, а сейчас не стану.

– Видишь, – говорю, кивая в сторону Француза, – никакого эффекта.

Костик от Француза ладонью закрылся, страшные глаза мне показывает: мол, ты что делаешь? А что я такого делаю? Эксперимент ему срываю? Глаза, думаю, разуй, ученый муж. Не видишь разве, что твой объект – пень? Ты состаришься, если Зона позволит, а твой эксперимент еще не закончится, если и дальше так дело пойдет.

– А хочешь, – продолжаю, – он еще что-нибудь скажет? Костя кивает. Еще бы ему не хотеть.

– Тогда пошли. – Куда?

– На улицу. И Француз с нами. Вставай, брат-сталкер, прогуляемся немного.

Команды Француз выполняет, хотя и заторможенно, – значит, все же понимает что-то. И все равно он пень. И останется пнем. Ладно, сейчас я его немного расшевелю.

Далеко я их не повел, вышли только из здания. Караульный заступил мне дорогу, но Костик показал знаком: ничего, это можно, это со мной – тот и не вякнул. Порядочки, однако...

Первым делом я оборвал Французу половину пуговиц, причем некоторые вырвал с мясом. Наполовину оторвал капюшон. Так же поступил с накладным карманом. Нашел лужу и уронил гуду Француза, а потом покатал его немного по траве. Зачерпнул грязи и слегка вымазал ему морду, жалея, что щетина на его подбородке какая-то неубедительная, от силы двухдневная. Караульный сказал «ты», а я закурил новую сигарету и, когда от нее осталась половина, помял окурочку, сунул Французу в угол рта и полюбовался с разных сторон результатом. Н-да... Халтура получилась. Пример из меня, как из балерины сталкер. Ладно, поглядим.

– Пошли.

– Куда? – Костя сбит с толку.

– Чай допивать.

Вернулись – и первым делом я подвел Француза к зеркалу. На, любуйся. Узнаешь себя прежнего, наполеоновского оккупанта недобитого, на вилы-троячки чудом не поднятого? Вспомни, вспомни, по какой причине ты получил свое прозвище. Вспоминаешь?

– Бар-дак! – раздельно произносит Француз, и – о чудо! – мне слышится безнадежность в его голосе. Ну наконец-то хоть какая-то эмоция! – Бар-дак, – повторяет Француз. – Хватит. Надоело. Уйду.

Другой бы на месте Кости кинулся меня обнимать, а этот возбужден результатом, как допингом, и рвется немедленно продолжить. С фиксацией на видео, конечно. Сегодня он не даст покоя ни мне, ни Французу. Ладно, потерпим. До ужина я точно вытерплю, хотя, чую,

---

придется поскрипеть зубами. Утешаю себя: теперь можно меньше опасаться за целостность шкуры: я доказал свою полезность... Помогает слабо.

На следующий день мне плохо. Нет температуры, ничего не болит – просто очень-очень хреново. Был человек – стал кисель. Лежать тяжело, дышать тяжело, жить тяжело. Заботливый Костя водил меня к врачу, и тот через полчаса возни поставил диагноз: симулянт. Наврал, собака. Симулянт обязан утверждать, что болен, а я ничего такого не утверждал. Я не болен. Я просто хочу на волю, терпения моего нет.

Кое-как продержался до вечера без всякого толку: Француз не мычал и не телился, несмотря на все мои потуги, а уж я ему и щеку драным шарфом подвязывал, и в сапоги, просящие каши, заставляя обуться – чтобы все, значит, было а-натюрель, как на известной картине. Без толку. За ужином потребовал себе не стакан, а бутылку красного – дали. Взял я ее покрепче за горло – ив общагу. Напиться в зю-зю, конечно, не напьюсь, тут и пить-то нечего, но хоть забудусь немного. А не забудусь, так авось что-нибудь придумаю. Алкоголь, он иногда способствует.

Валюсь на топчан, совсем уж было собираюсь присосаться к бутылке, и тут мысль: надо бы подзарядить ПДА. Ну что за подлость: сначала лег, а потом уж мысль пришла. Это мне что же, опять вставать и двигаться? Не хочу. Вообще ничего не хочу, даже пить, но это хоть менее противно, чем все остальное. На волю хочу и чую: если сегодня ничего не придумаю, завтра сделаю какую-нибудь глупость. Потому что все, выдохся. Тут либо выпить, либо в Зону. Либо сперва одно, потом другое. Не убьюсь, так вылечусь.

Все-таки встал, подключил ПДА к зарядке, а заодно пролистал корреспонденцию. Лично мне – ничего, а в разделе «Всем» читаю: «Чемодан и Вычет у паучников». Еще вчера отправлено. Та-ак... Это какая же сука нас выдала? Впрочем, не важно. Важно другое: что за этим последует. А последовать может только одно: сбор клановых вожаков и авторитетов в «Ста рентгенах» и общий нажим на «долговцев». Штангеля с дерьмом смешают за то, что упустил нас, а он будет отругиваться, кивать на выброс и, чтобы отвести подозрения в пособничестве, предложит десяток ребят для участия в совместной операции. А «Долг»... ну что «Долг»? Покочевряжатся «долговцы», но поймут, что против силы объединившихся кланов они никто. Чего ж тут не понять. Участвовать в штурме Янтаря они не станут, да и другим отсоветуют, а вот станут ли защищать паучников? Я бы на их месте выбрал нейтралитет и посредничество.

Кто это там? А, Вычет... Пришел-таки.

– Слыхал новость? – говорю ему. – Выпрут нас из Зоны. Под белы ручки.

– Почему? – Стоит, глазами хлопает.

– Иди сюда, смотри... – Сую ему ПДА. – Видал? Вся Зона знает, где мы. Насколько мне известно, в отношении к нам ничего не переменялось – для этих олухов мы по-прежнему угроза Зоне и их бизнесу. Кланов нажмут на «Долг». Не знаю, как поведут себя «долговцы», а я бы на их месте не стоял на рельсах перед паровозом. Преданность высоким идеям хороша, когда есть хоть один шанс. А здесь его нет. Думаешь, колючка и мины удержат сотню сталкеров, когда те пойдут на штурм?

– Если пойдут, то им же хуже, – отвечает Вычет. – Попадут под психотропное излучение, потеряют многих. На территории Янтаря два излучателя, оба взяты под контроль. Если об этом еще не знают в кланах свободных сталкеров, то наверняка знают в «Долге». Одно их слово- и никто к нам не сунется.

Ага, значит, я верно сообразил насчет пси-излучателей – они под контролем паучников. Наверное, как обычно: ученые сначала научились управлять ими, а теперь пытаются понять, как же устроено, чем они управляют. Но Вычет напрасно думает, что мы в безопасности.

– Дурень, – говорю я ему. – Стратег вшивый. Они не пойдут на ШтУрм. Они просто перережут пути подвоза. Помешать им «долговцы» не смогут, да и не захотят...

– «Долговцы» уже здесь, – простодушно моргая, объявляет Вычет.

Да ну? Надо посмотреть. Но чуть позже.

– Без разницы, – говорю я. – Как снабжать базу? Вертолетами? Воображаешь, что у сталкеров нет против них средств? Надо будет -Носорог им подкинет, через него, знаешь ли, из Зоны половина хабара уходит, ему мы с тобой уже неделю поперек горла... Кабель электрический – обрубят. Много ли здесь солярки для дизелей, а? Как ее доставлять, на чем? А еду? Да что еда – когда обесточатся все приборы, твоя наука в голос завоет, что надо нас с тобой выдать. Ну, если гуманизм разыграет – тогда вывести под конвоем за пределы Зоны и сдать полиции. Не так, что ли?

– Не знаю, – признается Вычет.

– Зато я знаю! Аида наружу – поглядим...

Снаружи – беготня. Вижу «долговцев» – они держатся уверенно, и я подозреваю, что власть над данной территорией де-факто перешла в их руки. Вижу нескольких откормленных вояк – те стоят и рты раззявили, в то время как «долговцы» распоряжаются, как у себя дома. Одного толстозадого пхнули – едва не покатылся. Правильно, не торчи на дороге. А вон пулемет на крыше, уже обложенный мешками с песком, и еще один в чердачном окне... Оборона на всякий случай.

Вот-вот. Оборона против штурма, а его не будет. Кому охота подыхать? Будет осада и соглашение на приемлемых условиях, а мы с родственничком моим – - разменная монета. На то, что из-за Периметра двинут нам на выручку спецназ и миротворцев, может надеяться только наивный. Двигали уже войска в Зону после Второго взрыва – и чем оно кончилось? Надо думать, командование о том помнит и знает теперь, что для Зоны нужна особая подготовка – а где приобрести ее, как не в Зоне? Замкнутый круг. Попытку прийти паучникам на помощь военные, может, и предпримут, да только в ее успех я нисколько не верю. Ну, вертолеты полетают над лесом, постреляют наугад... По всему, вроде как сложилась патовая ситуация – ан нет. Время работает на противника.

Возвращаюсь, валюсь на топчан. Где мое вино? На, отхлебни... Не хочешь? Ну, я сам...

– Все будет хорошо, – успокаивает меня Вычет. Он спокоен, как надолба. И так же глуп.

– Что ты, салага, можешь в этом понимать? Математик, тоже мне... Откуда ты это взял?

– Прикинул.

– Ну, тогда я спокоен! – говорю с издевкой и наконец-то присасываюсь к бутылке. Сегодня в меню красное сладкое. Кагор.

– Нет, правда... – Вычет как будто даже доволен. – Я тут побродил, с ребятами поговорил, вник кое во что... Знаешь, что здесь самое удивительное? Есть люди, изучающие аномалии. Есть люди, изучающие свойства артефактов. Есть те, кто изучает мутантов. Есть специалисты по пси-излучению, по выбросам, по дублям. Есть эколог. Один пытается разработать термодинамическую теорию Зоны. Нет только тех, кто изучает Зону вообще, так сказать, в комплексе. А это работа скорее для математика, чем для физика или биолога...

– Ты эти дни модели какие-нибудь им считал, что ли? Знаешь, что я тебе скажу...

– И модели тоже, – перебивает он. – Но самое главное: теперь я знаю, что такое Зона.

Ох... И этот туда же.

– Знаешь, сколько было до тебя умников, которые говорили то же самое? – кривлю я морду, пытаясь образумить хвастуна. – Догадываешься, где теперь их кости?

Вычет догадывается, но чересчур увлечен. Глаза почти горят.

– Я не о том, – отмахивается он. – Я об общем, так сказать, ответе. Самом общем. Некоторые думают, что Зона – живое существо... гм, по-человечески я их понимаю. Некоторые считают ее центром чисто физических процессов непонятной природы, но заведомо не имеющих свободы воли. Согласно этой концепции неравномерности в распределении аномалий объясняются прежде всего особенностями залегания геологических пластов... видел бы ты, какая тут у них геологическая карта! Хотя ладно... Есть еще гипотезы о внеземном происхождении Зоны, об оружии, вышедшем из-под контроля военных во время испытаний, ну и так далее. Некоторые относятся к Зоне исключительно

как к своеобразной экосистеме, хотя в рамках данной точки зрения невозможно объяснить само возникновение Зоны и ее назначение...

– А ты, выходит, придумал что-то новое? – на сей раз перебиваю я.

– Нет. Есть еще одна старая гипотеза: Зона – это искусственно созданная среда обитания. Не наша среда, но среда.

– А чья же?

Вычет мнется.

– Не знаю, как тебе сказать... наверное, ты посмеешься... словом, группа «О-сознание» действительно существовала. Тому есть свидетельства. Более того, я убежден, что она существует до сих пор.

Я ржу. Хорошо, что я не сосал из горлышка вино в тот момент, когда он сказал такое, – не хватало мне еще захлебнуться кагором! Нет, это же надо выдумать! С Вычетом не соскучишься. А всего смешнее то, что он глядит на меня как будто с участием.

– И что?.. – Нет, не могу я с ним. Хохочу, бью ладонью по топчану и не могу остановиться. Весело мне. – И что... значит, Зона только исполняет команды этого самого «О-сознания»? Человеческие команды?

– Ну, в той же мере, в какой топчан, одеяло, рюкзак или, скажем, грязь на полу исполняет твои команды, – говорит Вычет. – А воздух, которым ты дышишь, ты можешь что-нибудь приказать?

Он все-таки сумасшедший. Чуть-чуть. Сейчас ему кажется, что его затянула новая необычная работа, вон уже теории пошли, а пройдет еще несколько дней – он снова затоскует и уж тогда сам потащит меня к Монолиту за Катей своей ненаглядной...

Только тогда уже поздно будет. Сейчас надо что-то решать, сейчас!

– Учти, – говорю, – мне Сидор все уши прожужжал про «О-сознание» и Сверхразум Зоны. От него я это терпел, а от тебя не стану. Погоди... Монолит, по-твоему, тоже... э-э... часть среды обитания этого Сверхразума?

– Конечно. – Вычет, кажется, удивлен, что я туговато соображаю. – Вернее всего, Монолит – обманка, чистильщик Зоны от излишне любопытного человеческого поголовья. Данной среде просто необходима ловушка для тех, кто ищет Исполнителя Желаний. Наверное, многие доходили до него, а вернулся ли кто-нибудь... ошастливленным?

Я уже не смеюсь – я кусаю губы. Мой наивный обман раскрыт – Вычет без посторонней помощи допер до назначения Монолита. Он верно понял: гроб это. Свечка для глупых мотыльков. Чего теперь ждать от моего напарника? Если он примирится со смертью жены тогда еще ладно, значит, мы не зря топтали Зону. Значит, я свое дело сделал... Но почему я не хочу верить в это? Ау, психоаналитика мне сюда, срочно! Или нет, давайте уж сразу психиатра!

– Значит, по-твоему, Исполнителя Желаний вообще не существует? – спрашиваю я.

– Разве я это сказал? Извини, я что-то стал неточно выражаться. Я просто сказал, что Монолит с огромной вероятностью не имеет к Исполнителю Желаний никакого отношения. А существует ли настоящий Исполнитель Желаний? Не знаю, но думаю, что вполне может существовать. Возникла же легенда... Десять к одному, что он тоже где-то на ЧАЭС. И если ты еще не передумал, мы с тобой этот настоящий Исполнитель Желаний найдем. Или передумал?

– Не передумал. – Тайком перевожу дух.

– Хотя... – Вычет мнется.

– Чего «хотя»?

– Может, тебе лучше не ходить туда, а? Серьезно. Я сам сбегаяю.

– Я тебе сбегаяю! – Делаю хороший глоток. – Кагора хочешь? Пей и спи, утро вечера мудренее.

Это точно. Зато утром нас будит стук дизеля в подвале прямо под нами, а если прислушаться, то ясно, что где-то неподалеку тарахтит еще один. Стало быть, объект уже обесточен, работают резервные генераторы. Чего и следовало ожидать. Кончится соляр – и

что тогда? Тащимся в столовку – заправляющиеся там лаборанты и «долговцы» смотрят на нас... не очень хорошо. Хрен с вами, возьмем сухпак, обедать будем в общаге. Консервами. Не в моих привычках мозолить людям глаза. Но уж позавтракаем здесь, с вами, потерпите.

Костя за мной не пришел, а тащиться самому в опостылевшую лабораторию и до вечера вешать лапшу на уши Французу – это вы меня увольте. Зато пришли за Вычетом – сразу двое белохалатников и один в «долговском» пятнистом спецкостюме – небось командир ихний. Хорошие у «Долга» спецкостюмы, мало кому по карману – торговцы за них со сталкеров по три шкуры дерут, да и то не достать. А вот «долговцев» снабжает кто-то, и не верю, что военные. Хорошо бы разобраться в этом, да не для моих способностей эта задача. Останусь жив – подкину идею расследования какому-нибудь журналогу, авось докопается. Только скорее его убьют раньше.

Ждать мне пришлось не меньше часа – потом приходит Вычет, чУть взъерошенный, но по-прежнему невозмутимый.

– Ну?

– Уговорил их повременить до завтра, – объясняет он. – Ты прав, они собираются отправить нас за Периметр под надежной охраной. Надеются договориться с кланами, чтобы нас пропустили, не чиня помех.

– Завтра, значит?

– Угу.

Стало быть, в Зоне нам осталось быть от полутора до двух суток. Пока «Долг» обкашляет с осаждающими условия беспрепятственного прохода, пока то да се, пока доберемся до Периметра... Все равно маловато времени, чтобы что-то придумать.

– Не люблю надеяться на случайности, – говорю, – а придется. Знаешь что, ты все время смотри на меня, и как только я дам знак...

– Этого не понадобится, – перебивает Вычет.

– Заткнись и слушай. Значит, как только я...

– А я тебе говорю, что этого не понадобится. Поверь.

– Это еще почему?

И вновь я вижу улыбающегося Вычета. Вообще-то это хороший знак, только его улыбка больше похожа на гримасу.

– Разве не ты уверял меня, что я любимец Зоны?

Декабрьские сумерки неуютны, зато недолги. Полчаса – и темно. Сегодня в Зоне какая-то уж совсем непроглядная темень. Чернила каракатицы. Печная сажа. Лучи прожекторов бьют в эту сажу и вязнут в полусотне шагов, а что там дальше – не видно, но можно догадаться: ничего хорошего. У меня на такие вещи нюх. Одно скажу: неуютно я чувствовал бы себя этой ночью на месте осаждающих. Стучал бы зубами от холода и страха, пил бы водку, мужественно борясь с искушением немедленно удрать. И не знаю, кто взял бы верх в этой борьбе, я или искушение.

Недобрая чернота. Ночью в Зоне вообще вдесятеро опаснее, чем днем, ночь – время мутантов, давно уже оправившихся после выброса. Ночами на поверхность выходят в поисках еды подземные твари, да и большинство наземных, успевших уже вернуться в привычные места после гона, одинаково активны что на свету, что в темноте. Ночью по Зоне нельзя ходить по одному-двое, в темноте человек проигрывав мутантам по всем параметрам. Откуда берется детский страх темноты.

От ощущения беспомощности перед внезапным нападением. Помню, сам в детстве страдал. Этот страх достался нам от пещерных предков – им ночью, если без огня, приходилось, наверное, не слаще, чем нам ночью в Зоне. Даже если мы с огнем. Хорошо оснащенная группа человек из пяти или больше еще может отбиться от крыс, бюреров, псевдопсов, снорков, чернобыльских собак и тому подобной привычной нечисти. Но шансы резко падают при встрече с чем-нибудь редким, специфически ночным. Даже наука в лице Кости убеждена: среди мутантов Зоны есть не только еще не изученные, а просто

неизвестные виды, но не потому, что они хорошо прячутся. Просто встреча человека с такой тварью однозначно детальна для него, а мертвые – плохие свидетели. Да еще не просто мертвые, а начисто съеденные.

Мало, что ли, сталкеров пропадает без вести? Иногда потом находится что-нибудь из их снаряжения и очень редко – обглоданные кости. Ничего удивительного. Псевдогигант, например, тварь, по сути, всядная, вроде кабана, размерами пасти может поспорить с тираннозавром. Сглотнет – и привет, ни костей не останется, ни рюкзака, ни контейнера с артефактами. Разве что оружие обронит съдаемый -оно ему, в общем, ни к чему уже...

Но псевдогигант хоть известная тварь. А мало ли неизвестных шарит по Зоне такой ночью, как эта?

Еще с вечера вокруг Янтая начали постреливать. Короткие автоматные очереди стучали то со стороны поселка, то со стороны Периметра, а то и с юга, от близкой железной дороги. Я эту пальбу понял так; соединенные силы кланов обозначают свое присутствие и предлагают осажденным задуматься. Здраво рассудил?

Здраво, но не до конца, потому что с темнотой стрельба только Усилилась. Это тоже было в общем понятно: сбившись в кучки, кое-как разбавляя черноту кострами и фонарями, сталкеры совместно отражают атаки ночных любителей человечины. А что им еще остается Делать?

Отобьются, решил я. У них был весь световой день, чтобы обозначить аномалии и подготовиться к ночи. За восемь часов светлого времени можно нагородить завалов и заготовить на всю ночь топлива для Костров. Словом – отобьются. Может, кого и потеряют, как же без этого, а уж разозлятся наверняка. Я бы на их месте разозлился не на шутку и злился бы все сильнее с каждой ночью, но осады не снял бы и не ушел, даже если в глубине души считал бы осаду делом ненужным и глупым. Я сталкер, а сталкеры – люди упрямые.

Потом в лесу ахнуло так, что задрезжали стекла. Граната. И еще раз. Слышу – стрельба доносится уже со всех сторон, вокруг Янтая идет настоящий бой, и только у нас за колючкой тихо – бойцы «Долга» застыли каждый па своей позиции, а местных вояк что-то совсем не видно. Не то сами попрятались, не то были посланы «долговцами» по конкретному адресу и решили внять. Словом, не маячат. Из черноты доносятся и одиночные выстрелы, и очереди, короткие и длинные. Однако!.. Не берегут боеприпасы мужики – себя берегут. Жаркое дело. Интересно, с кем кланы ведут бой? Если зверье пошло на осаждающих валом, то получается, что, защищая от него себя, сталкеры одновременно защищают нас. Ха. Настроения это им не улучшит.

Валяйте, мужики, расходуйте боеприпасы, эту валюту Зоны. Злитесь на меня, если уж не умеете злиться на собственную дурь! Сами виноваты. Кто вас сюда звал, а?..

Стоп!.. Бью себя кулаком по лбу. Вот что делает с человеком штатская жизнь – разучился на слух определять характер стрельбы! Вычет косится на меня с большим любопытством.

– Что? – интересуется он.

– Ничего... Это не отражение атаки мутантов. Это перестрелка. Слышишь?

Ему требуется время, чтобы понять разницу между отстрелом и перестрелкой. Все-таки если человек заучился, это сразу не проходит. Сложные вещи он понимает мгновенно, а над простыми думает, страдальчески морща лоб.

– И что это значит?

– Либо разборки между кланами, – объясняю я, – либо нашествие зомби.

В третью возможность – бой между сталкерами и бандитами – Я не верю. Бой идет серьезный, а банды не кланы, чтобы объединиться и попереть на рожон. На фиг им надо. И вообще бандитов в Зоне куда меньше, чем сталкеров, по той же причине, по какой волков в природе гораздо меньше, чем оленей. Нет, не бандиты атакуют осаждающих...

– Это зомби, – уверенно говорит Вычет.

– С чего ты взял? – любопытствую.

– Мне так кажется, – уклоняется он от ответа.

Мне тоже так кажется. Вожаки кланов – Штангель, Борода, Дьякон, Карбофос и прочие – вменяемые люди, своего не упустят, но и о других пекутся. Как раз потому и дают жить другим, что не хотят неприятностей себе. Не верю я, что клан пошел войной на клан, ну не верю! Разве что мозги им всем поотшибало...

– Скажи, – спрашиваю, – а пси-излучатель на какое расстояние бьет? Ты случайно не разузнал?

– Не знаю. Да они выключены! – Точно?

– Когда они заработают, мы почувствуем. У них диаграмма направленности не идеальная, есть небольшие боковые лепестки. Лучше не попадать в такой лепесток – неприятно будет.

Все-то он знает. А я мог бы и сам сообразить: излучатели в этой заварушке еще не применялись. Если «долговцы» решатся использовать пси-излучение против кланов – кранты, не жить больше «Долгу». Уцелевшие сталкеры будут с особенным рвением отстреливать «долговцев», пока не истребят всех до единого, а «свободовцы» им в этом с удовольствием помогут. Разгильдяи они и много о себе мнят, никогда они мне не нравились, но лучшие из них выслеживать и стрелять умеют не хуже настоящих сталкеров. Во всяком случае, так было раньше, однако и теперь, надо думать, изменилось немного.

– Одного я не понимаю, – бормочу я, – почему за нами еще никто не пришел? Барак пустой, никого нет...

– А кто должен прийти? – удивляется Вычет.

– Местное начальство и вожак «Долга», кто же еще...

– А-а. Видимо, «Долгу» не до нас, а все сотрудники с начальством во главе спустились в бункер, – спокойненько так поясняет Вычет.

– И о нас забыли? – не верю я своему счастью.

– Забыли, не забыли – из бункера не высунутся.

– Тогда нам надо уходить, – говорю я. – Этой ночью. Незадолго До рассвета.

Вычет изумленно поднимает брови.

– Ты уверен?

– Нас сдадут полиции. – Я уже устал ему это втолковывать. – За один факт сталкерства – до трех лет общего режима. Это только за Факт, а сверху на нас навесят еще столько, сколько захотят. Не хочу.

– Я тоже, – охотно соглашается Вычет. – Как уйти – вот вопрос.

Это вопрос, не спорю, но решаемый и как раз по моей части. Пока что я вижу только один план действий, и суматоха вокруг Янтара нам на руку.

– Выбраться незамеченными из этого барака. Добыть оружие. У караульных или у «долговцев» – там видно будет. Ослепить прожектора – и через КПП по нахалке. Рисуем нарваться только на случайную пулю.

– А потом?

– Будем прорываться через кольцо окружения. Мужикам сейчас не до нас.

– А зомби?

– Зомбаков бояться – в Зону не ходить. Но далеко не пойдем. Укроемся где-нибудь, дождемся рассвета, а тогда уже рванем.

И тут Вычет, представьте себе, заявляет:

– Я не пойду.

– Что-о?

– И тебе не советую так рисковать. Потерпи.

Это он мне говорит «потерпи». Он – мне! А то я не терпел, пока он днями и ночами занимался всякой научной мурой с местными недоделанными Эйнштейнами?!

Так бы и смазал по рылу.

А он смотрит на меня участливо:

– Что, тяжело? Все-таки потерпи до утра. А пока подумай: почему зомби – если это зомби – полезли на объект согласованно?

Что тут думать?

– Дождешься ты у меня... – говорю. – Зомбаки действуют согласованно в одном случае: когда ими управляют контролеры. Знаешь, кто это такие? Тоже зомби, но со способностями.

– И тоже управляемые?

– Кем?.. Хотя... Ну, может, и управляемые. Кем-то. Только про группу «О-сознание» ты мне не бухти, не люблю я ненаучной фантастики...

Он замолкает, а у меня мысли растрепаны, как прошлогоднее воронье гнездо. И впрямь что-то несусветное выходит: стalkerы, взявшие объект в осаду, атакованы, судя по звукам боя, по меньшей мере таким же количеством зомби. Может, сотня их собралась, а может, и полторы. Очень серьезная сила, несмотря на известную зомбачью невозмутость. Способен ли один контролер управлять – не командовать, а именно управлять – ротой? Хрен вам. Это что же получается: контролеров – несколько?.. С минуту эта мысль катается в моем черепе, как камешек в погремушке. Ну да, выходит, их несколько, причем действуют они согласованно. Как это им удастся – вот что я хотел бы знать! Все, кто видел контролеров, уверяют в один голос: на вид они типичные зомбаки, вяловатые, сутулые, бормочущие что-то себе под нос... Или, может, над ними тоже есть какая-то сила? Вычет-то, похоже, прав... Может, по Зоне бродят и суперконтролеры – контролеры контролеров?..

А кто контролирует суперконтролеров?

Неужели люди? Носорог много дал бы, чтобы контролировать их, да хрен – пока что армия зомбаков делает как раз противоположное тому, что нужно Носорогу. Тогда кто?

Не знаю. Вычет, конечно, несет чушь, но доля истины в его словах есть.

А стрельба мало-помалу приближается со всех сторон, круг сужается, осаждающих теснят к колючей проволоке. Очереди стали короче – обе стороны экономят патроны, а времени всего-навсего второй час ночи. Чем они собираются драться на рассвете – ножами и зубами? Наверное, зомбакам до этого дела нет, а стalkerам – очень даже есть. Им надо не только отбить нападение, им еще надо дожить до утра...

Потому что ночью в Зоне человек без боеприпасов живет недолго.

– Ты пошел бы ночью сюда из бара Сидора? – спрашиваю я Вычета.

Он зябко передергивается.

– А нужно?

– Нужно. На месте обороняющихся я бы уже час назад вызвал подмогу. Всех, кто есть в наличии, включая увечных и сопляков. Клан – это клан. Надо идти выручать своих. Не поможешь ты – не помогут тебе. Все, конечно, не дойдут, но кто-нибудь дойдет...

– И ты ходил... когда было так? – спрашивает Вычет, едва ли не впервые на моей памяти понизив голос до уважительного шепота.

– Так никогда не было.

Мысленно я с ними. На пути стalkerов аномалии и голодные мутанты идут. Против них непроглядная тьма и взбесившиеся зомби, они спешат к Янтарию отовсюду – и из ближних лагерей, и из дальних. Вызваны те, кто вне Зоны: сюда, скорее, наших бьют! Об этом ночном марше будут сложены легенды, которые окажутся бледным подобием того, что происходило на самом деле. А происходило-то, если подумать, из-за меня с моим непутевым родственником!

Никогда я не вернусь в клан. Не смогу смотреть людям в глаза. Мое место там, с ними, с людьми против нелюдей, а я что делаю? Господи, что же я делаю?!

Жуткий вопль прорывается сквозь стрельбу. Зомби так не кричат – считается, что у них сильно понижен порог болевой чувствительности. Я стрелял в зомби, я знаю. Они умирают не сразу, зато почти всегда молча. Это кричал человек.

Опять короткие очереди и одиночные выстрелы. Разрыв гранаты. Сколько же зомбаков в Зоне! А я-то считал, что их мало...

Держащие оборону «долговцы» не высовываются и не открывают огонь, только прожектора шарят по черноте туда-сюда. Ничего они там не нашарят, такой густой черноты

я отроду не видел. Ее не прожектором, ее руками надо раздвигать. Этот воздух больше похож на черный кисель.

– Значит, не пойдешь со мной? – спрашиваю Вычета еще раз. Помоши мне от него не нужно, главное, чтобы не мешал. Я все сделаю сам. Достану оружие. Прорвусь. Сокрушу любого, кто встанет на пути. Но Вычет должен пойти добровольно, иначе я не управлюсь. Не могу же я тащить его на себе, черт побери! А без него я не уйду. Раз уж я затащил его в Зону, то я за него в ответе. Глупо? Еще как. Любой сталкер скажет, что глупо. Но это моя глупость, и я с ней не расстанусь. Мой каприз.

– Пойду, – неожиданно отвечает Вычет, – но только утром.

– Ты кретин. – У меня уже нет сил с ним спорить, хочется просто надавать ему по роже.
– Утром – это утром. Ты знаешь, где мы будем утром?

– Приблизительно знаю. – Невеселая усмешка трогает его губы. – В Зоне на пути к ЧАЭС.

Когда-нибудь он меня убьет своим всезнайством.

– А почему не в республике Чад?

– Подожди до утра. – Вот и весь его ответ.

Глава 7.

День, ночь и хвостатое утро

Мы вновь идем на восток. Это уже становится дурной привычкой: нам надо на север, а мы топаем заре навстречу. Сегодня она лимонно-желтая, а воздух необычайно прозрачен, словно и не было осязаемой ночной черноты. Роса на траве. Тихо-тихо. Поначалу нас преследовало урчание псевдопсов, ошалевших от такого обильного пира, но вскоре мы оторвались, и мутанты нас не преследовали. Зачем им? Сегодня они насытятся без всякого риска.

Трупы, трупы... То здесь, то там. Чаще поодиночке, но в одном месте на десяти квадратных метрах нам встретились сразу четыре – все зомби. Их легко отличить по обтерханной одежде, а еще по тому, что, получив рану, даже смертельную, зомби все равно продолжает выполнять отданный ему контролером приказ, вовсе не стремясь подобно человеку выйти из боя, уползти в кусты, зажимая рану, попытаться воспользоваться перевязочным материалом... По трупам и следам на земле это было хорошо видно. У всех четверых стволы и ни одного патрона, зато на земле столько гильз, что хоть открывая приемный пункт цветмета. Кто руководил ночным нападением, какой единый мозг? Ведь зомби – не более чем ходячие автоматы. Я даже не знаю наверняка, чувствуют ли они боль; все разговоры о пониженной болевой чувствительности зомбаков – разговоры и есть. Кто это проверял? И если разговоры врут, если зомби чувствуют боль так же, как и мы, но все равно выполняют приказы контролера, – до чего же это страшно, попасть под пси-излучение! Лучше просто сдохнуть, много лучше.

Мы идем на восток. Пробираемся медленно, не то что в первый или второй день. Плетемся, останавливаемся, кружим, иногда возвращаемся, чтобы поискать другой проход. Не та здесь местность, чтобы Разгуливать, как по бульвару. На болоте было куда легче. И зачем я его хаял? Отличный маршрут для пешего туризма. Во всяком случае, почти без аномалий, а что касается ленточной змеи, то без дикой фауны туристу скучно.

Я начинаю побаиваться моего спутника и родственника. Все случилось именно так, как он предсказывал: незадолго до рассвета, когда Уже весь извелся, а пальба вокруг объекта прекратилась, в нашу комнату ввалились Костя, давешний белохалатник, Виктор и еще один долговец». Нас отпускали на все четыре стороны. Пардон, нас вышвыривали с объекта, и немедленно. Пинком под зад. «Долговец» выразил все это в немногих энергичных словах, а Виктор вернул нам оружие, молча вывел за КПП и довел до окраины поселка. Тоже молча.

Небо уже светлело, и я насчитал по пути тринадцать убитых зомбаков и тела двух сталкеров – как видно, их бросили, отступая, за невозможностью вынести. Нетрудно было представить, сколько всего людей полегло в ночном бою. «Чтоб вы сдохли», – с чувством сказал нам Виктор на прощание, и еще с минуту я ощущал затылком его ненавидящий взгляд. Могучие нервы у человека! Я понимал его и не знал, хватило ли бы у меня на его месте выдержки не положить обоих виновников ночной бойни одной очередью. Зомбаков ему было, конечно, ничуть не жаль, но люди – это другое. Для «долговцев» сталкеры других кланов – низшая каста, но все-таки люди. Кроме «свободовцев» – те просто дикие обезьяны и недостойны жить.

Но в чем наша вина? Разве Зона – уже чья-то собственность? О полном контроле над ней мечтают все, кому не лень, – военные, ученые, сталкеры, бандиты... Но лишь мечтают. Я могу понять, когда международная полиция мешает мне пробраться через Периметр. Полицейские – суки, но это их работа. Я понимаю вояк-контрактников, стреляющих в меня с перепугу или от злости, – они тоже при деле, денежное довольствие с того имеют. И все законно. Я даже бандитов понимаю. Я полуторговца-полубандита Носорога понимаю распрекрасно. Я только своего брата сталкера не понимаю. Конечно, они тоже в своем праве, тут и разговора нет, и вдобавок нас с Вычетом предупреждали, нам давали шанс уйти по хорошему... нет, все равно не понимаю. Как можно мешать другому? Какую труху вместо мозгов надо иметь, чтобы поверить в Зов Зоны? Как они повелись на это? Ведь потеряли в ночном бою многих, были вынуждены снять осаду и спешно уходить, отстреливаясь последними патронами, унося на плечах раненых, бросая мертвых...

Почему они поверили, что исходящая от нас опасность столь велика? Кого спросить? Вычета? Да ну его. Зону? Спросить-то ее можно, а что толку?

Одно ясно как день; теперь мы дважды вне закона. Теперь нас не просто побаиваются, а ненавидят всерьез. Нам больше нельзя идти на контакт с людьми, кем бы они ни были.

Может, и не придется. Кланы ослаблены, зализывают раны, и мало кто пойдет за хабаром в ближайшие дни. Тем лучше для нас. Много ли времени нужно, чтобы махнуть отсюда к ЧАЭС? Если нам очень повезет, мы будем там уже сегодня.

Нет, это я хватил. Пожалуй, все-таки завтра. Очень уж местность нехороша, аномалия на аномалии, тащимся, как черепахи. Дальше, по слухам, будет не лучше. Значит, скорее всего придется еще раз заночевать, а где? Есть места, но поспать ночью нам вряд ли удастся. Ладно, переживем, в Янтаре я по десять часов дрых...

Стараясь держаться низин и кустов, мы огибаем поселок с севера. Поселок точно вымер. Не знаю, что творится в баре «Сто рентген», да и знать не желаю. Аномалий становится меньше. Временами мы идем довольно ходко, я сознательно иду на небольшой риск. Чем скорее мы покинем окрестности Янтара, тем будет лучше. Для всех. А может, все-таки успеем сегодня сбегать к ЧАЭС?..

Детектор исправно показывает аномалии, «шнек» завернут в полиэтилен и убран на дно рюкзака, потому что молчит, собака. Я сильно сомневаюсь, что он вновь заработает, хотя сбрасывать со счетов такую вероятность тоже нельзя. Зона – сволочь, но среди ее сюрпризов изредка бывают приятные.

– Смотри.

Мертвый зомбак лежит на боку, подтянув колени к самой груди. В животе у него дырка, но получил он ее не здесь. По кровавым следам видно, как он шел. Человек так не смог бы, а этот шел и шел, покуда не истек кровью, и тогда лег, принял позу эмбриона и умер. Мутанты его пока что не нашли.

Вычет спрашивает меня взглядом: на что смотреть-то?

– Взгляни на амуницию, – говорю, – Это не просто зомби, это «монолитовец». Есть такой клан сумасшедших, все они давно с катушек съехали. Кто говорит – зомбированные, кто – просто психи. По-моему, типичные зомбаки. Они охраняют Монолит от посторонних. Будто бы видят в том высший смысл своей жизни. Этот что-то далековато забрел...

Вычет молчит. Я знаю, он думает о том же, о чем и я: «монолитовец» оказался здесь не

случайно. Он тоже участвовал в ночном бою. Кому не хватило личного состава, какой суперконтролер погнал на Янтарь не только бродячих неприкаянных зомбаков, но еще и «моно-литовцев»? Нет ответа.

Зато теперь я не догадываюсь, а знаю точно: «монолитовцы» Управляемы. Они тоже зомби. Нет, я всегда это знал, потому что не возможно долгое время находиться близ Монолита и сохранить свое «я», – но теперь это доказано.

И что мне это дает?

А ничего.

Стоп-стоп, все-таки дает! Как ни крути, а нам повезло, мы целы, вооружены и продолжаем движение к ЧАЭС. На редкость удачно легла карта. Так бывает по чистой случайности, но только не несколько раз подряд. Не случайность это, а еще одно подтверждение: Вычет – действительно любимец Зоны, а значит, за ним надо следить в оба глаза. Кто любимец, кто сам поверил в особое расположение к себе Зоны, тот расслабится и обязательно гробанется. Это давно известно. Не слыхал об исключениях из данного правила.

Не обращая внимания на брезгливый взгляд Вычета, шарю в шмотках мертвого зомби – нет ли боеприпасов? Нет. Не то все расстрелял, не то бросил вместе с оружием, не то уже обобран кем-то. – Пошли, чего стоять...

Делаю шаг – и мир раскалывается. Дубиной по черепу. Гаубичным выстрелом над ухом. Землетрясением и взрывом Кракатау. Какой-то гад выдергивает у меня из-под ног землю, я падаю. Я умер? Голова превратилась в Царь-колокол. Его раскачивает ураган, чудовищный медный язык бьет по темной бронзе неспешно, но неотвратно. Бум-м!.. Бум-м!.. Набат. Весь мир дрожит, он сжался, приготовился к худшему. Сейчас меня добьют, и мне не интересно, кто это делает. Только скорее бы! Ну, добей меня! Кто бы ты ни был, кончай меня скорей, я же не выдержу... Ураган ревет. Сколько крика в простом метании воздуха! Земля рычит, воздух исходит воем, вопит каждая молекула. Змеятся зеленые молнии. Десять тысяч поездов одновременно грохочут надо мною по чугунному мосту. Почему у меня в черепе отбойный молоток, как он туда залез? У-у, сколько звуков. Моя голова сейчас взорвется, потому что невозможно же материальному телу выдержать такой шквал. Где я?-Почему ничего не видно? Только ветвистые молнии и еще сполохи какие-то. Они тоже режут. Мир взбесился, он буйно помешан, теперь в нем никогда не будет тишины... Он кричит. Ваты мне, ваты в уши! Законопатить, залить воском. Ну помогите же мне! Неужели никого не осталось в этом мире, неужели всех сожрал этот воющий и визжащий хаос Бум-м! – снова колокол. Сейчас он сорвется с треснувшей балки и раздавит меня, как мелкое насекомое. Вот сейчас... Почему он не падает?

...Потом меня неудержимо рвало, но я уже понимал, что остался в живых. Это все Зона... Ее штучки. Сволочь поганая. Колокол еще гудел в голове, ураган ослабел, но далеко не унялся, и предметы расплывались у меня перед глазами, но они хотя бы были, эти предметы. Я уже верил в то, что они реально существуют. В пяти шагах от меня по-прежнему лежал в позе эмбриона мертвый «монолитовец», а Вычет сидел рядом со мной на корточках, поддерживал мою голову и зачем-то дул в лицо. Дурачок. Разве так надо?

– Воды... дай... – высипел я не с первой попытки, и он наконец понял. В рот и на лицо полилась холодная вода. Еще, еще! Не жалей... Уф-ф, хватит.

– Я ду... бя... ило... – сквозь рев урагана доносится голос моего напарника.

– Громче!

– Я думал, тебя убило! – в лицо мне кричит Вычет.

– Это была «дрожь земли», – шепчу я в ответ. – Это не смертельно. Вроде контузии. Это пройдет, только не сразу... Оттащи меня назад хоть немного... эти аномалии не разовые, они вновь заряжаются...

– Ты чего орешь? – Вычет в тревоге.

Разве я ору? Хотя... ору, наверное. «Дрожь земли» оглушает капитально. Никогда прежде я в нее не попадал, так что знаю о ней только по рассказам других сталкеров. Не смертельная, но подлая аномалия. Плевок Зоны в сталкерскую душу. А главное, теперь в

Земля стремительно летит мне в лицо. Я даже не успеваю сообразить, что мой родственник попросту оттолкнул меня что есть сил, как над моей головой начинает бить АК.СУ. Что-то огромное надвигается темной горой и проносится мимо. Не вижу. Какое-то бурое пятно. Вот его поднимает на воздух и крутит, крутит... И нет пятна. Оно порвалось, и летят какие-то ошметки. Что? Почему?

– Кабан. – Зубы Вычета выбивают дробь. – Он сам напал, я его не провоцировал... Честное слово...

Нет, мир не перевернулся. Вычет снова тот, кто он есть на самом деле, – мальчишка, сосунок, желторотик. На него напала тупая злобная тварь, и ему страшно. Но он сделал как надо: успел оттолкнуть меня, отпрыгнул сам, встретил кабана очередью – и ведь попал, потому что мутанты Зоны даже в ярости не лезут в аномалии. Подранки – те могут. «Карусель» довершила то, что не доделали пули. Чернобыльский кабан громаден, почти с меня ростом в холке, но «карусель» порвет и слона. Поднимет на воздух, раскрутит до бешеной скорости и Разбросает мелкими частями – хвост туда, бивень сюда... Да, приятель, Зона тебя любит. Она напустила на нас не стаю голодных псов, не ХИТРЫХ и молниеносных в нападении снорков и даже не крысиную стаю, а всего-навсего одну тупую и злобную зверюгу, с которой даже ты, сосунок справился. Зона пока что ставит перед тобой решаемые задачи – потому бойся! Ты прав, надо отдохнуть, и не только мне. Нам обоим. А потом двинем в обход.

***

К вечеру я почти в форме. В ушах стоит тихий звон, но и только. Немного раздражает, но не мешает. Вычету уже не приходится орать, чтобы я его услышал, и не надо говорить мне, чтобы я не орал, когда я шепчу. Стрелок из меня еще тот, плохо вижу прицельную планку и мушку, но могу дать очередь, целясь по стволу. Против стайного или одиночного, но крупного зверья этого достаточно. И главное, я уже различаю дрожание воздуха над «жарками» и кружение мелкого мусора над «трамплинами», «каруселями» и «воронками». Пожалуй, я уже могу подменить Вычета – он устал и теряет бдительность. Вот тут-то Зона и ловит таких, как он.

Дрянные места. То есть если бы мы пришли сюда за артефактами. то могли бы не пожалеть об этом – охота здесь часто бывает удачной. Но – гляди в оба. Набрал хабара и сразу уходи. Много аномалий. Больше, чем нужно, людей... было. Как сейчас – не знаю. Скоро увидим.

Есть безошибочная примета: если после ночевки на Милитари ты чувствуешь себя плохо, значит, ты еще жив. Поутру здесь просто невозможно чувствовать себя бодрым и отдохнувшим. Не дадут. Сталкерам иногда приходится коротать здесь ночь просто потому, что в окрестных лесах еще хуже.

Теперь я иду впереди. Иду медленно, то и дело утыкаясь в скопления аномалий, кружа и возвращаясь. У нас черепашья скорость, но мы все же продвигаемся среди кустов, наполненных ржавой водой ям, обломков бетонных конструкций и каких-то земляных отвалов. Человек основательно коснулся здесь окружающей его среды, а потом Зона показала ему, что он щенок и не понимает, как по-настоящему надо ее касаться. Одни растения чего стоят – деревья стелятся по земле, как огуречные плети, кусты стоят без листьев и покрыты какой-то слизью, но при этом остаются почему-то живыми, ну и прочая ботаника в том же духе. Летает жгучий пух, в канавах шевелится сизая плесень, хищные грибы выбросили наземные гифы – караулят крыс. И аномалии... полно аномалий. «Карусели», «воронки», «трамплины», «мясорубки», а вон «холодец» лежит бугром и не растекается, а только дрожит, как будто ему зябко. Нет, найти для ночлега место, окруженной аномалиями, – это как раз то, что нам надо... вот и ищем. Бывшие склады нам не нужны – там мы наверняка будем не одни, – поэтому мы забрали к северу, а здесь только

фундаменты мелких домишек. Вон тот фундамент мне нравится, поглядим... Щербатый бетонный периметр высотой от силы полметра безопасности тебе, конечно, не прибавит, но внутри него как-то уютнее. Сохранилось в этой стенке что-то от дома.

Семь на семь метров примерно, внутри аномалий нет, зато полно годных на топливо гнилых досок. Сырые и трухлявые, но гореть они у меня будут, заставлю. Аномалии – - вокруг парапета. Малой толпой. «Зыбь», «мясорубка», «жарка», сразу два «разлома» и еще что-то нехорошее метрах в двадцати. Ну, нам туда не надо. Очень хорошо защищены север и восток, худо-бедно – юг, и только запад открыт. Неплохое место. Не идеальное, конечно, но идеальных не бывает.

Темнеет. Дымит костерок, а в котелке, пристроенном сбоку на два обломка кирпича, вот-вот закипит вода. Чайку попьем. Хорошо бы с сахаром, но у нас его нет. Попьем, значит, с тушенкой.

Вычет устал крушить доски на дрова – сидит, шурится на огонь что твой кот Васька. Он вновь без очков – в Янтаре их носил, а в Зоне опять вставил контактные линзы. Ну, это его амуниция, ему решать.

– А рассказать мне ты ничего не хочешь? – спрашиваю я.

– Насчет чего?

– Насчет того, почему нас выпустили из Янтара. И почему ты заранее знал об этом.

– А! – Вычет машет рукой. – Это просто. Я убедил кое-кого, заручился поддержкой, а потом договорился с начальником базы, ему самому было интересно. Это эксперимент над Зоной.

– Не понял.

– Научный эксперимент над Зоной, – терпеливо, как первокласснику, объясняет мне Вычет. – Воздействие на Зону. Она – объект воздействия, а инструменты воздействия – мы. Я наплел им, что ты действительно испытываешь Зов... и знаешь, они приняли это как гипотезу. Эксперимент действительно интересный: позволить Зоне самой повести себя, зная хотя бы отчасти, что ей нужно, и посмотреть, что из этого получится. Чем еще прикажешь воздействовать на Зону ядерным взрывом? А тут просто дивная возможность: эксперимент не

Надо ни с кем увязывать, включать в план, и вообще не надо ничего делать – просто выпустить нас и не мешать в дальнейшем.

– Опять не понял... Совсем не мешать?

Только отслеживать наши перемещения. Затем, когда мы доберемся до Монолита, посмотреть, изменится ли что-нибудь в Зоне, а если да, то что.

– Отслеживать перемещения, говоришь?

Вместо ответа Вычет достает из кармана коробочку микропередатчика с короткой гибкой антенной. Я по телику видел: такие штуки вешают на африканских львов в Серенгети, прикрепив их к ошейникам.

– А ну, дай сюда!

В «жарке» передатчик ярко вспыхивает, лопается и прекращает существование.

– Зря, – комментирует Вычет.

– Поговори еще у меня! Еще что-нибудь вроде этого есть?

– Нет.

– Точно? – грозно переспрашиваю я.

– Точно.

– Не будешь советоваться со мной в следующий раз – уши оторву. Умник нашелся! Эксперимент ему!

– Да не мне...

– Тем более!.. Стой!.. А как ты убедил их, что я под Зовом?

– Я просто сказал, – улыбается Вычет. – А убедило их главным образом нападение зомби на сталкеров. Ни один зомби не атаковал объект, зато окрестности они расчистили. Почему?

– Тебя в детстве головой об асфальт не роняли? – спрашиваю я, предварительно сосчитав в уме до десяти. – Зов, значит? Ты это серьезно? – Он всю мотает головой. – То есть нет? А если не Зов, то что? Не знаешь? Да если бы я был под Зовом, то на хрена я был бы теперь нужен Зоне? Я свое дело сделал! Тебя, придурка, «монолитовцы» доставили бы в лучшем виде туда, куда Зоне надо! На руках бы донесли, как султана. Не так, скажешь?

– Не скажу.

– Ну то-то! погоди, а как ты угадал, что зомби собираются атаковать?

– Я не угадывал. – Вычет отчего-то прячет глаза – наверное, в них лезет дым. – Я предполагал. Зона должна была отреагировать на большое скопление людей в одном месте – вот она и отреагировала все остальное в воле случая. Откуда мне знать, почему она отреагировала так, а не иначе?

И верно: откуда?

– Ты поспи, – говорит он. – Я первый подежурю. Упрашивать меня не нужно.

Мне снится Зона. Она расплзлась, как квашня, поглотила Периметр и как-то очень быстро распространилась на всю Землю, лишь кое-где оставив безопасные островки. Некоторые из них столь малы, что на них можно стоять только на одной ноге, вторая уже не помещается. Вот люди и стоят на таких островках, как цапли. И я с ними. Нога онемела, трудно держать равновесие, но с одной стороны от меня нагло раскинулась «зыбь», а с другой скалится «разлом». В «зыби» медленно, но неотвратно утонешь, а в «разломе» сгоришь – быстро и тоже неотвратно. Но нельзя же вечно стоять, поджав ногу! Это мучение. На что я решусь, когда оно станет нестерпимым? Куда обреченно шагну – в «зыбь» или в «разлом»?

И ведь понимаю, что это только сон, а все равно страшно. Не к месту такие сновидения – сталкеру полагается видеть их вне Зоны. Она не любит выпускать добычу. Сталкерам, покинувшим ее навсегда, она мстит лучевой болезнью и снами.

Грохот автомата подбрасывает меня. Костер по-прежнему горит, и в его пляшущих отсветах мелькают, перепрыгивая через бетонную ограду, крупные серые тела. Крысы!

Через три секунды я тоже открываю огонь. Крысиный волк прыгает, целясь мне прямо в лицо, – я отшвыриваю его в костер. Визг, вонь паленой шерсти. Я прыгаю вперед, тяжелыми ботинками круша хребет еще одному крысиному волку. Крысиная мелочь с писком разбегается. Так и должно быть: крысиные волки – вожаки стаи, их надо выбивать в первую очередь, тогда стаю может охватить робость. Вот как сейчас. Уф-ф, отбились, однако!

– Сколько у тебя патронов? – спрашиваю Вычета.

– А? – Тот лупает глазами. Очнись, парень! Привыкай к Зоне.

– Сколько осталось патронов, спрашиваю!

– Э-э... треть рожка, я думаю. Да еще есть немного россыпью в рюкзаке.

– И еще один пустой рожок? Мы четыре дня сидели в Янтаре, и не удосужился набить магазин? Ну, молодец!.. Наука, тыдыть твою растудыть! Великий математик!

Вычет сопит, как мальчишка, – понимает, что распекают его за дело. Ну, хоть не спорит... Валяй, набивай рожки, а я пока покараулю. И покурю.

Мне уже гораздо лучше. Я почти в порядке, насколько вообще человек может быть в порядке в глубине Зоны. Если до утра не случится никакой новой пакости, я совсем приду в норму.

Три раза «тьфу» через левое плечо! Загадывать наперед в Зоне не следует – примета хуже некуда. – Набил? Можешь поспать.

Мне спать уже не хочется, а Вычет ходит внутри фундамента кругами, как пес, выбирающий лучшее место, и наконец укладывается посередине. Уже через минуту он начинает тонко свистеть носом. Валяй, дрыхни, завтра ты мне понадобишься. А я тебе.

Костер погас, угли подернулись пеплом и светят тускло, ничего не освещая вокруг себя. Так даже лучше, пусть мои глаза привыкают к темноте. Жаль, нет ни луны, ни звезд –

непроглядное над нами небо. Я вспоминаю крымские звезды, и мне на минуту становится тошно от неба Зоны. Пакостное оно, как и вся Зона. Кто ее выдумал, кто сотворил, как вообще это случилось? Про группу «О-сознание» я слышал столько же, сколько и другие, не больше, но и не меньше. Сказки. Пусть дети в них верят, ну или дураки, а я, кажется, не отношусь ни к тем, ни к другим. Уж очень нескладная выходит сказка. Ну, допустим, несколько сумасшедших ученых, причем великих умов, сумели каким-то божьим попущением договориться о целях и задачах и объединиться в группу. Могут они выдумать что-нибудь этакое?

Могут. Но реализовать свои выдумки – - шиш. Для этого нужна поддержка, да еще какая. Как там говорил Наполеон о том, что нужно для ведения войны? Три вещи: деньги, деньги и деньги. Вот то-то и оно. Да, я тоже слышал о каких-то олигархах, вложившихся в проект. И что? Ну, допустим, они вложились, а чего ради? В смысле, что в мире изменилось? Возникла Зона, и больше ничего. А вокруг нее -прежний мир, в чем-то меняющийся, конечно, но не по законам Зоны, а по своим собственным. Если смотреть в корень, то что происходило, то и происходит. Олигархи остались олигархами, а мир не стал более управляемым. Выходит, они вложились в пшик?

Лохи на такое способны, не олигархи.

Кое-кто утверждает: проект еще развивается, конечный результат пока не достигнут. Ну-ну. В былые времена в «Харчах» еще тусовались сталкеры, верящие в эту чепуховину, и споры часто кончались дракой. А чем еще они могли кончиться? Сидит перед тобой этакый упертый пень, несет околесицу и страстно хочет, чтобы ты в нее поверил. Слюной брызжет, бедняга, за грудки тебя хватает, горло надсаживает. Последний аргумент в таких спорах известен: летящий в морду кулак.

А ни хрена на самом деле не известно. Никому. Зона существует не первый год – уж за такой срок кто-нибудь что-нибудь да разнюхал бы. Слушок – он вроде керосина, всюду просочится и до каждого доберется. А если не гуляют слушки в народе, если по сию пору нет никаких вразумительных версий, значит, наверняка известно только одно: Зона существует, вот она, любуйтесь, а как и за каким хреном она возникла, лучше не спрашивать и не задумываться, все равно толку не будет.

Становится зябко. Хорошо бы раздухарить костерок, погреться чуток, да дров больше нет. А если бы и были, то не стоило бы. Ни шиша не видно, но темень мне не враг. Если кто подкрадется – услышу, благо, Вычет не храпит, а только свистит легонько носом, есть у него такое ценное свойство. В Зоне нет бесшумных существ, кроме полтергейста, если только он существо. Даже снорки, уж на что ловкие бестии, выдают себя едва слышным шорохом шагов и дыханием. Услышу. А нападет – буду слепить его фонариком и бить из пистолета промеж глаз. Лишь бы не напали одновременно с разных сторон... но вроде не должны, аномалии нас хорошо защищают.

Какой-то красноватый дрожащий огонек светится метрах в ста пятидесяти от нас – точнее, светится сырой воздух над ним, а самого источника света не видно. То ли нетипичная «Электра», то ли еще какие-то люди пережидают ночь в развалинах. Скорее второе, чем первое.

Малое время спустя оттуда доносится вопль, за ним следуют одиночные винтовочные выстрелы и длинная автоматная очередь. Люди. Нет такой «электры», чтобы вопила от боли и ужаса, а потом стреляла. Наверное, отогнанная нами крысиная стая решила попробовать свои силы на других сталкерах. Дохлый номер. Мы убили двух крысиных волков, а сколько их всего в стае? Говорят, не бывает больше трех, стало быть, остался максимум один. А может, ни одного. Без крысиных волков стая черномыльских крыс немногим опаснее стаи крыс обыкновенных. Да и стая теперь уменьшилась, мы ее чуток проредили, помогли, стало быть, тем, другим.

Идет время. Стрельба прекратилась, огонек по-прежнему светит – неярко, но не гаснет, значит, те не дают костерку зачахнуть. Стало быть, живы. Вычет дрыхнет, свистит носом, и даже стрельба его не разбудила. Умаялся, значит, когда вел меня беспомощного. Привыкай,

---

парень, и мотай на ус: быть «отмычкой» у нормального сталкера, может, и опаснее, чем идти неспешно позади, зато психологически куда проще. Никакой тебе ответственности: топай себе, получай от наставника ЦУ и только о себе, драгоценном, думай. И никто тебя потом не спросит: куда девал напарника? Есть, конечно, и среди сталкеров отпетые сволочи и живоглоты, да только их все знают, и кто, я вас спрашиваю, пойдет к ним в «отмычки»? Только дурак какой-нибудь, у кого жадностью мозги отшибло. Хабаром зомбированный. Таких никому не жаль, а было бы жаль – исчезли бы из Зоны живоглоты, выдавила бы их отсюда сталкерская братия... Мы тоже очень даже не подарочки, но все же люди.

Странно: спать абсолютно не хочется. Сижу, пускаю дым, смолю одну за одной, а бычки выщелкиваю за бетонный парапет прямиком в «жарку». Декабрьская ночь и без того долгая, но мне она кажется вечной. Очень прохладно. Глотнул немного водки, кутаюсь в куртку, но капюшон не надеваю, чтобы удобнее было вертеть башней. Где-то поодаль взрывает, твякает и возится зверье, но поблизости тихо. Будто и не в Зоне. Сигарет осталось немного, но это ничего. В Зоне я могу совсем не курить, если нужно, и многие сталкеры сознаются в том же. Чаще всего здесь просто не до курева.

Сволочное спокойствие, расхолаживающее... Вот это и есть главная пакость Зоны, нуда я не новичок, знаю эти штуки. Не стану врать, будто бы знаю все, на что способна Зона, но вот такие ее подянки известны мне прекрасно. Меня за грош не купишь и с кашей не съешь. Я собран, зол, готов ко всему и дремать не намерен. Поняла, стерва, Съела?

Молчит Зона. Не удостоила меня ответом.

Мало-помалу восток светлеет. Сижу, курю. Загадал: если заря сегодня будет ультрамариново-синяя, значит, день пройдет без особых хлопот. Заря оказалась огненно-алой. Тьфу, блин, дурость! У сталкерского люда тьма примет, а ни одной годной. Зона в приметы не верит, в них верят дураки. Вот и я, наверное, поглупел, пока караулил.

Ладно, пора двигаться. Бужу Вычета, он спросонья моргает глупо-глупо и потягивается с болезненным стоном. А привыкай, это тебе не перина. Вставайте, граф! Две минуты вам на оправку, а завтракать мы здесь не будем, потому что береженого бог бережет. Готов? Пошли. Сегодня я первый.

Выходим на запад, как входили. Хочу обогнуть место ночлега с юга, но детектор показывает такое, что оторопь берет. Значит, идем на север. Ох, не хочется мне приближаться к тому фундаменту, где ночевали наши соседи... Отклоняюсь на запад, поначалу там пройти можно, что мы и делаем, но чем дальше, тем хуже. Отдаю детектор Вычету, пусть ведет меня. Десять метров прямо, полтора метра влево, два метра опять прямо, затем шесть метров направо... Стоп! И без детектора ясно, что дальше не пройти.

– Веди назад.

Вычет аккуратно выводит меня из западни. Прямо хода нет. Слева – сомнительно. Есть вроде неплохой путь направо, но этак мы совсем приблизимся к нашим соседям. Пять к одному за то, что они участвовали в бою у Янтара прошлой ночью и сейчас злые-презлые. По-человечески их можно понять, но умирать от их пуль я совсем не собираюсь. Они уже сейчас могли бы спокойненько положить нас, как ростовые мишени в тире, да бурьян им мешает, а нас скрывает. Попробуем все же обойти их стороной...

И тут над бурьяном раздается:

– Эй, Чемодан!..

Вычет присел, наставил ствол на звук, взглядом спрашивает: стрелять ли? Я тебе постреляю! Цыц!

– Эгей, сталкеры! – надывается кто-то. – Эге-ге-гей!.. А ведь знакомый голос.

– Это ты, Хвост? – кричу я.

– Он самый. Если высунусь, стрелять не будешь? Или белый флаг надо поднять?

– Высовывайся, а там посмотрим. Кто с тобой?

– Гляпа.

– Не знаю такого.

Так он молодой еще... Гляпа – это не прозвище, это фамилия. Действительно, при

такой фамилии никакой клички не надо, чем-то даже удобно.

– Чего вам? – не шибко любезно интересуюсь я.

– Поговорить, брат-сталкер, только поговорить.

– А не слишком ли много разговоров? Мне они что-то не нравятся.

– Так это клан с тобой разговаривал, а не я. – Хвост правильно понимает намек.

– А тебя с ними не было, что ли?

– Был, – не отпирается Хвост. – Но то с ними, а то сам.

– А что, есть разница? – дразню его я.

– Есть, есть!

В течение нескольких секунд я обдумываю предложение.

– Ладно, иди сюда. Один. И без оружия. Проход найдешь или тебе подсказать?

– Обижаешь... А может, устроим randevu на нейтральной территории? – орет Хвост.

– Бог подаст. Откуда мне знать, что вас только двое?

Мне стало ясно, что их двое, еще когда они отбивались от крысиной стаи. Но я слегка прикидываюсь дурачком, иногда это полезно.

– Ладно, иду.

Над бурьяном поднимается машущая рука – Хвост взобрался на фундамент и подает знак. Исчезла рука. Хвост идет сюда. Дорога ему знакома – давеча он шел ею, выбирая место для ночлега. Зачем, интересно, ему Милитари? Почему он не двинул в «Сто рентген»? За каким чертом заночевал в развалинах?

– Сместись и держи его на мушке, – команду я Вычету. Иной сам бы догадался, а этот худо-бедно начал разбираться в Зоне, но не в людях.

Мой палец находит спусковой крючок. Не обижайся, брат-сталкер. Не мы начали эту войну.

Минуты через три появляется Хвост. Оружия при нем не видно, капюшон отброшен на спину, рыжие лохмы торчат, а на конопатой физии нарисована такая гамма, что хоть в психологический триллер; и сожаление тут, и показное нахальство, и улыбка типа «чи-и-из», и чуточку трусости, то ли показной, то ли натуральной. Совсем немного ее, но все же проглядывает. И неспроста. Понимает Хвост, что назад мне хода нет, влип я по уши, и терять мне нечего. Пальну ему промер глаз – и много ли добавлю к счету висящих на нас с Вычетом смертей – Да почти ничего! Снявши голову, по волосам не плачут.

– Стой. Говори, что хочешь сказать.

Расстояние между нами великовато для того, чтобы Хвоста начали осенять всякие глупые мысли. Он стоит смирно и даже руки поднял. А где его напарник? Вычет держит Хвоста на мушке и не сечет фишку. Если бы я был на месте Хвоста, я бы пустил «отмычку» в обход... Хотя нет, не пустил бы. Во-первых, в бурьяне незаметно не проберешься – колышетесь, а во-вторых, уж очень много здесь аномалий. Сгинет «отмычка» ни за что, подметок не останется..

Совсем иной расклад, если Хвост и его напарник работают совместно с ударной группой, что таится где-то поблизости, – однако не похоже. Не тот у сталкеров стиль. Неужели мои бывшие дружки из «Харчей» резко поумнели за минувшие годы?

Не верю. В Зоне и вблизи нее сталкер не умнеет, ему не до того. Да и место здесь не очень подходящее для сложных тактических схем. А главное – Хвост нипочем не согласится рискнуть ради коллективных интересов.

– Мы хотим пойти с вами, – говорит Хвост. Гм. Интересная новость.

– Зачем тебе Монолит?

– Мне Монолит не нужен, – объясняет Хвост, – и Гляпе он не нужен. Нам нужно только подобраться к нему поближе, а сам Монолит нам на хрен не сдался. Потом расстанемся довольные друг другом. Все по-честному, без глупостей.

– Зачем тебе идти к Монолиту? – уточняю я вопрос.

– Хабар, – кратко отвечает Хвост. – Ведь тебе хабар без надобности, правда?

– Кто тебе это сказал? – бурчу я.

– Ну, не очень нужен, скажем так. Ты ведешь напарника к Монолиту, вам нужен Исполнитель Желаний, ну а мне – артефактов набрать. Вчетвером легче, чем вдвоем, – места там уж больно хреновые... Чу как, сговоримся?

– Что же ты из клана никого не нашел? Нет дураков идти к Монолиту, а?

– Дураки есть, – возражает Хвост, – да только мне не дураки! Умны. Мне нужны те, кому в Зоне везет.

И он туда же. Но я не считаю полезным разубеждать его. Значит, ты считаешь, что нам везет?

– А то как же! Выброс – это раз...

– Ладно, понял.

– О тебе и твоём напарнике давно байки ходят, – с удовольствием сообщает Хвост. – А прошлой ночью до меня окончательно дошло: это не байки. Зона действительно вас пропускает. Нет, мешать вам идти к Монолиту – ищи дурня! Если Зона чего-то хочет, она свое возьмет, я так считаю. Кто мог согнать всех зомбаков к Янтарию и устроить нападение, а? Ты небось не видел, что там творилось! Ночь, темень, не видно ни хрена, только прожектора светят, да не туда, куда надо, а эти прут лавиной и патронов не жалеют. Сам небось знаешь, не удержались мы. Хорошо, хоть было куда отступать, проход они нам оставили, специально, наверное...

– Что с нашими? – спрашиваю я, машинально называя «нашими» клан Штангеля. Хотя какие они теперь мне наши?

– Кипятка убило, а так, считай, обошлось. Штангеля ранило в колено, вынесли его, а Кудеяра в руку навылет, на своих двоих ушел, да есть еще оцарапанные...

Мне жаль Кипятка. Сколько раз зарекался жалеть дураков, а все равно жаль. А Штангель – умница. Наверняка он поставил своих людей так, чтобы основные потери несли другие, а не его клан. Вот и потерял только одного. Пришел ли он к выводу, что остановить нас нельзя, не пришел ли – не знаю, но сделал все правильно. Теперь его клан один из сильнейших, потому что потери других наверняка были куда как серьезнее. Не стану уточнять это у Хвоста – и так ясно.

– Ну так как. возьмешь нас? – интересуется Хвост.

Стоит подумать. Хвост всегда был халевщиком. Он хитер, но не умен, в народе это называется хитрожопостью, а это опасное качество как для него, так и для тех, кто с ним рядом. С другой стороны, у нас нехватка патронов.

– А зачем вы мне? – держу я марку. Видали, мол, всяких. Хочешь быть с нами, избранными, – докажи свою полезность.

– Ну, ты даешь! – изумляется Хвост. – Вчетвером ведь легче!

– Не уверен.

– И потом, на кого идет охота? На двух сталкеров с вашими приметами. На двух, а не на четверых, понял?

Что ж, видно, Зона еще не совсем отшибла ему мозги – на таком то уровне они работают. Аргумент весомый.

Ладно, рискнем. Веди Хвост хитрую игру – я его уже раскусил бы. Сейчас мне ясно главное: стрелять мне в спину он не собирается. Пока. Конечно, я постараюсь не дать ему такой возможности.

– Согласен, но...

Краем глаза вижу недоуменную физиономию Вычета: зачем, мол, соглашаешься? Засохни, парень. А Хвост напряжен – ждет, что последует за моим «но».

– Ты и твоя «отмычка» – впереди, – диктую я условия. – Полное подчинение. Старший в группе – я. Кто заартачится, с тем миндальничать не стану. Беречь буду лояльных, а ненадежных и взбрыкивающих не по делу – в расход. Нравится?

– Не нравится, – отвечает Хвост, – но я согласен.

– И Гляпа твой согласен?

– Куда он денется! – пренебрежительно машет рукой Хвост. Вычет глядит на него зло –

ну и сволочь, мол. А Хвост переходит к животрепещущему: – Как хабар делить будем?

– Пятьдесят на пятьдесят, – диктую я.

– Ты же не за хабаром к Монолиту идешь, – строит Хвост обиженную рожу.

– Кто тебе это сказал? Не нравится – проваливай.

– Ладно... – вздыхает Хвост. – Пусть будет поровну. Давай лапу. Рукопожатие, конечно, ничего не значит. Но – ритуал. – Так я пойду?

– Давай, веди свою Гляпу...

Когда стена бурьяна перестает колыхаться за Хвостом, я шепчу Вычета:

– О «шнеке» ни полслова, понял? Он кивает – не дурак, мол.

Ой ли?

Глава 8. Четверо

Гляпой оказался парнишка лет двадцати, не очень умного вида, больно крепкий, но с прыщавой физиономией, оттопыренными ушами и свежим бинтом на запястье – его, значит, а не Хвоста цапнула ночью крыса. Примерно так я и думал. Кого Хвост возьмет в «отмычки»? Только старательного и глупого – вернее, наивного, но в Зоне, как и везде, наивность приравнивается к глупости. На первом же привале я поинтересовался у Гляпы, за какой процент с добычи он работает. Оказалось – за четверть. Обычно, если «отмычка» одна, сталкер отстегивает ей треть, а этому Хвост дает только двадцать пять процентов. Да еще наверняка обманывает его – ведь «отмычек» редко подпускают к продаже хабара. Эх, люди, человеки... Остался бы я в клане – непременно набил бы Хвосту разок-другой морду за такие дела. И меня не поняли бы: ведь судьба всех «отмычек» – рисковать собой ни за понюх табаку. На что они еще нужны? Все это знают, и каждый сталкер начинал с того, что был «отмычкой» у кого-то из стариков. Шестеркой. Бобиком. «Отмычка» пока еще не человек, не свой брат-сталкер, а так, инструмент. Полезный, правда, инструмент, ценное имущество, но не более. Почему-то всегда так получается, что в армии, что в Зоне, что вообще везде, только с разной силой. Не могут люди жить иначе – непременно им надо либо топтать кого-то, либо выбираться из-под чьих-то сапог, чтобы, выбравшись, самим начинать топтать других. А в Зоне, на первый взгляд, эти порядки вполне демократичны: не желаешь быть шестеркой – ну и вали отсюда, никто тебя силой здесь не держит, чай, не срочная служба и не исправительный лагерь. А раз остался – принимай на себя все издержки.

Этот остался. «Какой у тебя выход в Зону?» – спросил я, улучив минуту. «Третий», – ответил Гляпа. «А первые два куда были, небось вокруг «Харчей?» – «Не, один раз к Агропрому ходил...» Ну понятно. Молокосос, как и предполагалось. Но мне-то теперь как относиться к нему? Беречь? Сразу двоих – Вычета и Гляпу? Трудненько будет, тем более что Хвост, конечно, пустит Гляпу впереди – навечно. А кого мне сильнее беречь – одного молокососа или другого?

Глупости какие. Вычета я должен беречь, только Вычета! Ну кто такой мне этот лопухий Гляпа? Еще один щенок, потащившийся в Зону ради быстрых денег, только и всего. Может, он попутно хочет набрать крутизну, чтобы девки в родимом селе почитали за честь отдаться такому на сеновале, а может, прячется от армии или милиции, все-таки деньги у него на первом месте. Я знаю, я видел таких. Девять из десяти энтузиастов такого сорта недолго живут в Зоне, но Десятый все же остается жив на первых порах и, постепенно перейдя в разряд тех, с кем считаются, топчется по здешним помойкам еще несколько лет...

Вычет совсем другой, и Зона ему нужна не ради денег. Не верю я, что он сумеет выпросить назад ненаглядную свою Катю, но вылечиться он должен. Он уже всю излечивается. Спасти его от него самого – вот зачем я здесь, и что мне какой-то Гляпа? Пусть Хвост крутит им как хочет, мне-то какое дело?

Понимаю, что настраиваю себя на правильный образ действий. А все-таки нехорошо как-то.

Идем медленно, и Гляпа, конечно, топает впереди, повесив на шею свою «Сайгу». За

ним Хвост с детектором, потом я с детектором же, а замыкает шествие Вычет. Иногда мы спорим с Хвостом по поводу маршрута, и тогда Гляпа замирает на месте – не топчется, не донимает нас вопросами, не ловит варежкой галок, а именно замирает. Ну, хоть в этом не дурак. К северу от Милитари аномалий становится меньше, но такой лафы, как на болоте или перед Агропромом, нет и не предвидится. Чем ближе к ЧАЭС, тем сложнее – в среднем, конечно. Впрочем, нормальный сталкер с напарником прошел бы везде, если бы пакости Зоны ограничивались только аномалиями. Понятно, пси-излучатель я за аномалию не считаю.

И психованных «монолитовцев», естественно, тоже...

Мы идем к Радару не потому, что он нам по пути, – туда крюк, хотя и небольшой. Просто так уж повелось, что все, кто намеревался дойти до Монолита, шли через Радар. Плохое место, но напрямик еще хуже. Так говорят, и я верю. Просто потому, что не знаю ни одного сталкера, дошедшего до ЧАЭС напрямик и вернувшегося. Стало быть, они и не дошли, потому что я знал тех, кто доходил до ЧАЭС через Радар и возвращался. Один из них даже сохранил рассудок в порядке...

И даже двое, если считать Кипятка. Еще до того, как я впервые попал в Зону, он ходил к Монолиту, добрался до ЧАЭС и повернул Вспять, немного не дойдя до цели. Так, во всяком случае, он рассказывал, а я так и не понял: Зона его наделила приступами безбашенного буйства – или он всегда был таким?

Эх, Кипятки, Кипятки... Буйно жил и глупо умер. Получить пулю медлительного зомбака – не та смерть, на которую согласился бы уважающий себя сталкер. А куда денешься? Как тебе умереть, решаешь не ты, решает Зона. Вот почему три года назад я сбежал. Вот почему втайне жалел тех, кто не собирался уходить, прекрасно зная при том, что Зона в конце концов убьет. Таких много. Одни из них адреналиновые наркоманы, а другие просто привыкли и уже не мыслят себе иной жизни. Между прочим, это чисто русская черта. Какой-нибудь турок в молодости работает, как ишак, но не с ишачьей глупостью, а думает, как бы ему выбиться в люди, – и нередко выбивается: покупает лавчонку и сидит целыми днями у ее порога, в ожидании покупателей коротая время за чашечкой кофе и нардами. Смешная цель жизни? Противная? Может быть. А разве не смешно подвергать себя жуткому риску и облучаться, добывая артефакты? И продавать их по плевой цене разным хищникам вроде Носорога не противно ли? И рисковать нарваться на пулю или сесть в тюрьму? Ась? Не слышу!

Вот подумаешь немного и тошно делается. Чем я лучше того турка, если мечтаю лишь отгрохать еще одну частную гостиницу в Коктебеле? Согласен, это бескрылая мечта. А вы покажите мне в Зоне хоть что-нибудь крылатое, кроме гнуса! Или я должен уважать себя за то, что тащу к Монолиту Вычета, ничего с того не имея? Глупости. Я уже имею с того «шнек» – Вычет его нашел, а имею я. И не хочу я сейчас разбираться, что к чему, и вспоминать, что заставило меня вернуться в Зону. Начнешь размышлять об этом – совсем запутаешься. Баста!

До Радара не так уж далеко, а по пути семь потов сойдет. Что же творится на прямом пути к ЧАЭС? Меня передергивает от этой мысли, поэтому будем считать, что мы идем правильно. Гляпа в очередной раз выполняет команду «замри», а мы с Хвостом принимаемся спорить. На моем детекторе прямо по курсу обозначена тривиальная «карусель», а детектор Хвоста показывает, что впереди таится нечто, не поддающееся идентификации. У Хвоста детектор новой модели – с наворотами и, говорят, более чувствительный.

– Ладно, – иду я на компромисс. – Это, наверное, гибрид – «карусель» еще с чем-то. Справа путь вроде лучше?

– Получше, – соглашается Хвост.

Гляпа в точности выполняет его распоряжения. Молод, а не взбрыкивает. Недурная «отмычка» – я бы переманил парня к себе, если бы остался сталкером.

– Стой! – кричу я.

Мои распоряжения Гляпа тоже выполняет. Но оглядывается на Хвоста.

А Хвост на меня – что, мол, такое? Он серьезен, знает, собака, что с чутьем сталкера не сравнится никакой детектор. Вся эта техника лишь облегчает жизнь, а спасайся все равно сам, как тот утопающий.

Что-то не так справа от аномалии. Нет, не пойду я туда и Вычета не поведу. Может, аномалия-гибрид выпустила туда метастаз. Может, там затаилось что-то, не связанное с аномалией. Не знаю и проверять не стану.

– Влево, – командую я, и Гляпа, дождавшись кивка Хвоста, меняет траекторию движения.

Слева проход хуже – узенький. Там разлеглась «зыбь», я вижу, как она слегка серебрится, а между нею и гибридом проход всего в полметра шириной. И в проходе так и кружится жгучий пух – какие-то вихревые токи на границе двух аномалий держат его в воздухе, мотают туда-сюда и не дают улететь. Если взять еще левее, там целая заросль корявых кустов, поросших тем же жгучим пухом, а далее еще какие-то аномалии. Надо идти в проход.

Гляпа знает, что такое жгучий пух, – надвинул капюшон сталкер-ской куртки до предела, один нос торчит, и обшлага рукавов опустил. Ну, вперед помалу.

Хвост ведет его – чуть левее, чуть правее, прямо пошел, остановись, сместись правее, опять прямо... Прошел Гляпа. Прошел и яростно чешет кисти рук – ужалило его пухом. Хвоста веду я. Вот ведь что интересно: доверяет мне Хвост, знает, что умышленно я его не угроблю, хотя, казалось бы, случай удобный – докажи потом, что не сам он угодил в аномалию, а я его туда завел! Это что же, выходит, обо мне осталась память как о надежном партнере? Черт знает что: и лестно, и вместе с тем неприятно. Сейчас моя репутация – моя слабость, потому что Хвост ею пользуется. Сам-то он насколько со мною честен?

Не стану проверять. Хвост прошел, машет мне рукой, но пусть меня ведет Вычет. Иду. Хвост на той стороне шутовски разводит руками – видали, мол, перестраховщика? – и утыкается в свой детектор – проверяет, значит, как меня ведут. А неплохо ведут. Шажок вперед, полшага влево, полметра прямо, десять сантиметров направо...

Хорошо, что я готов к встрече со жгучим пухом и не дергаюсь, когда меня обжигает. Знаете, каков укус жгучего пуха? Это вам не крапива, это вроде щупалец тропической медузы или десятка осиных жал. Новички визжат и пляшут, могут ненароком сигануть прямо в аномалию. А ты подави в себе опасные рефлексy, терпи и иди, как шел. Знавал я успешных сталкеров, лишенных чутья, но терпеливых, а вот не умеющих терпеть – не знал ни одного. Такие парни просто не становятся сталкерами – либо гибнут, либо, что чаще, бегут из Зоны, пока еще не поздно.

Стоп. Я прошел. Теперь Вычет.

– Одолжи-ка свой детектор.

Хвост ухмыляется – не доверяешь? – и отдает прибор. По нему я веду Вычета. Пух вокруг него так и вьется. Мысленно ору парню: «Закутайся плотнее!», а голосом – лишь команды на движение: направо, налево, прямо. Сейчас лишние слова не только не нужны, но и сугубо вредны. Хвост и Гляпа молчат в тряпочку. Это закон. В узостях между аномалиями ведомый по детектору должен слышать только голос ведущего. Если Хвост вякнет, хотя бы и по делу, а Вычет угробится, вина падет на Хвоста. Гляпа потом расскажет, за что я пристрелил Хвоста на месте, и клан примет мою сторону... То есть принял бы, останься я в клане.

Неприятно ощущаю, насколько мы с Вычетом сейчас голы и беззащитны – я занят и повернут к Хвосту спиной, а Вычет в данную минуту тоже ни на что не способен. Можно стрелнуть мне в затылок, можно попросту толкнуть в аномалию – и ходить потом героем: ха-ха, я сделал этих двоих! Соединенные силы кланов облажались, а я сделал! Сидор, конечно, не простит утрату «шнека», но откуда об этом знать Хвосту? Даю голову на отсечение: знай Хвост о «шнеке», он уже попытался бы прикончить меня, а заодно и Вычета. Слишком уж велик соблазн – Хвост не справился бы с ним. Что я, Хвоста не знаю?

Внезапно Вычет взвизгивает – под капюшон ему залетел целый клоч жгучего пуха.

«Стой! – кричу ему. – Замри, стой на месте!» Куда там! Ошалев от боли, мой напарник отшатывается в сторону – хорошо еще налево, а не направо. Швыряю детектор через плечо – пусть Хвост ловит, – а сам сбрасываю рюкзак. Веревка! Где она, мать ее, где?..

И вижу краем глаза: Вычет попался. Опять мне довелось увидеть, как работает «зыбь», когда в нее попадает тело крупнее крысы. Участок почвы с легким серебристым оттенком стремительно разрастается по меньшей мере вдвое, в него попадают покрытые жгучим пухом кусты и тоже начинают серебриться, часть проснувшейся «зыби» залезает в гибридную аномалию, от чего в воздух взлетают пригоршни – нет, кляксы! – бурой земли и начинают бешеное кружение, дробясь на капли. Там, где Вычет, больше нет тверди, земля стала как кисель – мягкая, густо-жидкая, засасывающая. И тонут в ней серебрящиеся кусты, тонет Вычет. Уже по колено засосало. Не дергайся, слышь ты! «Зыбь» страшна одиночкам, а нас много, мы тебя вытянем. Не опирайся на руки, лопух! Вот она, веревка, разматываю, мечу... попал! П -Держись теперь крепко и не трепыхайся! Расслабь все тело, кроме рук!

Ну, взялись... «Э-эх, у-ухнем!» – нараспев паясничает Хвост, и мне хочется дать ему в рыло, да руки заняты. Но тянут они с Гляпой хорошо, да и я напрягаю все силы. Чем «зыбь» похожа на трясину? Тем, что засасывает. А чем не похожа? Тем, что воды в ней нет, есть лишь зыбкая почва и зыбкие, потерявшие твердость камни, вовсе не липкие, так что вытащенный из «зыби» не грязен и не жалок, напуган только.

Бывает, трясина отпускает человека сразу, но с «зыбью» в этом свойстве ей не тягаться. Когда с громким всхлипом она отпускает Вычета, он выскакивает из нее, как пробка из бутылки, а мы валимся друг на друга. Вычет еще не покинул серебристую зону, «зыбь» вновь хватает его, но не успевает ухватить как следует, и я один вытягиваю его без особого труда. Глаза у Вычета квадратные, а нос лиловый, как у старого алкоголика, – ужалило пухом. Руки-ноги дрожат – неслабый мандраж колотит парня.

А привыкай! Не знал, на что подписался? Ах, знал?.. По журнальным статьям небось? Ничего, меня тоже колотило, когда еще в бытность мою «отмычкой» я точно так же вляпался. И ничего, живой хожу и Зоны боюсь не больше всякого другого. А боль от пуха пройдет.

– Капюшон надо было глубже натянуть, – вразумляю я.

Вычет еще не в норме – смотрит на меня, как на придурка, и ерепенится:

– Капюшон! Здесь маска нужна. Как у ниндзя.

– Дать бы тебе по соплям, ниндзя недоделанный... Силиконовый крем для чего? Намазал бы морду, прежде чем идти, мы бы подождали.

– Крем? А он у меня? Он у тебя в рюкзаке едет!

Да, правда. Я не подумал. Пуха много, но можно пройти и без нанесения макияжа на морду лица. Я вот прошел, и Хвост прошел, и даже ужаленный Гляпа. До сих пор Вычет был хорош, даже очень хорош для новичка, и я стал равнять его с собою. Ошибка.

– Идти можешь? Тогда двинулись.

Идем прежним порядком. Хвост па ходу наклоняется, подбирает что-то, прячет в контейнер. Я подбираю пропущенный им «бенгальский огонь». Нормальный сталкерский рейд, непривычно, правда, что идут сразу четверо. Впрочем, бывает. Скопление аномалий осталось позади, детектор фиксирует лишь редкие ловушки. В таких местах надо больше глядеть не на детектор, а по сторонам, и не снимать палец со спускового крючка, потому что мутанты не дураки и в скопление аномалий не полезут, зато безопасные места они живо сделают небезопасными. Конечно, зверье получило массу пищи возле Янтаря, но все ли стаи звереуродов ринулись кормиться к Янтарию? Может, здесь, как и везде, каждая стая имеет свою территорию, покидать которую обычно не рискует? Не знаю, и спросить некого. Вычет – умная башка, но он не биолог. Похоже, что территориальность присутствует в Зоне точно так же, как повсюду, – ночное нападение крысиной стаи наводит на такую мысль. А как насчет одиночных мутантов? Не знаю.

Редколесье сменяется кустарником, кустарник – пустошами, то голыми, как коленка, то заросшими всякой растительной дрянью самого уродского вида, а за пустошами вновь идет

редколесье. Деревья изуродованы – иные скручены винтом, другие стелятся по земле, как полярная береза, третьи пустили воздушные корни, уже достигшие земли и вбуравившиеся в нее. Вы видели, чтобы обыкновенная липа пускала из ветвей корни, словно какой-нибудь нерусский баньян? Многие деревья расщеплены повдоль, некоторые из них засохли, но большинству на это плевать – растут себе дальше и в расщепленном виде. Первый взрыв хлестнул их по генам, а Второй начудил еще изряднее, но как и чем – ни одна душа в мире не понимает. И еще много старых воронок, как после войны. Кого здесь обстреливали, кого бомбили, чего хотели достичь? Покрыто мраком. Вон БТР ржавый завалился кормой в воронку, и ржавчина на нем знакомо серебрится – еще одна «зыбь». Притронься к ржавому железу – оно потечет, и ты завязнешь в нем, как муха в патоке, бронетранспортер растечется медузой на песке, станет густой лужей и перестанет существовать вместе с тобой. А не тронешь – исчезнет «зыбь» после очередного выброса, а Б1 останется цел и будет продолжать понемногу ржаветь. Возможно, он еще даст защиту каким-нибудь сталкерам, атакованным стаей мутантов. А может, возле него возникнет область пси-излучения – они любят скопления металла, – или родится еще чего похуже. Заранее не угадаешь. Предсказать поведение Зоны хотя бы на крошечном ее участке не берутся и самые башковитые из яйцеголовых умников.

– Вертолет! – Гляпа первым слышит характерный надтреснутый гул.

Прячемся в кустах – чего зря отсвечивать? Чисто формально военные вправе стрелять на поражение в каждого, кто слоняется по Зоне без пропуска, заверенного в десяти инстанциях, и ответчика системы «свой – чужой». И даже этого мало, нужна еще специальная каска оранжевого цвета с катафотом-отражателем для ночного времени. Теоретически без всего этого хозяйства сталкер будет однозначно убит при встрече с наземным или воздушным патрулем. На практике же целенаправленная охота за сталкерами идет только тогда, когда высокое начальство пеной брызжет: найти, уничтожить! А если начальство не в курсе или ему до фени, то пострелять служивые, пожалуй, постреляют, но не будут особо настойчивы. Они ведь тоже люди – и офицеры, и солдаты-контрактники. Что надо таким? Обозначить свое присутствие в Зоне, чтобы их боялись, разок-другой в месяц отрапортовать об успешно проведенной операции, чтобы доказать свою полезность, подстрелить раньше бандитов какого-нибудь особо неудачливого бедолагу-сталкера с хабаром и загнать тот хабар торговцу, чтобы, значит, не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы службы... вот и все, пожалуй.

Вертолет маленький, но с острорылыми подвесными контейнерами для ракет. Он держится метрах в ста над Зоной – правильно делает! – и летит мимо, но скоро возвращается и начинает кружить. Если он оборудован тепловизором, наша песенка, пожалуй, спета. Заметит. Ох, неспроста он вьется.

– Это все ты, – шипит мне Хвост прямо в ухо. – Из-за тебя все пошло кувырком.

– Почему это из-за меня? – возмущаюсь я. – Кто нас гонял? Кто осадил Янтарь? Кому мы, спрашивается, мешали?

– Всем мешали! Вот теперь и воякам...

Не думаю, что он прав. Конечно, ночной бой на подступах к Янтаре был нешуточный, за Периметром было слышно, да и доклады на смерть перепуганной, наделавшей в штаны охраны я себе очень хорошо представляю! Начальство, разумеется, всполошилось, а там небось дошло и до более высоких сфер, кто-то из генералов получил втык, вот теперь подчиненные и стоят на ушах, имитируя бурную деятельность на вверенной территории... Какая служба без периодического ухостояния и ухohoждения?

Засек нас пилот? Не засек?

Наконец вертолет улетает куда-то на восток, и мы выдираемся из кустов.

– Ну? – надвигаюсь я на Хвоста. – Кому мы еще мешаем?

– Не мне, не мне! – моментально отрешивается Хвост. – Я как считаю? Пришел в Зону хоть за хабаром, хоть еще за чем – ну и иди себе. Правильно? Кто мы такие, чтобы не пускать? Ребята многого захотели, вот что я скажу. Зона сама решит, кто ей нужен, а кто не

нужен, чего нам с ней спорить? Только не все так думают... Клань вот получили урок, больше не сунутся, а есть еще вояки, бандиты, «свобо-довцы», «монолитовцы»... Ты не смотри, что «монолитовцы» вместе с дикими зомбаками напали на нас у Янтаря... Кто их знает, чего им надо на самом деле? Ты их спрашивал? Может, пропустят нас к Монолиту... всех четверых. Может, только вас двоих. Может – никого...

Это я и сам понимаю. Что у «монолитовцев» на уме, никто не знает. Если у них вообще еще сохранился какой-то ум, что вряд ли. Может, они не станут чинить нам помех? Ведь факт остается фактом: при всех неудачах нам здорово везет! Мы зашли уже далеко, и мы все еще живы, имеем запас пищи и продвигаемся вперед. Правда, гораздо медленнее, чем мне мечталось, но ведь продвигаемся, несмотря ни на что! Может, Хвост прав и Зона действительно играет с нами в поддавки?

Ага, как же! Она поманит удачей, избалует ею и убьет. Что я, впервые в Зоне, что ли?

К полудню мы только-только у Радара. Кончились наши марш-броски первых дней, теперь мы ползем, как улитки. Что такое Радар? Тоже развалины какого-то военного объекта вблизи окраины Припяти. Вон он, город Припять, отлично видны отсюда пеньки немногих разрушенных вторым взрывом домов и гораздо большее количество домов уцелевших. Повезло городу. Жителям его не повезло, а городу повезло. Так бывает.

Может, тут и впрямь стоял когда-то радар, защищавший ядерный объект, – не зря же сохранились фрагменты радиопрозрачного купола разбросанные там и сям. Есть одно кирпичное здание без крыши, несколько фундаментов и заглубленная в землю массивная бетонная хреновина с намертво прижавевшей стальной дверью – не иначе, вход в подземный бункер. Ряд покосившихся столбов тоже в основном уцелел, но колючая проволока, что была на них, сорвана неведомой силой и сплетена в такое макраме, что куда там гордиеву узлу!

Никогда я здесь не был. То есть Припять-то видел, но с другого ракурса, с реки. Но слышал о Радаре много всего и преимущественно пакостного. Поганое место как для ночевки, так и для дневки. Если сталкер говорит «пойду к Радару», это всегда вызывает уважительные взгляды со стороны тех, кто его слышит. И это почти всегда означает: сталкер намерен поохотиться на артефакты вблизи Радара, а ночевать у него отнюдь не собирается – вернется в «Сто рентген» или даже заночует на полдороге, если не успеет обернуться задень.

Вся штука в том, что есть здесь какие-то подземелья, но где входы в них (кроме бетонной хреновины с неотпирающейся дверью) – никто, похоже, не знает. «Похоже» – потому что я до конца не уверен в этом. Просто я ни разу не слышал, чтобы кто-то из сталкеров проникал в подземные лабиринты и возвращался оттуда живым. Мутанты – иное дело. Где есть подземные пустоты, хоть естественные, хоть искусственные, там им самое житье, а выходы на поверхность могут быть разбросаны по большой площади, всю ее не проверишь, да еще и замаскированы. Ночные твари достаточно хитры для этого, а кровососы вдобавок умеет отводить сталкерам глаза, этот гуманоид вроде как телепат. Пытаюсь припомнить старые байки – не было ли встреч с кровососами у Радара? А ведь были! И это мне совсем не нравится.

Хорошо, что до ночи еще далеко.

Мы перекусываем, выставив охрану – Гляпу и Вычета. Хвост запасся колбасой, а у меня – консервы. Жить пока можно, провиант не экономим. Если ничего с нами не случится, то пройдет еще несколько Дней, прежде чем мы будем вождеюще смотреть на местных кабанов. Что ж, с хорошей голодухи и радиоактивное мясо сожрешь, не побрез-гУешь. Голод не тетка, а лейкемия – когда она еще будет! – Глотнешь? – Хвост достает объемистую фляжку. Сидорова водка? – интересуюсь.

– Ага. «Казачки».

– Я пас, а ты пей.

Другому я сказал бы: «Сам не стану пить и тебе не советую», – по Хвост не мальчишка какой-нибудь. Небось знает свою норму. Так и есть: он делает три глотка и, отдуваясь,

---

завинчивает крышечку.

Я такие привычки давно бросил. Нет, принять хорошенько на грудь в «Харчах» или даже «Ста рентгенах» после удачного рейда – это святое. Можно позволить себе глоток-другой и вечером в Зоне, если место ночлега надежное и явной опасности нет. Организм требует. Почему на флоте во все века матросам полагалась ежедневная винная порция? Потому что при такой службе без водки или рома скоро в петлю полезешь. Примиряет спиртное с действительностью, помогает жить. Ну, иногда глоток-другой нужен еще просто для того, чтобы очухаться. Но в дурных местах... нет, не понимаю.

Хотя, может, ему для храбрости надо. Знаю я Хвоста, знаю давно и поверить в это могу.

Умяв полбанки тушенки, киваю Вычету: займи, мол, мое место, а я покараулю. Хвост что-то не торопится. Наконец я не выдерживаю:

– У тебя что, зубы выпали? Жевать побыстрее не можешь?

– А что? – Хвост в явном недоумении.

– Так двигаться же надо!

– Куда? – удивляется Хвост. – К Монолиту? Сейчас?!

Поняв, он расплывается в довольно-таки противной улыбке. Сейчас я сам позволил поучить меня, как учат желторотиков, – снисходительно глядя сверху вниз.

– Кто к Монолиту шел и дошел, те всегда с рассветом отсюда выходили, – говорит он поучительно. – А кто шел, да не дошел – те по-всякому. Делай выводы. Чемодан.

– Не гони, Хвост. У нас полдня впереди. Предлагаешь торчать здесь, мутантов приманивать?

– Можно пособирать артефактов в округе, а на ночь вернуться сюда, – безмятежно отвечает Хвост.

Он думает, что очень хитрый. Гляпой он прикрывается от аномалий, Вычетом – от глобальных пакостей Зоны и всеми нами – от мутантов и людей. Дележ хабара тоже в его пользу. Выгодно! Но чтобы делить, нужно собрать.

– А прогуляться до Припяти? – спрашиваю я.

– С ума съехал? Там совсем труба, загнемся за милую душу, прикинь думалкой, Чемодан! Забыл, что такое Припятть, что ли?

– Затри года там могло все измениться.

– А оно и изменилось, только в худшую сторону! Днем туда еще можно сунуться, а ночевать – хрен. Взводом не отобьешься. Съедят.

– Бюреры, что ли?

– И бюреры тоже...

Чувствую, он сам толком не знает, на что горазда Зона в черте Припяти, но испуган всерьез. И пусть пугается.

Пытаюсь сдвинуть предохранитель незаметно, но Хвост бдит.

– Ты что, Чемодан?!

– Превентивная мера, – объясняю. – Сиди спокойно, за ствол не хватайся. Не хочешь идти сейчас к Монолиту – не надо. Сами дойдем. Адьо.

Вычет уже на ногах, водит туда-сюда стволом своего АКСУ. Спокойно, напарник. Улыбайся. Не станут наши временные попутчики делать резких движений – не делай и ты. Вижу: и Хвост взглядом не советует своему Гляпе геройствовать. Все корректно. Нормально встретились – нормально разошлись. У сталкеров такое за обиду не считается. Просто мелочи жизни.

– Сдохнешь ведь, – предрекает Хвост. – Чемодан, ты же всегда был разумный мужик! Ты послушай! От Припяти к Монолиту идти ближе, но ночевать в Припяти нельзя. Идти напрямик – можно, хреново там, но можно пройти... если обернуться туда-обратно задень. А для этого надо выйти с утра, а не после обеда... Ну ты мне поверь, Чемодан, я знаю!

– Пока, – говорю я, медленно отступая. – Отомкника магазин, чтобы я не нервничал... Вычет, вперед. Рюкзак мой прихвати.

– Стой! – умоляюще стонет Хвост. Магазин он не отомкнул, но отбросил автомат в сторону и демонстрирует мне пустые ладони. – Гляпа, положи карабин! погоди, Чемодан, послушай еще, я ведь не выдумал Все это, я дело говорю... Ну ты что, блин, реально гробануться хочешь?

– Ага, – говорю. – Мечтаю с детства.

– Стой... Мы с тобой пойдем. Дурак ты, Чемодан, но я пойду. Там вам там делать нечего, только подохнете ни за что... Вчетвером надежнее. Только пушку свою убери, не нервируй нервного... Наш договор еще в силе?

– В силе, – отвечаю я после секундного раздумья и, опустив ставлю автомат на предохранитель. Хвост, улыбаясь, подбирает свой автомат. Нет, я не жду от него глупостей; если бы спор велся о дележе хабара – тогда другое дело. И точно: Хвост не делает резких движений. Может быть, помнит о том, что, когда меня выперли со второго курса за академические задолженности и общее разгильдяйство, я попал служить в десантные войска и оттрубил от звонка до звонка. Давно это было, но даже сейчас я имею хорошие шансы открыть огонь раньше Хвоста.

– Только погоди четверть часа, я тут поосмотрюсь, – просит Хвост.

Надеется набрать артефактов. Ну, пусть поосмотрится. Я тоже поброжу немного – вдруг попадется что ценное? Не на продажу, это после. Есть артефакты, ношение которых при себе увеличивает выносливость или устойчивость непрочного человеческого организма к физическим воздействиям. Конечно, попавшего в «мясорубку» бедолагу не выручит никакой артефакт, но маломощный «трамплин» разве что наставит синяков. А в мощный сам не попадайся, не будь слепым!

Как ни странно, аномалий на территории объекта немного – шевелятся «ржавые волосы», пышет жаром «разлом», в яме залег «холодец» и мелко дрожит, будто ему зябко, а больше и нет ничего. В смысле, не видно ни глазом, ни детектором. Почти сразу я нахожу «грави» – некую красивую субстанцию, спрессованную в этакий самородок причудливой формы. Хорошая добыча, не из дешевых, хотя Сидор даст за нее раз в сто меньше, чем за «шнек», – но копейка, как известно, рубль бережет. А главное, «грави» принадлежит как раз к числу тех артефактов, что уменьшают риск переломов рук, ног, ребер и шей при попадании в «трамплин» или на периферию «карусели». Только-только подумал об этом – и сразу нашел. Чудеса в решете. Не зря Ада постоянно твердит мне, что мысли-де материальны, и ругает меня за черный юмор.

– Что у тебя? – кричит Хвост. Ну конечно, он смотрел не столько под ноги, сколько следил за мной. Халявщиком был, халявщиком и помрет.

– «Грави». А у тебя?

– Так, дерьмо собачье. – Хвост пренебрежительно машет рукой.

– Не слышал про артефакт с таким названием. Что нашел?

– «Вспышку», – неохотно признается Хвост.

Тоже неплохо. «Вспышка» слегка увеличивает выносливость того кто носит ее при себе – только не спрашивайте меня, как это у нее получается. «Огненный шар» – наоборот, утомляет владельца, зато помогает заживлению ран. В былые времена, найдя «вспышку», что случалось редко, я иногда рисковал еще немного погулять по своему «пастбищу», а найдя «огненный шар» – спешил вернуться в «Харчи». Очень я был осторожен в те времена, не хотел даже минимального лишнего риска, сейчас даже не верится. То ли я был таким, то ли не я.

– «Вспышка» для тебя дерьмо? – насмешливо интересуюсь я. – Мне бы так жить.

Хвост делает вид, что не слышал. Ставлю голову в заклад – он уже сейчас обмозговывает, как бы ему словчить при дележе добычи. Проще всего скрыть часть найденного и спрятать ее где-нибудь по дороге, приметив место, а потом вернуться за ней. Потому-то он сейчас и старается набрать побольше, что прятать надо где-то поблизости. На подступах к ЧАЭС пойдут такие места, что вряд ли найдутся охотники сунуться туда вторично, и Хвост при всей своей жадности все же не самоубийца.

– Ну хватит, – команду я через пятнадцать минут. – Нашел еще что-нибудь?

– Нет.

– И я нет. – Хвост, может, и врет, а я говорю правду. Мне плевать на его вранье, если он хитрит только в этом. – Потопали, чего время терять.

Хвост смотрит на низкое серое небо, будто проверяет, высоко ли солнце, затем на часы и предпринимает еще одну попытку:

– Через три часа стемнеет. Может, все же здесь заночуем, а?

– Можешь ночевать. Но без нас.

– Как же без вас? – пытается пошутить Хвост. – Я темноты боюсь. И взглядом командует Гляпе занять место во главе колонны.

Уже через час я убеждаюсь, что Хвост не зря молол языком, – даже дальние подступы к ЧАЭС труднопроходимы, а что будет, когда мы подберемся ближе? Местность разворочена, как будто тут шла война, – Да гак оно, пожалуй, и было, когда после Второго взрыва сюда бросили аРмейские части. От большого ума, не иначе. А потом, после бесслав-и жуткой гибели многих и позорного бегства оставшихся, генерал не то растерялся, не то обозлился настолько, что был отдан привнести по окрестностям ЧАЭС массированный удар артиллерией залпового огня. Припать не тронули и почему-то оставили кое-где необстрелянные квадраты, но всю остальную местность перемололи в кашу. Сколько времени прошло с тех пор, а до сего дня не везде поднялась уродская мутантная растительность – то и дело попадаются огромные голые проплешины. Вроде и обзор на них хороший, а не нравятся они мне – смертью пахнут.

По большому счету, ничего тот обстрел не изменил – даже с перепаханной на три метра вглубь почвой Зона осталась Зоной. Что ей сделается? Но мелкие изменения – налицо. Аномалий, пожалуй, не стало больше, чем было, но число наиболее зловредных из них резко увеличилось. Много «мясорубок», «воронок», попадают гибриды-симбионты, раскинувшие во все стороны свои щупальца, не всегда фиксируемые детектором... В одно из них попался Гляпа и с трудом был вытащен мною и Хвостом. Ради такого случая Хвост даже совершил героический поступок – минут пять шел впереди, пока у парня не прошел тремор. Но хуже всего оказались постоянно действующие вялые пси-поля. Некоторые умники равняют их с аномалиями, но лично я думаю, что это что-то особенное, потому, во-первых, что детектор их чаще всего не ловит, а во-вторых, потому что все нормальные подлунки Зоны убивают тебя или калечат, а в мозг не лезут. К тому же и действует вялое пси-поле на всех по-разному: одного колотит от ужаса, другой становится беспричинно болтлив, третий начинает хохотать, как ненормальный, четвертый впадает в черную меланхолию и готов застрелиться... У некоторых болит, прямо раскалывается голова, будто находится человек не в вялом, а в мощном пси-поле, а у других нет и следов мигрени. Общее для всех людей только одно: находясь в вялом пси-поле, человек тупеет, иногда очень медленно, да так, что пройдешь, бывало, пси-поле из конца в конец и не заметишь, а иногда пугающе быстро. По себе этого никогда не видно, как не видно бревна в своем глазу, поэтому полезно смотреть на других. Военные сталкеры носят специальные защитные шлемы (конечно, оранжевые и с катафотами) только не очень-то я верю в такую защиту. По-моему, лучшее, что можно сделать, осознав, что попал в пси-поле любой разновидности, бежать из него вон, смываться на форсаже. Тогда чаще всего пси-воздействие проходит без последствий, но опять-таки у всех по-разному меня, например, быстро, а Верхолаз, мир его праху, боялся этих полей до жути, потому как знал за собой свойство дуреть после них сутки и более. Тем и кончил, что мозги ему совсем выжгло, зомбаком стал и вряд ли теперь еще жив...

А главное, непонятно, откуда оно берется, это вялое пси-излучение. Пси-излучатель – это диковинно, но понятно, вон ученые в Янтаре даже приспособили парочку для своих нужд, научившись вертеть их направленным излучением... Все знают, что к северу от ЧАЭС из-за таких пси-излучателей не сунется ни одно разумное существо, а сунется, так мигом перестанет быть разумным. Страшная это штука. Но в заурадных вялых пси-полях никаких

излучателей нет, вот что странно. То ли они очень маленькие и рассеяны по площади, то ли излучает сама почва Зоны, а может, воздух. С того, правда, нисколько не легче.

Направо. Налево. Назад. Обход пси-зоны по периметру. Узкий коридор. Стоп, дальше непроход – сразу три «воронки». Опять назад... Полтора часа идем, а сколько прошли? Километр?

Наверное, меньше.

Хвост прав, надо возвращаться. Зато теперь я знаю, что нас ждет, и часть пути разведана. Не зря били ноги. В Зоне напрасны только надежды на ее милость, а все остальное имеет такой же смысл, как везде. Назад пойдем быстрее, а значит, немного времени у нас еще есть. Дойдем хотя бы вон до того леска, оттуда повернем...

Почти чистая проплешина размером с четыре футбольных поля. На краю ее «карусель» ждет невнимательных, а больше вроде ничего нет. И растительности нет совсем. Перепаханный вдрызг слой земли устал и отказался нести на себе кусты и былинки. С того нелепого артналета прошло уже немало времени, воронки от реактивных снарядов до того оплыли, что едва видны, осколки рассыпались ржавой пылью. И верхний слой почвы затвердел почему-то, как глина на солнцепеке, а почему – непонятно. Воды полно, в ямах лужи стоят, и по идее здесь Должна быть грязюка по уши, как на осеннем танкодроме, – ан нет. Не нравится мне это, хотя, с другой стороны, ну и что же, что не нравится? Если обходить в Зоне все, что не нравится, так и будешь стоять на месте столбом, дожидаться неприятностей на свою голову. Безопасные оазисы в Зоне – это ведь редкость. Не верю, что мы нашли еще один.

Впереди лес стоит низкой стеной – особенный лес, на периферии Зоны такого не встретишь. Деревья в нем как резиновые: толкнешь такое – оно до-о-олго качается, а отломить сук вообще невозможно. Можно срезать ножом лист, и при попытке порвать его он будет растягиваться, как латекс. А главное, живут эти деревья какой-то своей, согласованной жизнью – вот и сейчас они слегка покачиваются все разом, синхронно, хотя в воздухе ни ветерка. И не шумят совершенно, отчего уюта, мягко говоря, никакого. Правильно мне говорили: кто впервые в таком лесу, того всегда жуть одолевает, хотя от самих деревьев вреда вроде еще никому не было. И мутанты такие леса не очень любят. Правда, кое-кто из сталкеров утверждает, будто эти места облюбовали кровососы, только я в это не верю: у кого им здесь кровь сосать? Каучук здесь, может, и есть, а носителей теплой кровушки жди-пожди – подохнешь с голодухи, пока дождешься. Вот радиоактивность в резиновых лесах всегда повышенная по сравнению со средним фоном Зоны – это да. Что есть, то есть. Лучше не ночевать в таком лесу, но укрыться на короткое время вполне можно. Блин, опять угадал! В смысле – накаркал.

– Вертолет! – кричит Гляпа. Слух у него отменный.

– В лес! – командует Хвост, но все же оглядывается на меня: подтверждаешь ли?

Еще бы я не подтвердил! Когда военные имитируют бурную деятельность, умные люди сидят тишком и не лезут им на глаза. Теперь и я слышу вертолет, его звук быстро приближается, машина идет низко. Мы бежим к лесу. Успеем? Должны успеть. Заметить-то нас пилот, наверное, заметит, но успеет ли обстрелять, пока мы как на блюдечке? Вот это вряд ли. А в резиновом лесу мы рассеемся...

Вот он. Не оборачиваюсь, но чувствую затылком: показался. Прямая видимость. Сейчас пилот заметит нас. Главный вопрос: сам он примет решение или свяжется с командованием? Но в любом случае у нас хорошие шансы, если только командование не прикажет накрыть весь квадрат артогнем. Но кто не рискует, тот не ходит в Зону, а пьет спокойно шампанское.

– А-а-а-а!..

Кричит Гляпа. До леса ему осталось всего ничего, а он тормозит на ровном месте так, что комья земли летят из-под подошв, и машет руками, что твоя мельница. И я его очень понимаю: резиновый лес вздрагивает, гуттаперчевые деревья мотаются туда-сюда, и из леса поднимается псевдогигант.

Здоровенный. Я таких еще не встречал. Корявые каучуковые деревья ему по грудь, он

раздвигает их, как водоросли, и сам оброс чем-вроде водорослей – не то шерстью, не то какой-то паразитической ботаникой. От его рыка готовы встать дыбом все волосы на теле, но не встают. Им некогда.

Хвост бросается влево, а я вправо, на бегу освобождаясь от рюкзака. Гляпа меня сейчас не интересует, а Вычет дальше всех от псевдогиганта, авось сам успеет сориентироваться. Псевдогиганты тупы, их надо валить с нескольких огневых точек, обязательно рассредоточенных. На этом выигрывается время – псевдогигант не может сразу решить, кого атаковать в первую очередь, и с ревом топчется на месте почем зря, расстреливаемый спереди, справа и слева. – Не в голову! – кричу я. – В шею!

В шее у псевдогиганта, как у всех порядочных позвоночных, таятся артерии, а стрельба в голову малополезна: при всей массивности псевдогигантовой башки в ней удивительно мало мозгов, а череп толстый, не всякая пуля его возьмет. Глазки тоже маленькие, трудно попасть. Можно палить по туловищу, но это долгая канитель, псевдогиганты на редкость живучи. Шея лучше всего.

А вот и вертолет. Он идет совсем низко – пилот, как видно, отчаянный парень. Куда ж ты летишь, сволочь? Ворону тебе в воздухозаборник, ракету в топливный бак! Самое время менять диспозицию и, уж конечно, дислокацию. Крича что-то несусветное, поворачиваюсь и бегу навстречу вертолету, но, конечно, чуть вбок, чтобы не угодить под пулеметы. Что я ору? Не знаю. Сам себя не слышу. Но вижу, как Вычет тоже улепетывает прочь, и чувую, что Хвост и Гляпа делают то же самое, разбегаясь веером. Никто из нас не сделал по псевдогиганту ни одного выстрела.

Рев винтов тонет в грохоте – вертолет открывает пулеметный огонь. Ответный рев псевдогиганта я слышу не ушами – всем телом. Вот это номер! – пилот открыл огонь по псевдогиганту, а мы целы! Рефлекс сработал, наверное. Молодой пилот, это точно. Когда прямо перед тобой из леса встает этакая махина, палец сам стремится утопить гашетку. Падаю, перекачиваюсь на спину, веду стволом автомата и не знаю, кого мне угостить очередью. Может, лучше бежать дальше во всю прыть?

А куда? Кусты, что на той стороне проплешины, не важные, в них не спрячешься, и аномалий вокруг полно...

Ключья! Ключья летят из груди псевдогиганта, и вдруг он делает то, на что я никогда не считал псевдогигантов способными, – прыгает вперед и вверх, как Кинг-Конг, доставая чудовищными лапами зависший на месте вертолет. Удар. Треск. Одна лапа псевдогиганта, срубленная винтом, летит в сторону, туда же летят обломки лопастей, и туша чудовища грузно валится на поляну, а вертолет с воем падает в каучуковый лес и секунду спустя взрывается, подбрасывая к небесам шар клубящегося пламени. Фиита. Нет вертолета. Псевдогигант слабо шевелится, но, по сути, уже мертв. У него не только вспорота пулями грудь и отрублена рука – он еще получил лопастью поперек морды. Картина неаппетитная.

Собираемся вместе. Всех колотит, даже Хвоста, хотя он старается держаться бывалым парнем – подумаешь, мол! Даже меня трясет. Вычет что-то бормочет.

– Что? – Я почти кричу. Оглох.

– Барон Мюнхгаузен, – говорит он громче. – Между крокодилом и львом.

В сердцах крою его по матушке. Если не можешь сказать ничего дельного, так и молчи в тряпочку, умник очкастый!

Глава 9.

Свобода быть свободным

Ночуем у Радара.

Вернулись до темноты. Идти назад, естественно, оказалось много легче, Зона не наставила новых подлянок на разведанной дороге. Если честно, я сознательным усилием

воли заставил себя вернуться к Радару. Странно, но факт: мне уже не хотелось возвращаться. Пусть трясло меня, пусть пугала ночевка на подступах к ЧАЭС – мог я идти дальше и чувствовал это. Внезапно как-то ощутил: могу и хочу. Остальные, правда, этого не ощутили, и я смирился.

Горит костер, и дым ходит по кругу, заставляя каждого из нас поочередно кашлять и тереть глаза. Дров достаточно, успели собрать запас на всю ночь. Ночуем на открытом месте – так безопаснее. В подземелья этого объекта я и днем не сунусь, не то что ночью, хватит с нас ужасов Агропрома, а Хвост тем более туда не рвется. Под защитой обгрызенной стены единственного худо-бедно уцелевшего здания – увольте. Хорошо, конечно, когда хотя бы за одно направление можно быть спокоен, но так могут думать только новички, не видевшие, со стены на жертву прыгает снорк. Ближние подходы к костру мы как могли защитили – натащали камней и трухлявых бревен, навтыкали ржавых арматурин наклоном наружу. Чепуха это, а не защита, но утопающий за что хватается, а? За арматурины, хе-хе.

– Дежурим парами, – объявляю я. – Кто первый?

– Жребий бросим? – предлагает Хвост.

– Валяй. Монетка есть?

– Давай на спичках.

Вытягиваю короткую – нам с Вычетом караулить первыми. Хвост демонстрирует мне вторую спичку – длинную. Все, мол, честно. Не верю я ему. Наверняка смухлевал, а поймать его не могу.

– Ладно, спи... погоди, а где твой контейнер?

– На поле бросил, – безмятежно отвечает Хвост. – Завтра пойдем, подберем.

– Ты бы еще автомат там бросил...

Ставлю пять к одному: завтра на том поле мы не найдем никакого контейнера с артефактами. Хвост умудрился незаметно прикопать его в только ему одному известном месте, а завтра будет суетливо искать, ныть о пропаже и ругаться черными словами.

Наплевать. Спать хочется. Устал. Минувший день был не из легких.

Вычет молчит – кажется, надулся. А не болтай что ни попадя – не будешь послан. Потом он все-таки спрашивает:

– Псевдогиганты – они плотоядные?

– Ты же с биологами общался, не выяснил, что ли? – фыркаю я.

– Это не выяснил. Другие темы были.

– А хрен их знает, – сознаюсь я в невежестве. – Всеядные, наверное. Что в пасть попало, то и жрут. На такую тушу в Зоне никакой плоти не хватит.

– Они устойчивы к пси-излучению?

– Мутанты к нему вообще довольно устойчивы, – просвещаю я Напарника, – а псевдогиганты еще и тупы. В их черепах и выжигать-то нечего.

– Понятно, – говорит Вычет и вновь замолкает.

У меня слипаются глаза. Мне даже нравится, что дрова сырые, – у дежурного есть занятие: раскладывать ветки у костра для просушки и питать огонь только подсохшими. Встаю, подбрасываю в костер пару веток, и на минуту становится легче. Надо завтра же дойти до Монолита. Надо! Иначе Зона возьмет меня измором. Если протянуть еще сутки, то до Монолита я, может, и дойду с языком на плече, а сил на обратный путь уже не останется... Нет, что за чушь! Я ведь не пойду к самому Монолиту и Вычета не пушу. Да ведь он лучше меня понял, что Монолит не имеет к Исполнителю Желаний никакого отношения! Ну, тогда пошарим, поищем возле Четвертого энергоблока этот самый Исполнитель... Не найдем, конечно, не верю я в него. В смысле, надеюсь на чудо, как все, а умом не верю.

А Вычет... верит?

Раз пошел за мной – наверное, верит. Что еще ему остается? Я думал, выздоравливает парень, скоро можно будет поворачивать оглобли назад, но сегодня посмотрел на него и понял: каким я его нашел в Новосибирске, таким он и остался. Такие мозгляки, как он, как

раз самые упертые. Что он делать будет без меня, без Зоны, без надежды? Отними у него надежду – потоскует немного и в петлю полезет. Тут не ходи ни к доктору, ни к гадалке – все невооруженным глазом видно.

В армии парень не служил, вот что я скажу. Это тоже диагноз. Из меня, лоботряса, срочная служба человека сделала, хотите верьте, хотите нет. И все у меня в порядке, и дурных мыслей в голове не имею. Нормально живу, не хуже других. А что в Зону снова потащился и родственника с собой поволок – это мой каприз. Или ностальгия, а может, даже хобби, называйте как хотите. Отними у мужика хобби – он себе другое хобби найдет. Отними другое – водка сойдет за хобби. Ада мне грандиозный скандал устроит по возвращении, она этого не понимает...

Опять глаза слипаются. Ну хоть бы шорох какой послышался неподалеку! Нет, какое-то шуршание в развалинах слышится, доносится, наверное, из подвалов, но оно уже давно слышится и вряд ли чем-нибудь нам грозит. Еще тихое «бур-бур-бур» иногда долетает оттуда же и тоже приелось. Реальная угроза уже проявилась бы.

– Слушай, – говорю, борясь с сонливостью, – а почему ты не остался в Штатах?

– А зачем? – вопросом на вопрос отвечает Вычет. – Мне и дома хорошо... было.

Ну да, хорошо ему с его зарплатой! Хотя он вроде какие-то гранты получал, деньги у него, наверное, были. За парашан-то с моторчиком платил он, а я только выбирал товар... А что до его ненаглядной Катей, то в Америке от лейкемии мрут точно так же, как у нас. Может, не так скоро, если деньги есть, но излечиться – шанс призрачный.

– Не пригласили, что ли, остаться? – продолжаю допытываться я.

– Приглашали. Я как раз доказал одну теорему, необходимую для решения проблемы Навье-Стокса, но тебе это, наверное, не интересно...

– Насчет теоремы – в точку попал. Что мне до твоих теорем? А почему все-таки не остался?

– Так... – нехотя говорит он, шурясь на огонь. – Не понравилось.

– Может, расскажешь?

– А, ерунда... С начальством не спелся. Всякому хочется раньше других решить проблему Навье-Стокса. Не слыхал о такой? Если коротко, то речь идет о создании обобщенной математической теории для описания турбулентности. Там приз – миллион долларов. Мне предложили другую тематику, а она не ахти какая интересная...

В этом весь Вычет. Чем больше я его узнаю, тем больше убеждаюсь: марсианин он. Хотя... может, это его заокеанские коллеги – марсиане? Ведь считают же они на полном серьезе, что любой человек из немытой России или, допустим, из не более мытого Пакистана спит и видит, как бы переехать на жительство в их замечательную страну... А Вычет чему-то усмехается.

– Знаешь, – говорит он, – меня только тогда там зауважали, когда я отказался остаться у них...

Мы долго молчим. Я старательно отвожу глаза от костра – хочется смотреть на пляску оранжевых языков, а надо смотреть во тьму, иначе подкрадется тот же снорк и напрыгнет. А уж тогда шансов у жертвы почти нет – эта тварь невероятно сильна и столь же невероятно быстра. Сломает шею или перекусит горло быстрее, чем успеешь сказать «мама». Снорки человекоподобны, но есть в них что-то от леопарда. Защита только одна; обнаруживать их заблаговременно. К нашему счастью, они не охотятся стаями и не используют сложной тактики.

Считается, что они произошли от людей – от тех немногих людей, что после Первого взрыва вернулись в тридцатикилометровую зону вокруг ЧАЭС и всеми правами и неправдами продолжали в ней жить.

Сколько их было? Человек триста будто бы. Не ужились на новом месте, а может, им там ничего и не предложили, – ну и затосковали по родным местам. Вернулись. Радиация – кто ее видит? Жили себе как привыкли жить, копаясь на огородах, разводя скотину, наотрез отказываясь уезжать... ну и дождались Второго взрыва. Страшные вещи творит с людьми

Зона! Второй взрыв сделал с ними то, что хуже смерти, только они этого не поняли – им уже нечем было понимать. Снорки, бюеры, псевдогиганты – все они скорее животные, чем люди, особенно их второе поколение. А контролеры – наоборот, скорее люди, чем животные, хотя их правильнее было бы назвать инструментами Зоны. Из кого Зона фабрикует контролеров – из тех, кто попал под Второй взрыв или из зомбированных сталкеров? Скорее второе, чем первое, хотя доказательств у меня никаких. Я в очередной раз осознаю, что очень многого не знаю о Зоне. Размножаются ли, например, кровососы? Кто они – просто уроды или новый биологический вид? Понятия не имею. Ни в «Харчах», ни в «Старентгенах» на эти вопросы не ответят, лишь оборжут любопытного за странные фантазии. И то сказать, на кой хрен сталкерам нужно знать все это? Им надо уметь выживать в Зоне, и только. Что знает о фотосинтезе грызущая лист гусеница? Ей бы брюхо набить, да чтобы птицы не склевали и муравьи не погрызли...

И я бы не задавал себе этих вопросов, если бы не Вычет. Близ умника обычно чувствуешь себя дурак дураком, а на поверку выходит, что сам понемногу умнеешь.

Само собой, это происходит только в спокойной обстановке. Когда нужно действовать, роли меняются, и тогда я умный. Вычет очень неплох, но, если бы не его личные обстоятельства, я взял бы в напарники кого-нибудь вроде Гляпы. Этот мыслит конкретно и никогда не задаст вопроса, чем питаются псевдогиганты, а поинтересуется, как с ним не встретиться, а уж если напоролись – как его валить.

Так и живем. Будь Вычет менее деликатен, он сказал бы, что сталкеры – тоже фауна Зоны. И немедленно получил бы в лоб.

Но до чего медленно ползет время! Глаза опять слипаются, и я встаю, заставляя себя с хрустом потянуться. Сажусь, проходит пять минут – и вновь я готов незаметно для самого себя ускользнуть в сон. Начинаю злиться. А вот хрен тебе по всей роже, сталкер Чемодан, не дам я тебе уснуть! Терпи, гад!

Пересаживаюсь на другое место – и сна ни в одном глазу. Сразу-Как будто крепкого кофе выпил большую кружку. Интересненько!

– Сядь-ка там, где я сидел, – команду Вычету.

– А что?

– А ничего. Пересядь, я сказал.

Пожав плечами, он повинуется – и почти сразу начинает клевать носом. Ага, вот оно в чем дело! Выходит, не так уж я вымотан, как мне только что казалось.

– Вернись обратно.

Он встает, как лунатик, но секунды через три – вновь огурчик. – Аномалия?

– Угу, – отвечаю. – Несмертельная.

А сам думаю, что это еще как сказать. Вот подсел бы Вычет ко мне поближе – и захрапели бы мы в два горла. Подходи любой мутант и вонзай клыки.

– И много в Зоне таких несмертельных аномалий?

– Хватает. Передай-ка мне детектор.

Вычет в недоумении – неужели эти мелкие, как коровья лепешка, и в общем-то не шибко вредные аномалии ловятся детектором? Естественно, не ловятся, но у меня другое на уме. Детектор фиксирует крупную органику, в том числе холоднокровную, и ночью от него подчас больше пользы, чем от глаз.

Так и есть, метрах в сорока за кучей мусора таится что-то. Потом удаляется – совершенно неслышно, будто на кошачьих лапах. Снорк? Очень может быть.

Больше ничего достойного внимания на экранчике детектора нет, а в подземельях слышится какая-то возня, но она давно слышится и вроде ничем нам не угрожает. Неужели ночевка у Радара сойдет нам безнаказанной? Если когда-нибудь судьба вновь занесет меня в «Харчи», буду рассказывать, как мы замечательно переночевали здесь, и заслужу славу первого враля в Зоне.

Ага, как же! Вычет внезапно взвизгивает и пытается вскочить, а за его тощей задницей тянутся какие-то нити – тонкие, белесые и упругие. Мое мачете уже у меня в руке, рвусь к

пойманному напарнику – и сам чувствую, что попался. «Подъем!» – ору спящим, а сам режу, режу эти чертовы нити, которые вовсе не нити, а гифы хищного гриба, и они лопаются с тупыми хлопающими звуками, как туго натянутые веревки. Прочные, заразы, и пружинистые, их не перерубишь, можно только резать. Ну, мое мачете сработано из рессорной стали, заточку держит... Хвост и Гляпа уже на ногах и высматривают по сторонам, они не схвачены, гриб начал с нас. Караульные, тоже мне!

«Воры сторожа украли». Стыдно. Наконец освобождаюсь сам и освобождаю Вычета. Перерезанные нити свисают с нас, как шерсть. Йети! Знаю, что они постепенно отвалятся сами, но пытаюсь оторвать их. Тьфу, мерзость какая!..

– Гриб? – спрашивает Хвост, зевая.

– Он самый.

– Тогда надо перебираться. Тьфу, зараза, только прилег...

– А напрасно, – доносится до нас усиленный мегафоном насмешливый женский голос.

Первое, что я чувствую, – мгновенно выступивший пот на всем теле. Со мною это бывает. Неприятно, но все-таки лучше, чем внезапная медвежья болезнь с испугу. Во второе мгновение до меня доходит, что не всё, наверное, так плохо. На нас не напали внезапно, а подали голос. Это хороший знак, хотя, разумеется, еще ничего не решено.

Оружие будто само прыгает нам в руки. Глупо. Тех, кто подобрался к нам, не видно в кромешной тьме, а мы освещены костром. Можем, конечно, залечь и отстреливаться наугад. Вряд ли выиграем что-нибудь, кроме нескольких лишних минут жизни.

Женский голос – вот что сбивает с толку. Неужели «Ведьмы Зоны» вновь собрались вместе и доказывают всем встречным-поперечным свое право быть таким же сталкерским кланом, как все. Тады ой. Эти мадамы всегда отличались крутым нравом.

– «Свободовцы», – успокаивающе шепчет мне Хвост и начинает орать в тем ноту: – Эй, Арина, ты чего? Старых знакомых не узнаешь?

– Тебя я из тысячи узнаю, – доносится из темноты все тот же насмешливый голос. – Про должок свой не забыл? А вот кто там с тобой.

– Чемодан со мной, – моментально выдает меня Хвост. – Только он и еще наши «отмычки», больше никого.

– О как! Тот самый Чемодан? Надо посмотреть. Эй, Чемодан, привстань-ка! Да не трусь, не изнасилую!

– Я не трушу! – ору я в тон неизвестной мне Арине. – Я надеюсь Вычет позади меня фыркает, как кот.

– Встань, тебе сказано! – Голос искажен мегафоном, но не было искажений, способных скрыть повелительный тон с нотками раздражения.

– Встань! – цедит сквозь зубы Хвост и делает страшные глаза. Подчиняйся, мол, лопух!

Я медлю. Может, я и лопух, но марку держать надо. Несколько секунд молчания – и вслед за раздавшимся в тишине хлопком на обгрызенной кирпичной стене на мгновение расцветает огненный бутон. Граната. Удар по ушам конкретный. Хвост вполголоса ругается, Гляпа ковыряет мизинцем в ухе.

– Покажись, Чемодан! – предлагает из темноты тот же женский голос. – Или прямо тебе в рот гостинец послать?

Медленно встаю. Автомат я не выпустил, просто держу его стволом вниз. Может, успею чего сделать, если придется худо. У противника есть минимум один подствольник. Если имеется еще и запас гранат к нему, то наше дело дохлое. Я вроде засек, откуда был сделан выстрел. Ладно... На крайняк пушу туда очередь с одновременным прыжком прочь из освещенного костром круга. Авось и Вычет до того же додумается. Может, не попадем ни под пулю, ни под гранату, ни в аномалию. Может, не вляпаемся в гифы хищного гриба. Мал шанс, но есть.

– Не дури, Чемодан! – шипит на меня Хвост.

А я дурю? Я еще не начинал дурить, когда начну – не обрадуешься... Кто такая эта

Арина? Если я разговариваю словами, а не пулями. то хотел бы видеть собеседника. Гюльчатай, открой личико!

– Ну и долго мне так стоять? – не выдерживаю я.

– Можешь сесть, – долетает тот же голос. – А лучше собирайте свои манатки и двигайте с нами. Мы сейчас уходим.

– Куда, если не секрет? – кричит Хвост.

– К Припяти.

– Ночью?!

– Ага. Рассвета ждать не будем. И вам не советуем. Даем минуту На размышление, потом уходим. Решать вам, на то и свобода.

Сказать, что я крепко озадачен, значит ничего не сказать. «Свободовцы», конечно, народ своеобразный, этого у них не отнять. Лично мне более по нраву насупленные «долговцы», чем их прямые антагонисты – анархисты Зоны, в грош не ставящие особый статус этой территории. От словечек вроде «секретность», «особый режим», «охраняемый объект» их корежит сильнее, чем кота от клизмы. Даешь, мол, гласность и открытость! Даешь всем равные права в Зоне! Как-то раз, это было, я спросил одного «свободовца»: «Если у всех равные права, то я, значит, имею те же права, что и какой-нибудь кровосос?» Он было понес, что речь идет только о людях, а я ему: «Кровососы – бывшие люди. И зомби – бывшие люди, и еще многие. Вообще как в Зоне понять, кто еще человек, а кто уже нет?» Думал я запутать «свобо-довца», да не тут-то было. Подумал он самую малость и рубанул в том духе, что право набрасываться на сталкеров и сосать кровушку у меня, конечно, есть – но зато и у нормальных сталкеров есть право поступать с упырем так, как он того заслуживает. Вот и весь сказ. Словом, веди себя в Зоне прилично, чтобы не было мучительно больно, усек?

Если бы в Зоне паслись только сталкеры из «Свободы», может, в этом был бы смысл. Может, работали бы эти правила. А только в Зону кого только жизнь не заносит: и повернутые на ответственности перед человечеством «долговцы» тут как тут с их армейской дисциплиной и презрением к правам человека, и бандиты, вообще не признающие никаких прав, кроме права грабить, и сумасшедшие «монолитовцы», и просто нормальные сталкеры, которых существующее положение в целом устраивает. Военные – особый сказ. И всем им что-то надо, а главное – чтобы исчезли конкуренты. И если даже в Зоне каким-то божьим попущением останутся одни «свободовцы», то им понадобится то же самое. Когда останутся одни только свои, часть их моментально станет чужими. Почему – не знаю. Просто иначе не бывает. Нет, не будет в Зоне анархической гармонии, никогда ее не будет. А эти – верят в сказки, несмотря ни на что. То ли заигрались до того, что не могут остановиться, то ли в детстве их уронили головой на асфальт. Откройте, мол, Зону для всех, накормите человечество досыта ее тайнами – и будет с того великая польза для цивилизации. А ежели пользы не будет -все равно надо поступать только так, как они, и не иначе. Почему? Да потому что тот не человек, кто не мечтает о неограниченной свободе, чего с ним чикаться! Насильно ему навязать эту самую свободу!

Нечего и удивляться тому, что сталкеры «Долга» не делают секрета из своей мечты: истребить «свободовцев» до последнего придурка и поступают соответственно.

Естественно, «свободовцы» пылают к «долговцам» той же любовью. Но «ДОЛГ» лучше организован. Зато «Свобода» многочисленнее, потому что притягательнее для лопухой молодежи. Сколько бы «свободовцев» ни оставило свои кости в Зоне, сколько бы их ни садилось по глупости на более или менее длительные сроки – а ловят «свободовцев» чаще других, – на их место живо встанут новые борцы против всех глаголов, кроме «хочется».

– Ладно, уговорили! – кричит Хвост. – Сейчас идем!

Ловлю его за ворот, резко дергаю на себя. Трещит по швам материя. Краем глаза я слежу за Гляпой и очень хочу, чтобы парнишка не наделал глупостей.

Хвост растерян.

– Чего ты... чего, Чемодан?

– Ты уже командуешь нами? Да?

С ним так и надо, иначе на шею сядет.

– Нет! Нет! – Хвост честно округляет глаза. – Ты у нас главный, ты! Я так... я думал, что все правильно...

– Вслух думай в следующий раз!

– Не, а я чего... – Хвост пытается чуть дернуться. – Да отпусти ты меня, Чемодан! Я чего подумал: со «свободовцами» нам по пути... пока. Ночлег здесь поганый, а у них там...

– Где «там»? В Припяти, что ли?

– Ну да, в Припяти. Был слух, что там у них лагерь новый, с самого края... Говорят, бар «Кропоткин» открылся, я бы поглядел, что там и как, никто из наших там еще не был... Ну отпусти ты меня, чего вцепился!..

– Ты же говорил, что ночевать в Припяти нельзя!

– Ну и говорил... А что, можно, что ли? Без приглашения-то?

– А кто говорил, что нас там мутанты съедят?

– Ну и съедят, – изворачивается Хвост. – Либо мутанты съедят, либо «свободовцы» подстрелят.

Со значением дышу ему в лицо.

– Запомни: или мы партнеры и не скрываем друг от друга информацию, или расстаемся прямо сейчас. Выбирай.

– Партнеры, – легко выбирает Хвост. – Дапусти ты меня, Чемодан! Откуда я мог точно знать, что в Припяти «свободовцы»? Болтали, правда, об этом в «Харчах», но кто ж всему, о чем болтают, верит?

– Ладно, идем. Но гляди...

Хвост знает, что кроется за моим «гляди», и не хочет жалеть, что родился на свет.

– Да что я-то?... – оправдывается он. – Я, что ли, «свободовцев» нас навел? На кой мне это надо? И потом, ты видел, чтобы я доставал ПДА?

– Давай шевели ногами...

Как всегда, Хвост пускает вперед Гляпу. Тому очень не нравится идея топать по Зоне в темноте, но он подчиняется без пререканий. Замыкает шествие, как обычно, Вычет.

По-моему, он совершенно не испуган и даже не озадачен. Такое впечатление, что он знает что-то, но скрывает. Этого, конечно, быть не может, нечего ему, сосунку, скрывать, кроме своих умозаключений, наверняка идиотских, – и все равно меня это настораживает. Не растерялся бы парень, если вдруг станет горячо...

За кучами мусора притаились всего-навсего двое – маленькая женщина в сталкерском облачении и с нею некая долговязая жердь в безразмерном пятнистом балахоне без капюшона. Не нужен ему капюшон, все равно он на «ирокез» не налезет. Вот урод! Нигде больше классических панков не встретишь, повывелся этот народец, а в Зоне, оказывается, есть один экземпляр... Нуда, она уникальное место, кто спорит. Не только сволочь и поганка, не только производитель артефактов, а еще и кунсткамера, как выяснилось.

– Чемодан? – Женщина с прищуром смотрит на меня. – Фонарик убери. Пошли.

– К чему такая спешка? – Не выпуская из поля зрения обоих «свободовцев», я делаю вид, что хочу закурить, – провоцирую. – И что мы забыли в твоей Припяти, Арина?

– Жизнь забыли, – нетерпеливо отвечает она. – Пожить еще хочешь, Чемодан? Тогда идем с нами.

Это не угроза – предостережение.

– Не понял. – Я действительно мало что понимаю.

– Вас выследили. Очень скоро информация дойдет до военного командования, и тогда по Радару будет нанесен удар. Вертолета вам не простят.

– Мы-то тут при чем! – возмущается Хвост.

– Конечно, куда тебе! Только объясняться тебе придется с железом и толком. Валяй, расскажи реактивным снарядам, что ни в чем не виноват!

– Откуда сведения? – спрашиваю я.

– Информация доходит понемногу, – уклончиво отвечав! Арина

Так. Понятно. Среди военных есть некто, сотрудничающий со «Свободой». Арина не назвала его, и я бы на ее месте не назвал. Ставлю десять к одному за то, что это военный сталкер. Отследить нашу группу можно при желании разными способами, но задержать доклад начальству, не вызвав подозрений, может только сталкер, ибо Зона непредсказуема. Ему же удобнее всего передать информацию «Свободе».

Никогда не понимал таких типов. Что ему «свободовцы»? Не говорите мне о симпатии военного сталкера к их разгильдяйской идеологии – расхохочусь в лицо. Где стимул? Женщина? Возможно, но скорее всего причиной служат банальные деньги. Платит ему «Свобода», вот и весь секрет... Недаром этот клан пытается освоить и застолбить за собой опасные места, в страшную Припять даже залез! Все нормальные кланы ее избегают, отважилась одна «Свобода». Хабар клану нужен, деньги нужны.

А кроме того, в менее опасных местах «долговцы» отстреливают «свободовцев» довольно успешно.

Все эти соображения возникают в моей голове как-то сразу, единой картинкой. Пожалуй, терять сейчас время вредно для здоровья.!

– Веди.

Идем быстро – Арина свое дело знает. В общем-то дело нехитрое: поставь ПДА в режим курсографа и следуй вдоль отмеченной линии. Это в теории. На практике можно упереться в непроход и, уж конечно, подвергнуться нападению ночных тварей. Но все сходит благополучно. Нас шестеро, и темп нашего продвижения говорит ночным любителям свежего мяса: мы настроены решительно и ни хрена не боимся. Это, кстати, правда. Идти по Зоне ночью – запредельный риск, и страх как-то исчезает сам собой. Чего уж тут дрожать. Мы агрессивны, мы сами хищники. Кто заранее считает себя объектом охоты, тот им и станет. Некоторые вопреки очевидному не верят в то, что мутанты чутко Реагируют на человеческие эмоции, а я верю. Более того, точно знаю, что так оно и есть. Однажды я бросился на псевдоплоть с одним ножом и с могучим желанием убивать, и тварь, испуганно хрюкнув, удрала от меня в лес – только треск стоял. Припять ночью странна. Громоздятся руины, но многие дома стоят белехоньки, ночью их не видно, но они там и сям, ощутимо нависают. Давят на психику. Лишь кое-где слабо светятся пустые окна – не так в давным-давно покинутых квартирах разрослась светящаяся плесень, не то фосфоресцирует «холодец». В городе темп движения падает и Арина очень бдительна. По всему видно, что клан «Свобода» только начал осваивать эти места. Где проходит фронт, там осторожность – норма жизни. Ничего похожего на лагерь Сидора.

Неведомая ночная тварь пересекает наш путь с такой скоростью, что никто не успевает шевельнуть ей вслед стволом автомата. Снорк, наверное. Пропускаю Вычета вперед себя и замыкаю шествие. Вряд ли снорк нападет на группу из шести человек, но если он все же решится на это, то выберет замыкающего. Подстрелить мутанта в прыжке я не успею, нечего и пытаться, но встретить его ударом мачете поперек пасти, пожалуй, смогу. Валяй, приятель, готовь свой прыжок... ну где же ты?

Нет снорка. Зато в небе раздается характерный протяжный свист, и Радар внезапно тонет в целой клумбе огня. Напалм. Даже здесь ощущается жар.

Вот, значит, как... Нет, я не удивлен тому, что в охоту на нас включились военные. Этого следовало ожидать. Удивлен я другому: среди «свободовцев», оказывается, есть толковые люди!

– Арина, я твой должник.

– Только ты? – Она смеется.

– Я в первую очередь.

– Тогда с тебя и начну.

Бар «Кропоткин» разместился в большом сухом подвале, откуда «свободовцы»

выкурили мутантов. В баре душно – вентиляция совсем дрянь. До сих пор пованивает крысами и чьим-то дерьмом, наверное, тоже крысиным. Из соседнего помещения тянет сладковатым дымком и еще чем-то противно-кислым – похоже, кто-то блевал от анаши с непривычки. Покрашенные заново корявые стены испещрены жутким количеством граффити, так что даже в глазах рябит. С лохматой трубы, проходящей под потолком, свисает на веревке чучелко – на сделанной из матовой лампочки физиономии нарисованы выпученные глаза и высунутый красный язык, а на спине чучелка надпись трафаретом «Долг». Точно так же дикари рисовали на стенах пещеры проткнутые копьями бизонов. Кое-где висят рукописные лозунги: «Свобода – это необходимость» и «Зону – всем!» Н-да... Тяжелый случай. По-моему не хватает лозунга «Всех в зону» – и «зону» надо писать с маленькой буквы. Поделом было бы этим придуркам. Ну а если не в зону, то точно в психушку, где тоже есть решетки на окнах и колючая проволока поверх забора. Но молчу и даже давлению ухмылку – как-никак я обязан жизнью Арине, а значит, и «Свободе».

Мебель стащена сюда с верхних этажей – раздвижные, полированные в прошлом веке столы со следами крысиных зубов, шаткие табуретки с отвинчивающимися деревянными ногами, продавленные диваны и даже прабабушкин комод, отметивший столетний юбилей, наверное, еще до Первого взрыва. Он служит столом, а еще один стол сделан из обитой жестью двери, поставленной на козлы. Идет гудеж. Десятка полтора человек уже сильно дате. Гомон, крики. Орет музыка, и никто ее не слушает.

– О! Арина! – оживает крайний у комода, по виду – заурядный наглый сопляк. – Арина пришла, Ариночка, птичка моя. канареечка...

Пытаясь поймать ее, незадачливый птицелов промахивается, валится на цементный пол и обиженно взрывает:

– Арина, ты чего?! Бро... бросила меня, да? Вот ради этих?..

– Пошел... – Арина твердо указывает ему путь.

– А я тебе говорю... Стой! Куда пошла?..

Лучше бы ему не тянуться, пытаясь схватить Арину за щиколотку, – та быстро и, похоже, с удовольствием наступает ему на запястье. Птицелов уйкает. На помощь ему, нетвердо перебирая лапками по крышке комода, пытается выдвинуться приятель.

– Тихо сидеть, подонки! – гаркает Арина. Вот так голосок! И нам: – Не обращайтесь внимания, «отмычки» развлекаются. Нам не сюда, нам дальше.

– За «отмычку» ответишь, – только и бормочет кто-то скрывшийся за слоями сигаретного дыма, но Арина не реагирует. Бесцеремонно расталкивая пьяных, она расчищает нам путь. Мой автомат на плече еще с момента контакта с дозорными «Свободы», и пусть себе висит – а кулаки наготове. Иные морды для них вроде магнитов – так бы и врезал. С наслаждением. Но этого не требуется – Арина знает, как управляться с местным контингентом.

– За мной.

Идем, к счастью, в сторону, противоположную той, где обосновались курильщики наркоты. Не терплю этой сладкой вони, никогда ее не пробовал и не понимаю сующихся в Зону молокососов, балующихся наркотой. Им что, Зоны мало? Она сама по себе не хуже любого наркотика и точно так же убьет в конце концов. Но в Зоне хоть человеком себя чувствуешь! Вернулся живым и с хабаром, в штаны не наделал. напарника не потерял, хлопнул водки в «Харчах» – хорошо-о! Или может, они воображают, что наберут здесь столько артефактов, что на дозу им всегда хватит? Ха-ха. Если Зона живая, то на ее месте я брезговал бы подолгу играть с прыщавыми нариками – я бы давил их сразу, чтоб не мучились.

Узкий коридор выводит в обширное помещение. Здесь тоже пьют напропалую, и табачный дым точно так же висит слоями под низким потолком, но публики меньше и на вид она серьезнее, если только в сталкерском баре можно найти что-нибудь серьезное, кроме бизнеса его владельца. Впрочем, вру, найти можно. Нас, например. Вряд ли «Свобода» выручила нас исключительно ради того, чтобы показать военным тугой шиш. Тут что-то

наклеивается, и расслабляться нам не стоит.

– Здорово, фримены! – приветствует Арина честную компанию. – Глядите, кого я к вам привела!

Можно сказать, что мы в центре внимания – не менее половины присутствующих оборачиваются в нашу сторону. Остальным до фени – сидят, выпивают, болтают о чем-то своем.

– И кого? – громко икнув, интересуется один, по виду – из авторитетных.

– Чемодана!

– И что, все как один – Чемоданы? Их вроде трое... пардон, четверо.

– Заткни клюв, Филин! А вы – располагайтесь пока, вон стол свободный. Рюкзаки кидайте в угол, у нас со своим пойлом приходить не принято. Эй, Кощей, налей-ка им за счет заведения. Я сейчас.

Ушмыгнула. Ну и ну – оказывается, бар «Кропоткин» держит Арина. Как минимум совладелица. Хотя... есть другой вариант: она подруга настоящего владельца. Черт знает почему такой вариант меня не радует.

Бармен, названный Кощеем и действительно смахивающий на него жуткой худобой и зловещей ухмылкой, тянется желтой иссохшей лапкой к бутылке «Казаков», наливает в четыре стакана на два пальца.

Повинуясь небрежному жесту Хвоста, верный раб Гляпа тащит стаканы на наш стол. Пока все путем. Нас спасли и вроде не собираются мочить, наоборот, угощают дармовой выпивкой, но вот вопрос из вопросов: с какой стати? И ответ на него мы, кажется, скоро получим.

– Ну? – Хвост первым поднимает стакан.

– Запить бы чем... – Вычет смотрит на водку с отвращением.

– Эй, Кощей, – кричу я, – сок есть какой-нибудь?

– Сока нет. Есть минералка «Радионуклидная».

– Тащи, – велю я – и раздается общий гогот. Хвост – и тот прыскает в рукав, расплескивая водку. Однако! Вот что значит три года вне Зоны – попался на древнюю плоскую хохму. Как желторотик попался. Ладно, исправим неверное впечатление о себе...

Медленно встаю из-за стола.

Медленно кладу на столешницу автомат.

Гогот стихает.

Медленно вынимаю из ножен мачете и кладу рядом с автоматом.

Поворачиваюсь к столу спиной и делаю два шага.

Это вызов. Любой сталкер поймет без слов: я готов драться без оружия с любым, кто хочет драки. Дополнительные условия оговариваются отдельно.

– Так. Кто тут самый веселый?

– Ну, допустим, я, – с готовностью отвечает тот, кого Арина назвала Филином. И впрямь похож – глаза круглые, навывкате, нос крючком. – И что?

– Размяться не против?

– С правилами или без? – интересуется Филин.

– А это как тебе больше нравится.

– Без правил, – решает Филин.

– А не пожалеешь?

Он в свою очередь встает из-за стола, и я могу оценить его экстерьер. Я выше и тяжелее, но не зря говорят: чем больше шкаф, тем громче падает. В драке без правил голая сила мало что значит, если противник кое-чему обучен.

Похоже, так оно и есть. Но я тоже кое-чему обучен.

И тут Филин удивляет меня:

– Предлагаю на ножах.

– Я настолько тебе не нравлюсь? – любопытствую я.

– Вот именно настолько.

– Ножи, говоришь... На финках – нет. – Я давно не держал в руке ножа и не уверен, что тело само вспомнит былые навыки. – Как насчет мачете?

– Гладиаторский поединок? – Филин оборачивается к друзьям. – Слыхали? Этот хмырь хочет гладиаторских боев. Идет. Хоббит, одолжишь свой тесак?

Тьфу. Еще и Хоббит. Они тут точно заигрались. А не похож этот мужик на хоббита – волосатый громила выше меня на голову... Юмор, наверное.

Зато мачете у него длиннее моего на полпяди. Завладев им, Филин рисует в свистящем воздухе мерцающий веер. Пугает, что ли? Малышей иди пугай.

– Эй, мужики, отодвиньте-ка столы, – командует Филин. Он весел, и черт ему не брат. Мне это что-то не очень нравится.

Несколько «свободовцев» расчищают место. Хвост, Гляпа и Вычет, к счастью, не дергаются понапрасну, сидят как сидели, только морды у них напряженные. Ладно, сидите смирно, не привлекайте лишнего внимания. И за оружие хвататься пока не надо. Знаешь, как сталкеры выясняют между собой отношения, Хвост? Ты-то знаешь. Две собаки дерутся – третья не мешай. Но если без правил и если дойдет до худшего... не знаю, не знаю. Теоретически мне должны позволить добить противника, после чего меня вправе вызвать следующий. Практически «свободовцы» могут решить, что их много и что я не «свободовец», а так, чужак, второй сорт. А что решит предпринять Хвост, если худо придется мне?.. А ничего он не решит, сам в разборки не полезет и «отмычек» не пустит. Инстинкт самосохранения у него могучий, но спасет ли он его, да и Гляпу с Вычетом, если Филин меня сделает? Вряд ли.

Не надо об этом думать.

Скидываю куртку, отбрасываю ее в угол, туда же летит влажная от пота рубаха. Уж если у нас честный поединок, то и играть надо по-честному. А то некоторые, в особенности молодежь, пользуются даже не штатными сталкерскими комбинезонами с экзоскелетом под тканью, а легкими кольчугами из титана – считают, что это спасет их от клыков и когтей мутантов. А что, изредка и впрямь спасает...

Нет уж, в благородном поединке – никаких этих штучек. Только мышцы и сталь.

Филин тоже оголяет торс. Нет, зря я согласился на ножи, жидкостный «свободовец» против меня, а сталью махать, похоже, умеет... Ладно, поздно уже переигрывать.

– Кощей, сигнал подай.

– Значит, так, – говорит Кощей. – Посуду побьете или еще что – победитель платит за убыток. Это ясно? Тогда по счету «три». Раз, два, три... начали!

Мы начинаем медленно кружить, присматриваясь друг к другу. Клинок у Филина длиннее, зато у меня длиннее руки. Мачете моего противника все время в движении, а я свое держу неподвижно – не хочу заранее обнаруживать, что я не столь ловок в обращении с этим оружием. А он явно хочет произвести на меня эффект. Ну-ну, пугай меня, пугай... Ты ведь не знаешь, чему учил меня Аспид, наставник мой. Зоной вскормленный, Зоной же и поломанный... Он говорил: «Никогда не бойся знакомой смерти. Неизвестной – бойся, но лишь настолько, чтобы не расслабляться. А если тебя хочет убить мутант или человек, бояться нечего. Ну, может, и убьет... подумаешь, важность! Все там будем. Но скорее ты его убьешь, если настроен только на победу. Не дерись попусту, но если уж дерешься – убивай, так будет лучше. Тот, кто внутренне не готов убивать, уже проиграл. Выигрывай!» Так говорил Аспид – а потом материл меня на все корки за то, что я вынес его на себе, пер через пол-Зоны тяжело обвисшее тело с переломанным хребтом... Он хотел смерти. Сдался. Забыл, чему учил меня.

Но я-то помню. Верти, Филин, верти клинком. Я подожду, а ты начинай, пока я не заскучал. Уверен: твой первый выпад наверняка будет обманым.

Оп! Так оно и есть. Оп! Оп!

Может, хватит работать на публику?

Ого!.. Настоящая атака Филина молниеносна – я едва успеваю отбить его мачете поперечным движением своего клинка. Следующий удар наношу я – сверху вниз, без

хитростей. Филин готов к нему и пытается не отбить клинок, а уклониться от него и перерубить мне кисть, я тоже знаю эти штуки. Две вороненные стальные полосы вновь сталкиваются со звоном. Снова кружим. Филин на мгновение отводит взгляд, и я бросаюсь вперед. Удар. Звон. Оп!..

Отскакиваю. С моего правого предплечья свисает лоскут кожи.

Хлещет кровь. «Свободовцы» аплодируют Филину. Теперь я понимаю: нарочно отвел взгляд, а я купился на подставу. Сильный противник, теперь пусть нападает он, а я подожду. И пусть кровь течет. Крови я, что ли, не видел? Много не вытечет – артерии и вены целы.

Несколько секунд кружения – и в атаку бросается Филин. Первое его обманное движение я разгадываю, а вот второе нет. Следует подсечка, и я на полу. Филин перепрыгивает через мое мачете, которым я пытаюсь ударить его по ноге, и обрушивает на меня град ударов. Черт, как неудобно парировать лежа!.. Верчусь ужом и все-таки встаю, получив порез на бедре. Не больно, но чувствую: порез глубокий. Филин продолжает атаковать, я отступаю. «Свободовцы» в полном восторге. На сей раз мне удастся уберечь кожу, но я оттеснен к стене.

Дело становится серьезным. Нет, Филин, ты наверняка знаешь, чему учил меня Аспид. Тебя учили так же и тому же.

Дальнейшая перспектива предельно ясна. Филин не полезет сгоряча под мой размах в попытке покончить со мною быстро. Зачем ему рисковать? Он прощупал меня и понял, как надо себя вести. Он будет тянуть схватку, время от времени доставая меня острием своего клинка. В такой игре он сильнее. В конце концов я либо ослабею от потери крови, либо очертя голову полезу напролом – наверняка с печальными для меня последствиями. У меня только один шанс: свести поединок к чисто силовой борьбе, в ней я пока еще сильнее...

И я бросаюсь вперед. Град моих ударов Филин парирует шутя, я тесню его и знаю: вся банда «свободовцев» затаила дыхание в предвкушении развязки. Филин ухмыляется: я сам лезу под его красивый завершающий удар. Или укол? Не прозевать бы...

Сейчас в этом мое единственное крохотное преимущество: я примерно знаю, как будет действовать мой противник.

Вот он – молниеносный колющий удар! Я успеваю уклониться. И еще. Филин слегка обозлен: задуманный им красивый завершающий аккорд выходит каким-то смазанным. Давай, горячись! Злись сильнее! Мне нужна твоя злость. Злись, говорят тебе!

Он бросает мне в лицо грязные оскорбления. Зря. Я в норме, а он накручивает сам себя. Продолжай. Почему ты не харкнешь мне в лицо Ну выйди же из себя!

Мы вновь кружим, я отступаю, но не даю прижать меня к стене. Удары пока удастся парировать. Давай, Филин! Твои дружки ждут развязки с нетерпением, не обмани их ожиданий.

Момент истины наступает, когда Филин чуть-чуть поскальзывается на лужице крови – моей крови! Маленькая помарочка, но ее-то я и ждал. Я не намерен упускать мой единственный шанс. Звон столкнувшихся клинков – и я хватаю противника левой рукой за правое запястье. Правда, он тут же вцепляется в мою правую руку, пытаюсь помешать мне раскроить ему череп, и хватка у него неплохая, но это уже не имеет никакого значения. Подсечка – и мы на полу, причем я сверху. Вот ты и попался мне. Филин. Сейчас я сделаю тебе очень больно, и ты выпустишь из рук оружие. Вот так... Можешь повыть напоследок. Нет, тупить свой клинок о твой череп я не собираюсь, мне незачем смотреть на твои мозги. Мне вообще не понадобится оружие. Я просто сломаю тебе шею.

И Филин, осознав это, падает так низко, как только может упасть сталкер в глазах своего клана. «Мужики!..» – хрипит он, бесполезно дергаясь и так выпучивая налитые смертным ужасом глаза, что они вот-вот повиснут на стебельках, как у рака. Слышу грохот и множественное шевеление – «свободовцы» ринулись спасать товарища, опрокидывая столы. Хрен им, не успеют.

– Всем сидеть! – раздается голос над самым ухом. – Что, Филин, доигрался? Чемодан, отпусти его!

Это Арина, и в руках у нее дробовик. Отпустить? Как бы не так. В висок мне без обиняков упирается ствол.

– Отпусти его, я сказала. Живо! До трех считать не буду. Серьезная женщина Арина, и аргументы у нее серьезные... Ладно. Отпустил. Тяжело дышу – теперь злой уже я, а не Филин.

Не дали мне посчитаться с ним за все мои порезы. Разве что пнуть напоследок?

Арина делает это сама. Ей бы пенальти бить – удар с носка что надо.

– А теперь быстро встал и пошел к соплякам, – спокойно говорит она Филину.

Общее молчание. Кто-то из «свободовцев» закусил губу, кто-то качает головой, кто-то лупает глазами, ничегошеньки не понимая в раскладе, но ни один не дерзает спорить. Лишь Филин что-то бурчит себе под нос, но и он выполняет приказ без пререканий.

– «Отмычка»! – напоследок припечатывает его Арина.

Глава 10.

Аспид

«Свобода» поражает меня все больше, несмотря на то, что я заранее решил ничему не удивляться. Арина в холодном бешенстве, и фримены пятаются под ее взглядом. Да, есть еще женщины в русских селеньях... Эта могла бы управлять и бандитской шайкой, и крупной коммерческой фирмой, да только на фиг ей надо.

Под взглядом Арины разве что стены не дымятся. Здоровенные мужики, опытные сталкеры, даром что «свободовцы», напоминают нашкодивших детей.

– Он сам начал, – сконфуженно гундосит громаила Хоббит.

– Вот как? А может, ему помогли начать? Я кому говорила не трогать гостей, а?

– Ты не говорила...

– А тебе разжуй и в рот положи? Стала бы я поить кого попало за счет заведения! Выводов делать не умеешь? Тебя тоже к соплякам прогнать?

Хоббит тяжело сопит.

– Слушать меня, тугоухие! Кто обидит моих гостей – пожалеет. Всем теперь слышно? Кошей, ну-ка закуски сообрази гостям. А ты. Чемодан, давай за мной, дело есть.

Кое-кто из фрименов прячет ухмылки. Не очень трудно догадаться, какое дело ко мне есть у Арины...

– А пластырь есть? – брюзгливо спрашиваю я, сделав вид, что не заметил ухмылок.

– В «Свободе» почти как в Греции.

Она ведет меня какими-то коридорами – плохо освещенными длинными и загогулистыми. Здесь целый лабиринт, однако! Кое-где в кирпичной кладке стен сияют рукотворные проломы, занавешенные одеялами и плащ-палатками, из некоторых проемов доносится густой храп, а из одного – чей-то жеребачий хохот и бабьи радостные взвизги. Многочисленна «Свобода»! Если судить только по народонаселению, то клан Штангеля в сравнении с ней как Моська рядом со слоном. Правда, слон не вполне здоровый что умом, что телесно. Случись драться – покусает его Моська.

Впрочем, у всех кланов, кроме, конечно, «Долга», со «Свободой» мир – так, во всяком случае, считается. Без дела убиваем друг друга редко. Но не потому же Арина нас спасла, что глаз на меня положила! Тут чувствуется какой-то практический интерес – иначе зачем «Свободе» осложнять отношения с другими кланами, помогая людям вне закона?

– Куда это мы? – спрашиваю я, устав от молчания.

– В медпункт, тебя чинить.

– Чего там чинить, обычная аптечка подошла бы, – ворчу я. – Мне бы широких пластырей только, неохота бинты на себя мотать...

– Герой, – насмешливо прищуривается Арина, обернувшись на ходу. – Пусть врач тебя

посмотрит, хуже не будет.

– Ого! – не могу скрыть удивления. – У вас тут и врач есть?

– У нас не как в Греции. У нас почти как в Греции. Фельдшер он. Полчаса спустя я вчерне починен неразговорчивым субъектом по кличке Коновал – восемь швов, перекись водорода, бинт, пластыри, влажные салфетки – и вновь ведом Ариной куда-то. На этот раз по соседству. Половину небольшой квадратной комнаты занимает кровать – импровизированное лежбище, сколоченное из досок и покрытое десятком одеял. А дверь в это помещение настоящая деревянная, увесистая, явно раритет минувшей эпохи, до Первого взрыва еще повешена... И не напрасно она еще висит, а не снята молокососами «Свободы» ради еще одной столешницы на козлах. Хрусть, хрусть – Арина запирает изнутри старый замок. Да еще тяжелая портьера на прибитой поверх дверного косяка веревочке служит целям звукоизоляции.

Так я и думал. И неизбежное случается – оно не может не случиться. Обижать Арину нет никакого резона, и более того – это опасно. Лучше плыть по течению.

Плывем вместе. Я не вполне в форме и поэтому позволяю Арине доминировать, с чем она справляется на манер лихой наездницы. Ого, как она умеет!.. Нет, Ада мне все равно милее, но такой скачки я с ней не испытывал. О-о-о!.. После короткого отдыха Арина намеревается повторить, но теперь я беру инициативу в свои руки, и неожиданно оказывается, что умением брать мужиков способности Арины не ограниваются – отдаваться она умеет ничуть не хуже. Похоже, ей равно все вкусу и то, и другое. Ай да баба! Маленькая и крепкая, как только что влезший из земли подосиновик, тело плотное, но без единой жировой складки. Не подцепить бы от нее чего – думаю, она перетрахала полклана, а резинками, наверное, не пользуется принципиально...

Нимфоманка? Пожалуй, не совсем. Мне совершенно ясно, для чего Арина заташила в койку меня, а не Хвоста, – пополнить мной свою коллекцию. Я вне закона и уже потому редкий экземпляр, а еще мы успешно добрались аж до Припяти, никого не потеряв, хотя против нас были брошены соединенные силы кланов. Это чего-нибудь стоит! Пока меня не убили, надо пользоваться.

В чем я ей и помогаю для пользы дела.

Потом мы просто валяемся, голые и разгоряченные, а над нами серый скучный потолок – уже хорошо, что без лохматых труб. Что тут помешалось, когда в доме над этим подвалом жили люди? Красный уголок какой-нибудь? Опорный пункт милиции? Теперь уже не выяснить, да и не надо.

– А ничего гнездышко... – говорю я наконец.

– Бывают и получше, – отзывается Арина.

– В Припяти?!

– Именно здесь они и бывают. Ты на фасад не смотри, на самом деле город мало разрушен, подземелья тем более целы. Ты не поверишь, здесь кое-где нормальная мобильная связь работает! Вода есть артезианская, почти не активная, электричество... Точки наблюдения на крышах и верхних этажах...

– Электричество откуда?

– От верблюда. Извини, Чемодан, чужаков это не касается.

– Резонно. А как насчет мутантов?

– Сколько угодно, но это решаемая проблема. Мы отбили эту окраину, зачистим и центр. Слушай, Чемодан, я никому этого не говорила. Тебе скажу. Тут неподалеку есть бомбоубежище... ну, знаешь, как раньше во всех городах были. Лучшего места для базы не найти. Зверье выгоним, фильтры поменяем, брондвери починим – возьми нас тогда! Хоть залей напалмом весь город – хрен нас достанешь!

– А выбросы? – спрашиваю я. – ЧАЭС все-таки рядом.

– Даже этот подвал нормально от них защищает, а уж бомбоубежище...

Стратегический расклад становится мне понятен. «Свободу» теснят, «долговцы» убивают анархистов при каждой случайной встрече, а иногда охотятся на них

целенаправленно, причем чаще всего успешно. Клану нужна цитадель, на подступах к которой поляжет любой отряд вооруженных до зубов супостатов. Зато «свободовцы», защищенные аномалиями, кишущими зверьем лесами, а главное, близостью к ЧАЭС, легко смогут совершать вылазки за хабаром в любом направлении по разведанным ими тропкам.

Смелая мысль и смелая реализация. Чья-то умная голова здесь поработала. До сих пор покинутый город никого не привлекал: мутантов здесь более чем достаточно, охраняемый патрулями Периметр совсем рядом, Четвертый реактор тоже опасно близок, а хабар, как ни странно, не шибко обилен. Нет, не стоила игра свеч, и обходили сталкеры Припять, да и то сказать: что сумела бы сделать в Припяти обычная двойка – сталкер-ветеран с «отмычкой»? До «Свободы» никому просто не приходило в голову попытаться вторгнуться сюда силами целого клана.

И самое замечательное то, что этот подвал, не так уж плохо оборудованный для вынесенной в глубину Зоны базы, «свободовцы» рассматривают лишь как промежуточный опорный пункт, плацдарм для следующего прыжка. А я-то привык считать их пустоголовыми разгильдяями, да и атмосфера в «Кропоткине» не заставила меня пересмотреть эту точку зрения... Нормальный же, в общем, подвал, да еще с электричеством! Любому клан был бы рад заполучить такой.

Меняю тему.

– Этот Филин... он всегда такой бешеный огурец?

– Он просто понял, что я на тебя глаз положила, – объявляет Арина.

– И за это разжалован в «отмычки»?

– Нет. За то, что пошел против клана. Не понимаешь? Поймешь. Пусть Филин месяц-другой потусует с молодняком; с молодняка – что взять? У кого на плечах башни нет, тому у нас многое позволено.

– Кроме общения с ветеранами?

– И это позволено. Если ветераны захотят. У нас никто никого не принуждает, просто... есть традиции.

Морщу лоб в попытке разобраться. Хм, традиции... У каждого клана имеются традиции, и они даже не очень разнятся между собой. Так чем же отличается «Свобода»? Неужели только тем, что в клане Штангеля, а в «Долге» и подавно, ты не имеешь на что-то права, пока не заслужил его, а в «Свободе» ты это право имеешь изначально, но только можешь им воспользоваться?

По мне, что в лоб, что по лбу, разницы нет, а поди ж ты – на практике разница еще какая!

– А если Филин не захочет идти в Зону «отмычкой»?

– Да пусть идет кем хочет! – пренебрежительно машет ладошкой Арина. – На то и свобода. Но в «Кропоткине» его место крайнее. Сунется к ветеранам – те его сами вежливенько выпроводят.

– Значит, ты знаешь, что нужно клану, а он нет? – продолжаю допытываться я.

– Кто хочет знать, тот знает, – отрезает Арина. – Он предпочел забыть. Имеет, конечно, полное право. У нас как? Делай что хочешь, только потом не жалуйся.

– А тот, в первом зале? Ну тот птицелов, что тебя птичкой-канареечкой назвал?

– Сопляк. Обижается, что я ему ни разу не дала, и надеется, что когда-нибудь дам.

– А дашь?

– Дам. Тебе по роже. Тебя учили с женщинами обращаться, нет? Хм...

– Вообще-то учили. Но я все забыл.

– Иногда вспоминай... Чемодан, а ты женат? -Да.

– А-а. Ну, привет жене. А как ты вообще живешь? Я имею в виду, вне Зоны?

Начинаю рассказывать. Коктебель, море, горы, курортники, виноградник...

– Тоска, – брезгливо обрывает меня Арина. – Муть болотная. Наскучило, да? Потому и в Зону вернулся?

– Ну, в общем-то...

– Про Вычета я знаю. Это все знают. Но ведь Вычет – только повод, да? Не верю я во всю эту болтовню насчет Зова... А ты веришь?

– Еще чего.

– Ну и правильно, – одобряет Арина. – Какой такой Зов? Нет никакого Зова, а есть один парень, который создан для Зоны, и есть другой парень, которому Зона почему-то благоволит. Вот и все.

«Благоволит»... Не думал, что в лексиконе Арины содержатся такие слова. Но спасибо ей за здравый смысл. Теперь его редко в ком встретишь

– Благоволит, говоришь? И поэтому мы с Вычетом вам нужны?

– Угадал. – Она ерошит мои волосы и смотрит на часы. – Выхватит валяться. Нас уже ждут, наверное.

– Кто?

– Один умный человек. Он тут у нас главный.

Ага. Примерно так я и думал. Арина умеет наводить порядок, насколько это вообще возможно там, где гнездятся «свободовцы», и «Кропоткин» принадлежит ей, но рулит кланом все же не она. А мимолетное уточнение «тут», видимо, означает, что мне предстоит встреча опять-таки не с вожаком клана, а с его доверенным лицом, своего рода наместником «Свободы» в Припяти.

– Так ты, значит, зам?

– И зам, и зав. Одевайся, скоро сам все поймешь.

Подбирая разбросанную по всей комнате одежду, думаю, что не мешало бы ее постирать. И сам бы я с удовольствием залез под душ, отскреб бы с себя всю мерзость Зоны да еще попарился бы в баньке. Да где там... Стер влажными салфетками присохшую кровь – уже хорошо. Наверное, здесь можно допроситься «почти не активной» воды, но уж лучше я потерплю. Кто и когда видел брезгливого сталкера? Нет их. никогда не было и не будет.

И вновь мы пробираемся куда-то; пожалуй, с первой попытки я уже не найду выход, хоть и не страдаю топографическим кретинизмом. Все рядом, в пределах одного здания, но план подвальных помещений разрабатывал не иначе как маньяк, влюбленный в каракатиц.

Идем со света в темень, и оттуда:

– Арина, ты? Стой.

– Все в порядке, Чепчик. Со мной Чемодан. Оружия нет.

– Дай-ка мне посмотреть на этого Чемодана...

Очень неприятно, когда тебя, освещенного и безоружного, рассматривают из кромешной черноты. Такое ощущение, будто стоишь голым на сцене, а перед тобой битком набитый зрительный зал. Под взглядом невидимого Чепчика, свирепея, медленно делаю полный оборот.

– Рассмотрел?

– Порядок, Арина. – Скрывающийся в темноте часовой обращайся только к ней. – Погодь, я доложу.

В черноте скрипит тяжелая дверь, а я хлопаю глазами. Это что же такое в мире делается, а? «Доложу...» У анархистов – подчинение?

В Зоне известен их рвотный рефлекс на всякое упоминание о власти и субординации – и вот на тебе! Спросить, что ли, Арину? Нет, не стану: наверняка она заявит, что подчинение у фрименов – дело сугубо добровольное, и я опять не пойму ни бельмеса.

Дверной проем впереди неярко освещается, и часовой выходит к нам. На вид он обыкновенный «свободовец», чучело гороховое. Но не выпендривается, вот что странно. Подтянуть бы немного этого Чепчика, погонять по Уставу, подрессировать с недельку на плацу – вышел бы вполне пристойный часовой.

Игра у него такая, что ли? Нравится ему это?

А что, очень может быть. Всякие бывают извращенцы. Этот, наверное, фрондирует по-своему, обозначает свое отличие от основной «свободовской» биомассы. Еще бы каблуками щелкнул.

– Все в порядке. Чемодан может войти. Арина, тебя просили подождать.

– Иди. – Твердый кулачок Арины толкает меня в спину.

Чего ожидает подсознание от встречи с вожакom анархистов? Батька Махно, Лева Задов и при них очкастый теоретик из недоучившихся семинаристов. Чуть что не так – либо по морде, либо к стенке. Во имя торжества идей, значит.

Это первое, что приходит в голову. Но явью оказывается последнее. Я совсем не готов увидеть жалкого калеку – и тем не менее вот он. Ин валидное кресло сразу приковывает взгляд, и в голове невольно начинается перебор вариантов: каким именно образом его умудрились доставить в Припять? Разве что приторочить его к спине, как рюкзак? Неудобно, торчать будет, в узкие проходы между аномалиями не сунешься...

– Ну, здорово, Чемодан, – знакомым голосом произносит человек, сидящий в инвалидном кресле.

– Аспид?!

Мой бывший наставник совсем не наслаждается произведенным эффектом. Вряд ли он вообще Теперь способен чем-либо наслаждаться. Он высох и облысел, как колено. Он скелет, он мумия, гном. Я бы легко пробежать километра три, посадив на каждое плечо по одному такому сморчку. И голос не тот, и глаза тусклые. Но все-таки Аспид, а для меня это много значит.

Кто доставил его сюда в коляске через все ловушки Зоны? Я встретил бы я его здесь – не поверил бы, что «Свобода» осилила такое дело. Но факт есть факт, своим глазам я доверяю и ни разу в жизни не жаловался на галлюцинации. Все-таки удивительный народ эти «сво-бодовцы»! А ведь взглянешь на них и нипочем не скажешь, что они способны на что-то большее, чем устлать Зону своими костями и вопить о праве всего человечества делать то же самое!

Они даже создали своему вожаку приличные условия: комната сухая, чистая, рядом с инвалидным креслом сочится мягким светом торшер с грубым самодельным абажуром и следами крысиных зубов на никелированной штанге, а у стены стоят друг на друге полки с ветхими, но все же уцелевшими книгами – видать, не во всех квартирах брошенного города поработали крысиные зубы. Разумеется, все радиоактивное в той или иной степени, по покажите мне в Зоне вещь, которая не фонит! Сталкерам на фон плевать, они опасаются только «горячих» пятен. Зона убивает либо быстро, либо медленно, в редких случаях позволяя человеку самому решить, стоит ли торопиться. Обычно никто не торопится, и все считают дозиметр необходимой вещью.

– Вот... довелось нам с тобой еще раз встретиться, – говорит мне Аспид. – Я так и знал, что тебя сюда занесет, если раньше не угробишься.

Молчу. Чего ж тут не знать. Всей Зоне известно, что Чемодан закусил удила и прет к Монолиту, а самый разумный путь к нему идет через Радар. Припять рядом, при необходимости можно организовать встречу.

Весь вопрос в наличии этой самой необходимости. Тут и глупый поймет: «Свободе» что-то нужно от сталкера Чемодана. Но что?

– Зато я не знал, что ты теперь «свободовец», – нарушаю я затянувшуюся паузу. – Как это тебя угораздило?

– Помнишь, как ты меня на себе вынес? – спрашивает Аспид. – Помню.

– Я тебя тогда как человека просил: добей, а ты меня только материл и на себе пер, и в портки мне свою рубаху засунул вместо подгузничка. Очень я тогда на тебя зол был, смог бы убить – убил бы.

– И теперь еще убить хочешь?

– Нет. – Аспид чуть заметно качает лысой головенкой. – Что бы то уже случилось, не переиграешь. Не жди только, что теперь я скажу тебе спасибо за то, что ты меня тогда вытащил...

Не жду.

– Это хорошо... Хорошо, когда собеседники понимают друг друга. А все-таки я выжил благодаря тебе. Ноги, видишь, не ходят, на горшок без посторонней помощи сесть – проблема, а ничего, живу и помирать пока не собираюсь.

– Рад слышать, – говорю. – Да и видеть тебя рад, чего уж. Удивлен, но рад.

– А чему больше удивлен: тому, что я снова в Зоне, или тому, что стал «свободовцем»?

– Второму, пожалуй, – признаюсь я.

– Ага. – Аспид улыбается синеватыми губами, и улыбка у него жутковатая. – А ты попробуй понять. Кто мы с тобой без Зоны? Никто. Нули. Ты вот вернулся... только не надо мне лапшу на уши вешать про Зов! Не захотел бы сам – никакого Зова не услышал бы, да и не было его вовсе! Это не Зоне захотелось тебя вернуть – это тебе захотелось вернуться! Я кое-что понял, пока по больницам валялся. Что такое Зона? Хаос, бессмыслица. Предсказать ее поведение невозможно не потому, что она намного умнее нас, а потому что она глупа, как младенец, не обладающий еще сознанием. Были бы мы сильнее – соску бы дали младенцу, и дело с концом. Проблема в том, что Зона сильнее нас, – но это проблема чья угодно, только не «Свободы»...

– Вот даже как?

– Именно так. Зона должна принять «Свободу» как младшего партнера, – ошарашивает меня Аспид. – Она должна понять и принять нас. Мы не хотим ей зла. Мы вообще никому не хотим зла, даже упертым придуркам из «Долга», – мы лишь хотим, чтобы нам не мешали. У «Свободы» и Зоны общие цели – достижение гармонии через хаос. Конечно, о формальном договоре речи нет... Знаешь, что такое симбиоз?

– Знаю.

– Нам нужен симбиоз с Зоной, – вполне серьезно говорит Аспид, а мне кажется, что у меня от его слов съедет крыша. – А Зоне нужен симбиоз с нами, она этого еще не поняла, но она должна понять...

– Хочешь послать со мной человека к Монолиту? – прозреваю я. – Но ведь Монолит...

Аспид пренебрежительно машет коричневой лапкой.

– Монолит, Монолит... Когда о нем только начались разговоры, все с ума посходили с этим Монолитом, а Зоне того и надо было слишком уж много человечков лезло в нее отовсюду, проредить поголовье надо было... Я склонен думать, что Монолит с самого начала был создан Зоной как обманка, если, конечно, он вообще существует. Ты идешь не к Монолиту, а к некоему Исполнителю Желаний. Это другое. Что он такое и где находится, никто толком не знает, но слухи ходят. У тебя есть шансы. «Свобода» готова на них поставить. Думаю, этот Исполнитель Желаний было бы логичнее назвать Ухом Зоны или, возможно, Мозгом Зоны, в общем, органом, благодаря которому Зона может ментально общаться с людьми. В общем-то я от тебя одного хочу по старой дружбе...

– Чтобы я взял тебя с собой? – Гляжу на инвалидное кресло и качаю головой. – Отпадает. Арину – еще может быть...

– Чтобы ты сам дошел до Исполнителя Желаний, – перебивает меня Аспид. – - Не только напарника довел, но и сам... пообщался с Исполнителем. Не сдрейфь, подойди к нему. Проси лично для себя что хочешь, но обязательно вспомни этот разговор. Пусть Зона прочтет его в твоем черепе, пусть узнает, чего мы хотим от нее и что предлагаем сами... Больше ничего я от тебя не хочу, брат-сталкер. Подумай, отдохни до утра. Завтра наши люди немного проводят вас для подстраховки. Если нужна пища, или оружие, или еще чего – скажи Арине.

– Патроны нужны.

– Арине, говорю, скажи.

– Ладно. А ты не боишься, что я обману тебя?

Аспид улыбается. Даже его тусклые глаза начинают смеяться.

– Ты не обманешь меня, Чемодан. Верно ведь? И не потому не обманешь, что ты такой уж положительный герой, хотя есть в тебе этот недостаток... Ты не обманешь потому, что не сможешь удержаться. Быть рядом с Исполнителем Желаний, пройти мимо, а потом всю

жизнь казнить себя? Не пройдешь ведь мимо, а?

Нехотя киваю. Аспид прав.

– А если Исполнитель Желаний такая же обманка, как Монолит?

– Допускаю и такое, – кивает Аспид. – Значит, тебе не повезет, НУ и нам тоже. Значит, войти в контакт с Зоной не так просто, как мы АДумали. Ну что ж, риск есть риск.

– У нас с тобой разные риски, – говорю я.

– Верно, брат-сталкер. Ты рискуешь только своей головой и головой напарника. Я рискую судьбой клана, его будущим... Будем меряться рисками?

Хорошая у него логика, настропалился где-то. Мне-то мою голову еще не надоело носить на плечах, да и угробить Вычета совсем не хочется. А с другой стороны, мы-то ведь все равно идем к Исполнителю Желаний, так почему же нам не принять помощь «Свободы» в обмен на не очень конкретные обещания? Не самая плохая сделка.

– Боеприпасы, – говорю я. – И кое-что из снаряжения.

– Арине, говорю, скажи, она все сделает, – отвечает Аспид. – Ты сам, главное, сделай, не подведи меня. Сделаешь?

– Если смогу, – отвечаю уклончиво.

– Верю – сделаешь. Хвоста только с собой не бери. Он все испортит, слишком жаден и глуп.

– Хвост сам туда не пойдет, – усмехаюсь я. – Хочет только набрать артефактов, прикрывшись нами. Он уверен, что Зона играет с нами в поддавки, ну и пользуется этим...

– А то, может, задержать его у нас? – раздумчиво спрашивает Аспид. – Он тебе не мешает?

– Да вроде не особо мешал пока...

– Ну, тебе решать. Не нравится мне Хвост и никогда не нравился. Ты... ты ничего. С понятием. Добрый иногда сверх меры, а так ничего. Годишься. А твой парнишка... как его... Вычет, что ли?

– Вычет. Ему хабар вообще не нужен, ему Исполнитель Желаний нужен.

– Еще лучше. Может, и склеится наше дело. Хорошо бы...

Нотка тоски в его голосе едва заметна, но я вдруг понимаю: Аспид не рассчитывает дожить до всеобщей гармонии, идти добывать которую подражает меня. Правильно. Какой такой симбиоз, кого с кем? Кто есть человек перед лицом Зоны? Букашка. Микроб. Кто станет прислушиваться к микробу? Аспид цепляется за меня, как утопающий за соломинку, и не столько себя ему жаль, гнома высохшего, сколько своих надежд, которые ведь могут и не сбыться.

– Значит, ты уверовал в свободу для всех и каждого? – зачем-то спрашиваю я.

– «Уверовал» – не то слово. Я знаю. Понимаешь, было время, когда я лежал на койке и надеялся, что научусь шевелить хотя бы руками – Потом пальцы рук начали понемногу слушаться... медленно, до толноты медленно. Я разрабатывал их по пятнадцать часов каждый день в течение двух лет. Я подушку грыз, до чего мне было худо! И верил! успех, и не верил, а все равно упражнялся и добился своего – мои руки при мне и работают почти как раньше. Терпение – вещь великая, я только тогда это вполне осознал. А потом будто стукнуло меня – понял по аналогии: всякая власть происходит от обыкновенной человеческой торопливости, так-то. Людям нужен порядок, и в нетерпении своем, в желании достичь хотя бы чего-то поскорее да малой кровью, они приходят к выводу: нужен закон, а с ним и власть. А если просто подождать, но вооружить каждого и сказать ему: убивай негодяев! Вали их, и никто, кроме их дружков, не будет иметь к тебе претензий – ни закон, ни прокурор, ни шериф с Дикого Запада. А против дружков тебе помогут соседи... Что?... Труссы? А ты знаешь, что бывают моменты, когда трус становится храбрецом? Пройдут поколения – трусов вообще не останется, только сильные, свободные и гордые люди. В конечном счете всегда выигрывает тот, кто многочисленнее. Хороших людей на Земле больше, чем плохих, но их ошибка в том, что они хотят добиться победы как можно скорее – и в результате ведут своих лидеров к власти над собою. Терпение, Чемодан! Людям вечно не

хватает терпения создать идеальное общество. Все анархисты прошлого на этом спотыкались, а знаешь почему?

– Почему?

– Потому что у них не было Зоны.

– Может, оно и к лучшему? – не удерживаюсь я от ненужной реплики.

– Ты тоже глуп, – сердится Аспид. – Знаю, что ты скажешь. Зона – поганка, Зона – убийца, Зона всегда бьет подло, век бы ее не видеть... Но ты все равно вернулся в нее, а почему? Ради хабара? Ради несчастного родственника своего? Не верю. Зона – это не только боль, но и надежда, и ты это понимаешь не умом, так печенкой. Зона отняла у меня ноги, но подарила надежду, а ты знаешь, что такое надежда, Чемодан? Это то, ради чего стоит жить даже такой развалине, как я. Не отнимай ее у меня, очень тебя прошу, не отнимай...

Нам дают выспаться в относительной тишине. Из «Кропоткина» долетают крики и хохот, но это звуки привычные, нам они не мешают. Рапаяще взрывает Хвост, свистит носом Вычет, и негромко, но ровно, как новый, еще не изношенный механизм, похрапывает Гляпа. Чего ж им не спать, коли сняли стресс водкой. А я ворочаюсь на своей лежанке, думаю о словах Аспида и о вере его сумасшедшей. Не стал я с ним спорить, пожалел. Пусть верит в Зону-младенца, пусть надеется на симбиоз «Свободы» с нею. Мне-то что? Выполнить просьбу Аспида будет нетрудно, если только Исполнитель Желаний действительно существует и если мы с Вычетом дойдем до него. Может, Аспид прав насчет того, что я не удержусь и не пройду мимо, а обязательно попрошу что-нибудь себе?

Пока еще не знаю. Там видно будет. Аспид вот в чем прав: как бы мне не пожалеть, если не рискну. Весь остаток жизни жалеть буду о том, что был рядом и не попросил для себя ничего, локти себе изгрызу... А если попрошу, получу просимое и спокойно вернусь? Ведь тоже места себе не найду, потому что со временем пойму, что выпросил-то ерунду какую-нибудь, а надо было просить Исполнитель Желаний совсем о другом...

Хватит! О чем угодно думать надо, только не об этом. Я в Исполнитель Желаний не слишком верю и никогда особенно не верил, но если другие верят и строят на том планы – на здоровье! Тем более что эти планы весьма для нас выгодны. Не собираюсь переубеждать верующих в сказочные чудеса, пускай их Зона переубеждает. Наверное, Аспид все-таки слегка подвинулся умом, раз понес такой бред. Ну и ладно. Я его из Зоны вытащил, а уж в том, что он вновь в нее забрался, я не виноват. Его проблемы, его беда.

Забавно, однако, что все в мире идет как-то волнами. Прежде я не слишком задумывался о том, что изменилось в мире после Второго взрыва. Ну да, был большой шум, а кое-где и большая паника, но все это происходило как-то очень обыденно, привычно, вот и не бросалось в глаза. Мало ли где и по какому поводу шумят в мире! Мир, если хотите знать мое мнение, вообще без этого не может. Было очень много журналистского вранья. Были самоубийцы. Мусульмане в один день принесли в жертву пятьдесят миллионов баранов. В Индии кришнаиты огромной толпой залезли в Ганг. Нобелевский комитет учредил специальную премию тому, кто разгадает физическую природу Второго взрыва, – премию, не врученную до сих пор. Один японский миллиардер пожертвовал все свое состояние на благотворительность и ушел монашествовать в дзен-буддийский монастырь, заявив, что если на Земле хозяйничают могущественные инопланетяне (а в те дни многие были в этом уверены), то людям остается только молиться. Много было страхов по поводу того, что новые Зоны могут возникнуть повсеместно.

Само собой, ни попытка запрудить кришнаитами Ганг, ни бараний геноцид, ни дождь иен, неожиданно пролившийся на японские благотворительные организации, не заставили Зону рассосаться. Расти она, правда, тоже не стала, и новых Зон по миру не возникло, так что боязливые зря боялись. А если подумать, то по-настоящему в мире изменилось только одно: ученые вроде Вычета поняли, что такое возможно. И всё. Но кто их слушает, ученых?

Однако факт: поначалу люди верили почти всему, что болтали журналисты, ясновидцы, кликуши и шаманы всех мастей, от профессиональных до доморощенных. И в инопланетян

верили, и в древних проснувшихся богов, и в дьяволовы козни, и в шибко секретные, но вышедшие из-под контроля испытания нового сокрушительного оружия... Насчет испытаний новейшего оружия особенно вопила «Свобода», с самого начала выступавшая под знаменем гласности и собравшая по всему миру огромное число сочувствующей молодежи из числа тех, кому все равно, против чего протестовать, лишь бы протестовать. Потом, спустя несколько лет, страсти как-то увяли сами собой, люди попривыкли к тому, что на теле Земли есть оспина Зоны, и в большинстве махнули на нее рукой. Подумаешь, Зона! Пусть специалисты занимаются ею, а нам некогда, у нас работа, карьера и семья, а вот когда умники разберутся, что к чему, тогда мы их послушаем, если, конечно, найдем время... В Зоне и вокруг нее жизнь тоже более-менее устаканилась: сталкеры-одиночки повывелись, возникли кланы, солидно обосновались торговцы, полиция стала вылавливать преимущественно мелкую шушуру, а не клановых сталкеров, мелкие фирмы начали производить сталкерский инвентарь... Если бы не бандиты и не некоторые отморозки, можно было бы сказать, что народ перестал штурмовать Зону и начал снимать с нее урожай. Почти солидно. Почти добропорядочно. Почти скучно. И вот теперь – новый всплеск и новые идеи, второй круг от брошенного камня побежал по воде... И мы с Вычетом к этому причастны, о нас легенды ходят! Скоро пойдет в массы еще одна, хотя от напалма нас уберегла не Зона – это сделали Арина и пославший ее гид. В легенде, конечно, не найдется места для этих подробностей... В пятом часу утра я наконец засыпаю, а в восемь меня будит Арина.

– Пора, Чемодан.

Спросонья у меня дурное настроение. Тру глаза. Пора? Куда пора – в Зону? К ЧАЭС? Да опоздали уже, взгляни на время...

– В самый раз. Буди своих, выходим через двадцать минут.

– Никуда не пойду, – бурчу я, пытаюсь вновь натянуть на себя одеяло. – Проспали. С рассветом надо было выходить. Теперь завтра.

– Завтра будет завтра, а сегодня – сегодня. – Арина сердита. – По щекам тебя отхлестать, что ли, чтобы проснулся? Слушай сюда, Чемодан. ЧАЭС рядом. Ты был здесь когда-нибудь? Мотаю головой.

– Понятно. Ну так вот... На моей памяти некоторые пробовали дойти. Иногда они возвращались. Слушай внимательно: все вернувшиеся шли быстро, даже очень быстро. Кто осторожничает вблизи ЧАЭС, кто идет медленно, тот не возвращается. Всегда так. Может быть, Зона успевает подготовиться и накрывает осторожного прицельно. Может быть, существуют блуждающие пси-поля. Может быть, успевают сработать «монолитовцы», не знаю. Важно одно: застрял – не вернулся. Проскочить подступы к ЧАЭС можно только быстро. Это игра в орлянку, но можно выиграть. Ты меня понял?

– Думаешь, успеем сгонять туда и сегодня же вернуться? – усмехаюсь я.

– Вполне возможно. Ночлегом обеспечим. Не выйдет дойти в темпе – быстро возвращайтесь. Тогда завтра попробуете еще раз.

«А если завтра мы не захотим пробовать?» – вертится у меня на языке вопрос, но я молчу. Аспиду нужно, чтобы мы захотели, а ссориться со «Свободой» раньше времени нам не резон. Там видно будет.

Бужу своих. Наскоро завтракаем соевой колбасой, запивая ее настоящим, на удивление приличным дымящимся кофе, – и вперед. Нас провожают Арина и давешний долговязый Чингачгук с раскрашенным гребнем. В ухе у него, конечно же, серьга, а в руках автомат с под-ствольником вместо томагавка. Эклектика, как сказал бы Вычет. Смешение стилей. Хотя в Зоне чего только не бывает, каких только типов в нее не заносит...

Был, помню, один цыган родом почему-то из Норвегии. Был грек по прозвищу Врекерак. Был даже черный, как грач, суданский негр-знавший по-русски слов пятьдесят и не стремившийся знать больше. Как раз этот негр по прозвищу Людоед прожил дольше многих, он был неплохим сталкером, вот только в «отмычки» к нему никто не шел – так он и ходил в Зону один раз за разом, пока не нарвался на бандитскую засаду. Был японец,

---

улыбчивый парень, но этому как раз не везло с самого начала и до быстрого конца. Вообще много было в Зоне сталкеров-иностранцев, теперь-то гораздо меньше... Но и среди своих монстров хватало. Саксаул не был азиатом, а был интеллигентным дедулей лет семидесяти, умудрившимся безвылазно прожить в Зоне целый год и покинуть ее живым. Оса таскал с собой кошачий череп в качестве амулета. Верхолаз дрался только в белых перчатках. Бублик изобретал способы подземных перемещений по Зоне и всех призывал рыть туннели. Умник начисто забывал то, что говорил и делал в пьяном виде. Лепорыло, когда напивался, приставал в «Харчах» ко всем с требованием произнести без запинки слово «реконвалесценция» и норовил смазать по роже всякого, кто не справлялся с первой попытки. Говорят, будто бы в давние года в одном из кланов был даже слепой стalker, только я его не видел и не очень-то верю. Глухой – это еще может быть. Я сам знал одного типа по кличке Плинтус, который не вынимал из ушей наушники и ходил по Зоне не иначе как под «Полет Валькирии». Недолго ходил, конечно...

И что характерно, никому нет дела до прибабахов в сталкерских головах, кроме разве что напарников этих сталкеров. Ну, у тех, понятное дело, личный интерес, а остальные, может, разок посоветуют вести себя умнее, но и только. Потом отвернутся от неумного сталкера и забудут. Твоя жизнь, тебе решать. Чтобы вмешаться, помочь, проводить – не-а. С какой стати? Лишь иногда – по дружбе, или ради личной выгоды, или когда это надо для пользы клана...

А нас вот провожают, показывают аномалии. Припять, собственно, только называется городом, в нем всего-то домов сорок, включая Разрушенные, но все они изначально строились как многоэтажные, а Деревянные постройки на окраинах отсутствуют как класс. И всегда отсутствовали, потому как ядерная энергетика и прадедушкины хаты. Тоже эклектика. Компактный городок, а ловушек в его пределах столько, что огоропь берет. Мутантов, наоборот, мало, но лишь потому, что здесь преобладают ночные твари, обжившие подвалы и света не любящие. Намаются «свободовцы» с зачисткой заветного бомбоубежища, намаются... На окраине видим издали стаю чернобыльских псов, они явно преследуют какую-то дичь и не обращают на нас внимания.

И уже видны, уже возвышаются над чахлым лесом циклопические постройки ЧАЭС, кажется, что до них рукой подать. В общем-то так оно и есть, пешком можно было бы дойти за полчаса и даже быстрее, если не по дороге, а напрямик. Да только кто же гуляет по Зоне, как по парку? Но Арина права, нутром чую. Этот последний участок надо проскочить в спринтерском темпе, тогда, быть может, уцелеем. Сколько у нас времени – час, два? Если и больше, то ненамного. Ладно, будем считать, что час, а там поглядим...

Дорога к ЧАЭС сохранилась неважно. Когда-то по ней, наверное, можно было ездить не только на бэтэре, когда-то здесь ходил нормальный транспорт, но теперь на дороге полно старых, заполненных ржавой водой воронок, а кое-где асфальт как будто взломан снизу и вывернут наружу лепестками чудовищных бутонов. Бетонобойные бомбы? Не похоже. Скорее что-то могучее и непреклонное хотело прорасти из земли сквозь асфальт и проросло-таки, взломав его, а потом куда-то делось. Но не испарилось же? Воображению рисуются шагающие деревья. А может, сквозь асфальт проросло что-то вроде гигантской репы и было попросту съедено мутантами? И главное, рыжая колючка в этих ямах нипочем не растет, хотя по трещинам в асфальте ее навалом.

– Как насчет дороги? – для очистки совести спрашиваю Арину. – Можно по ней идти?

– Можно, – отвечает она, не оборачиваясь. – Но не нужно. Так я и думал.

Арина и Чингачгук ведут нас, и ведут хорошо. С момента последнего выброса прошла уже почти неделя, за такой срок немудрено разведать все аномалии вблизи базы. Артефактов, конечно, здесь нет, «свободовцы» подобрали все подчистую. Впрочем, Хвост замечает чуть в стороне от проложенной тропы небольшой кусочек «твердого воздуха» и не ленится сделать два шага вбок и нагнуться за ним. Дурень жадный. «Твердый воздух» – найдешевейший артефакт Зоны и стоит у Сидора рюмку водки. На вид он вроде куса мутного стекла, но всего чуть-чуть теплый и при этом почти не фонит, как ни странно. Ни

пользы, ни вреда сталкеру «твердый воздух» не приносит. Коллекционеры им не интересуются, потому что он понемногу испаряется, превращаясь в обычный воздух за время от нескольких суток до нескольких недель в зависимости от величины куска и условий хранения, так Сидор продает его ученым. Тем сколько ни дай, все мало, но и платят они скупой, а главное, такую сделку редко когда провернешь втихаря. Лично я в былые годы нагнбался за «твердым воздухом» лишь тогда, когда добыча была такая, что хоть плачь.

Арина оглядывается, но ничего не говорит. Если бы я отклонился от проложенной ею траектории – получил бы нагоняй, а то и по морде. Хвосту разрешается рисковать собой, кому он нужен. Не на Хвоста делает ставку «Свобода», а на меня с Вычетом.

– Теперь всё. – Шагах в пятидесяти от крайнего дома Арина останавливается. – Дальше сами. Дороги я не знаю и направление не укажу. Хочешь дам пару советов. Чемодан?

– Валяй.

– Оставь здесь все лишнее, даже детектор. Он не поможет. За барахло не беспокойся, я присмотрю за ним. Только оружие, больше вам ничего не надо. Надейся на чутье и не стой на одном месте. Напоретесь на «монолитовцев» – стреляйте первыми.

– Спасибо, – говорю. – Это были два совета или сколько?

– Это был один. А вот второй: глотни водки. Вреда не будет.

Глава 11.

Как загоняют в бутылку

Естественно, никто не захотел расстаться с рюкзаками, зато второй совет был принят без возражений. Пить можно и в Зоне, если без фанатизма. По рукам пошла бутылка. Вычет заартачился было и замотал головой, но я заставил его сделать глоток. Больше ему не надо. Ведь что такое водка? Лекарство от дрожи в коленях. Нет, не о трусости речь – просто трезвый человек не всегда способен на отчаянные поступки. Даже Вычет при всем его страстном желании вернуть Катю и пренебрежении к собственной жизни может инстинктивно отшатнуться, увидев какой-нибудь ужас, а то и побежит в панике прочь сломя голову... до первой аномалии. Знаю я чудодейственное влияние огненной воды, да и кто ж его не знает. «Наркомовскую» дозу в войсках зря не введут, а еще говорят, что спринтеры времен братьев Знаменских принимали по полстакана перед забегом в качестве допинга. Мы готовы к последнему марш-броску, мы полностью собраны. Вычет опять сменил свои очки на контактные линзы. Снаряжение подогнано, ничего не болтается, в заштопанных рюкзаках только необходимое. Аспид не обманул, теперь мы не испытываем нужды в боеприпасах. Гляпа, сменивший свой карабин на АК-74, по-прежнему идет впереди, а Хвост ведет его по детектору. Оба спешат, и мы идем быстрее, чем вчера, но мне кажется, что все равно еле тащимся.

– Может, сам пойдешь первым? – огрызается Хвост в ответ на мои понукания. – Мне Монолит даром не сдался...

– До него еще дойти надо! – рычу я. – Вперед, убогие!

– Слушай, так нечестно! – возмущается Хвост. – Мы все время впереди

Мне смешно. Впереди он! Это безропотный Гляпа тралит Зону собой, а уж мы идем ему в кильватер.

– Ты сам согласился, никто тебя за язык не тянул, – возражаю я. – Не нравится – проваливай.

– Да нравится, нравится! Только все равно нечестно...

– Зато все здешние артефакты твои. Дарю.

– Да какие тут артефакты...

Лукавит Хвост, сильно лукавит. Артефакты здесь есть, их гораздо больше, чем в среднем по Зоне, но не до каждого легко доберешься. Вон слева открыто лежит «грави», а в

трех шагах от нее «кристальная колючка», но на пути к ним две «Электры» и «карусель», не пройдешь, а пробираться в обход некогда. Вот и стонет Хвост, и ноет, пряча в контейнер заурядный «выверт», подобранный прямо под ногами, и пуская напрасные слюнки на недоступную добычу. Хорошо еще, что ему на глаза не попало ничего по-настоящему ценного, ну, не «шнек». конечно, а, скажем, «ночная звезда» или тем паче «мамины бусы». Зуб даю, не выдержал бы Хвост, полез бы за сокровищем, сам бы, наверное, сгинул и Гляпу своего погубил, а нипочем не заставил бы себя пройти мимо. «Ночная звезда» – это считай полгода безбедной жизни. а «мамины бусы» – года два. Тут бы мы и расстались с Хвостом – наверное, с разными обидными словами, но, в общем, по-мирному, если бы он не взбрыкнул...

Но он наверняка думает, что главная добыча еще впереди, рядом с Саркофагом, и рвется к ней со всей страстью алчного игрока. Он наверное, вообразил себе, что там залежи «маминых бус». Ой, Хвост, погубит жадность фраера! Ты хорошо подумал? Учти, я за тебя думать не буду, нет у меня на это времени. Кто ты мне – друг? Никогда ты им не был. Мы только временные партнеры, почти свободные от взаимных обязательств, и каждый из нас вправе в любой момент выйти из игры.

«Жарка» справа, «мясорубка» слева, впереди узкий проход между «каруселью» и «воронкой». Бочком, Гляпа. бочком! Эх, что же ты...

Сбросив рюкзак, в спринтерском рыжке сбиваю с ног пятящегося Хвоста – он коротко вякает – и, ныряя вперед, хватаю «отмычку» за ногу. Блин, меня самого тащит! Активированная «воронка» шутить не любит, а любит она жрать все, что в нее попало. Чуть ли не по рукоятку втыкаю в землю мачете, держусь... Грунт, на мое счастье, такой, как надо – не слишком рыхлый и не каменистый. Гляпа кричит и дергается. Ничего, ничего, самое главное сделано, я успел, теперь надо немного выждать, и «воронка» немного ослабит хватку. Тогда ползи прочь. Хотя бывают нетипичные «воронки»...

Эта – типичная. Загребая полные горсти грязи, я ползу назад, как рак, и тащу Гляпу, медленно выгадывая сантиметр за сантиметром. Вычет бросается помогать – я рывкаю на него злобным матом. Сам справлюсь, не маленький! Уф-ф, теперь можно встать и стряхнуть грязь... Вид у Гляпы обалдевший, он еще не поверил, что выскользнул из однозначно смертельной ловушки. В «отмычки» он сейчас категорически не годится.

Хвост – тоже. Не стану и предлагать. Во-первых, обидится, а во-вторых, «отмычка» из него как из меня оперный тенор. Пусть тащится сзади. Прикроет от внезапного нападения с тыла – уже хорошо.

Значит, мне идти первым. Не Вычету же.

Мелькает мысль: а, собственно, почему бы не ему? С самого начала я вожусь с ним, как с писаной торбой, а чего ради, собственно? Ну Да, я хочу, чтобы он выбросил из головы мысль о самоубийстве. Но насколько я хочу этого? Неужели сам полезу в петлю, если мой неблизкий родственник сведет счеты с жизнью? Ведь ничего подобного со мною совершенно точно не будет. Конечно, я не обрадуюсь его смерти» но не настолько же!..

Сентиментальный ты человек, сталкер Чемодан, вот что я скажу тебе по секрету. Вычет идет за Катей, за единственным своим счастьем, а ты не высмеял его, не оборвал ниточку его надежды. Наоборот, всячески уговаривал, настаивал, ругался с ним, колотил даже... А почему? Может, только потому, что позавидовал ему по-хорошему? Он ведь за мечтой своей безумной к Саркофагу идет, а для чего идешь ты, Чемодан, в чем твоя мечта? Построить в Коктебеле еще одну частную гостиницу, когда их и без того пруд пруди?

Оч-чень своевременные мысли, однако! Пшли вон!.. Ладно, я почти готов. Где водка? Мне нужен еще один глоток, тогда я буду совсем в форме. Донышко бутылки целится в зенит, и пошла, пошла теплая волна по кишкам. Вот теперь мне черт не брат.

– Вычет! Держись за мной в пяти шагах... Куда схватился за детектор? Убери его на фиг!

На всех спиртное действует по-разному, и даже на меня по-разному в разные моменты жизни. Но я знаю, когда мне надо принять немного на грудь в Зоне. Именно в такой момент.

Все чувства обострены до предела, и ни черта я не боюсь. За мной!

Насчет скорости Арина права. Мое обострившееся чутье говорит мне это со всей определенностью. На ближних подступах к ЧАЭС медлить нельзя – надвинется что-то страшное, нащупает тебя, и тогда конец. Только рывок. Только прорыв. А что без детектора, так это ничего, все равно нет времени глядеть на экранчик. Первые сталкеры обходились вообще без всяких детекторов. Сейчас день, и почти все аномалии так или иначе выдают себя. Вот легкий пылевой вихрь над «каруселью», вот голубоватый туман над «электрой», а справа «разлом», прекрасно видимый сам по себе, и рядом с ним что-то совсем нехорошее, а что – не пойму, да и не надо, потому что оно уже позади. Модерновые спецкостюмы, на которые я смотрел с завистью в «Кропоткине», здесь тоже не нужны. Мощный экзоскелет не спасет, как и динамическая пневмозащита, – спасти может только скорость. Вперед! Быстрее!

Сейчас создается еще одна легенда. Если кто-нибудь из нас выживет, по Зоне расползется рассказ о марш-броске сталкера Чемодана, и я даже не сомневаюсь, что будут в том рассказе фигурировать совсем Уже невероятные подробности вроде прыжков с разбега через «трамплины» и «жарки». Если я здесь и лягу, то мне, пожалуй, даже простят гибель многих сталкеров в бою у Янтара – мертвым прощают многое. Да и то, в чем погибший не был виновен, а были виновны прощающие...

Я стопроцентно на рефлексках. Думать сейчас совсем не нужно, только успевай реагировать. «Мясорубка» впереди справа, «воронка» впереди слева, а прямо чисто метров на пятьдесят, зато потом яма, и ней целое озерко «холодца»... Левее! Правее! Я почти бегу. «Золотая паутина» раскинулась между низкорослыми, чуть живыми деревьями. Сволочь. Чуть не вляпался. А вот эту штуку ни с чем не спутаешь – пси-излучатель, смахивающий на обросший трутовиками корявый пенёк. Он тоже в некотором роде артефакт Зоны, только никто не знает, какая аномалия может породить его. Думают, что пси-поля порождают пси-излучатели, а потом сами же подпитываются ими, да только кто ж это проверял? Военные вовсю гоняются за пси-излучателями, и террористы за ними гоняются, и иностранные разведки, надо полагать, тоже гоняются, и Носорог не раз давал понять кланам, что озолотит того, кто доставит ему пси-излучатель, да только нет среди сталкеров героев, согласных на такой подвиг. Сейчас-то этот излучатель неактивен, иначе бы мне уже выжгло всю черепную начинку, и никто не знает, когда и почему он вновь заработает. Ученые в Янтаре с помощью «долговцев» умудрились взять под контроль два пси-излучателя, уж не знаю, как они это сделали, но держу пари: не перемещали их с места на место... И я не собираюсь. Чем быстрее и дальше мы уйдем отсюда, тем лучше.

Мертвая тишина вокруг. Только наше дыхание, только топот ног, шуршание одежды – и ничего больше. Ни звука. Не то опешила Зона от моей наглой напористости, не то выжидает, чтобы вернее ударить.

А вот и еще один пси-излучатель. Она! Тоже, как видно, неактивен. Сколько же их тут... Быстрее! Наверное, я страшен. Из-под корней здорового выворотня с коротким паническим визгом шарахается прочь псевдоплоть – поджарая тварь, опасный хищник Зоны, и не скажешь сразу, что мама ее, ну от крайности бабка была самой обыкновенной домашней свиньей, мирно похрюкивающей в хлеву. Пока я вижу ее, улепетывающую, я бегу строго за ней, потому что мутанты вообще крайне редко попадают в аномалии, чутье у них потрясающее, а псевдоплоть по данному показателю рекордсмен даже среди них, если не считать снорков. На миг притормаживаю бег, чтобы оглянуться...

Стоп!!!

– Где Вычет?!

Прямо передо мною топчется Гляпа, за ним Хвост. Оба шумно дышат, а глаза у Гляпы еще безумнее прежнего.

– Ты! – Я хватаю его за ворот, трещит материя. – В землю вобью, сволочь! Где Вычет?

– Пропал... – выдыхает Гляпа.

– Как пропал? Почему?! Где пропал?

Парень вряд ли в чем виноват, но я трясусь его так, что только голова мотается.

– Не слышу!

– Пропал... – Голос «отмычки» Хвоста внезапно делается плаксивым, Гляпа близок к истерике. – Пропал, и все... Вдруг... Раз – и нету его. Просто вдруг исчез...

– Ты же прямо за ним бежал – и сам не пропал? Убью, сволочь!

– Погодь, Чемодан! – Хвост тяжело дышит, выплевывая слова. – Я это... я видел. Отпусти парнишку, он правду говорит. Да отпусти же. тебе сказано!..

Мне сказано? Мне? Кто ты такой, Хвост, чтобы так разговаривать со мной? Я и тебя могу уделать, прежде чем ты схватишься за оружие, хоть это-то ты понимаешь?

Понимает и потому торопится, захлебываясь словами.

– Я видел! Он бежал... Прямо перед ним свечение какое-то возникло, не яркое, а примерно как от «Электры», только не голубое, а белое. По-моему, твой парень не успел его даже увидеть. Влетел в него- и пропал. И свечение сразу погасло. Слушай, будь другом, отпусти Гляпу, ну не виноват он! Он правда ничего не успел бы сделать, и никто бы не успел...

Медленно разжимаю пальцы. Хочется то ли плакать, то ли убить кого-нибудь голыми руками. Всё. Пришли.

Тихо-тихо вокруг. И пусто. Топчутся и дышат рядом мои компаньоны, но не нарушают ни пустоты, ни тишины. Пустота – она внутри

– Покажи место, – сиплю я внезапно севшим голосом.

– Это здесь, это совсем рядом...

Хвост суетится, понимая мое состояние. А мне уже все до лампочки, и усталость такая, что лег бы и сутки не поднимался. Вот тебе и Вычет, вот тебе и любимец Зоны... Все-таки достала она его, истерия поганая. Будто специально выбирала цель. Псевдоплоть пробежала – ничего, я пробежал – ничего, никаких тебе сияний, а секунду спустя Вычета на том же самом месте будто корова языком слизнула. Раз – и нет человека, и нет больше в нашем мире его неисполнимой безумной мечты. И все усилия зря. А кто виноват в этом, если по большому счету? Нечего долго искать – я виноват. Сманил человека и погубил ни за что. Не знал я разве, что такое Зона, да еще вблизи эпицентра Второго взрыва?

Не прощу себе, а больше не у кого просить прощения. У бога? Где-то он, может, и есть, но только не в Зоне, нет ему сюда хода. Да разве погиб бы Вычет, если бы существовали высшие небесные силы? Никогда. Они бы его в самом начале щелкнули по носу: не ходи, глупый человек, туда, где нечего делать людям, ходи в храм...

– Это здесь?

– Вот тут примерно. – Хвост показывает руками – от сих, мол, до сих, но в обозначенное пространство не суется. А только нет там ничего – воздух как воздух.

Метров тридцать-сорок я успел пробежать после исчезновения Вычета, не больше...

Не знал я о существовании такой аномалии. Неоткуда мне было о ней узнать. Те немногие, кто подходил близко к Саркофагу и вернулся с целыми мозгами, о таком не рассказывали. Дурень я, дурень! Дундук тупорылый. У Зоны всегда найдется в запасе что-нибудь новенькое.

– Может, он еще появится? – с фальшивой бодростью говорит Хвост. – Ну, в смысле вернется?

Мне снова хочется дать ему по роже.

– Ага... Ищи прошлогодний снег.

Хвост мнетяся.

– Что делать-то будем, а, Чемодан? Только такого вопроса мне и не хватало.

– Уходить будем! – сиплю ору я. – Драпать будем! Шкуры свои спасать! Нельзя здесь подолгу торчать на одном месте, не понял, что ли?

– Что, так и уйдем? – Не пойму, огорчен Хвост или обрадован.

– Так и уйдем. Можешь по пути собирать артефакты, если хочешь. Себе их возьми.

Пошли! Ты первый идешь!

Внезапно Гляпа ойкает. Почти в том месте, которое обозначил Хвост, вновь слабо колышется сияние. Действительно, белое... И не очень заметное – надо присмотреться, чтобы увидеть. Хотя оно, кажется, делается понемногу ярче, будто костер разгорается... Нет, теперь я отсюда не уйду!

Додумываю это уже в падении и шлепаюсь пузом в грязь, успев рефлекторно отметить, откуда была выпущена автоматная очередь.

Гляпа чуть помедлил, но тоже цел, залег и готовится вести ответный огонь, а Хвоста крутнуло – впрочем, он жив, лежит и сквернословит, держась за бок. Зацепило, но, похоже, не смертельно. Рюкзак на моей спине вздрагивает – пробит пулей.

Говорят, есть закон кучи: события происходят там, где их и без того много. Еще одна автоматная очередь выбивает фонтанчики из приметного бугорка, и немедленно следует третья – выше нас, по деревьям. Стрелков несколько, но все они впереди, между нами и ЧАЭС, так что это не засада, а заслон. Стало быть, это точно не бандиты, да они и не рискнули бы забраться в Зону так глубоко. Тогда кто?

Ответ очевиден – «монолитовцы». Не то клан, не то сколоченное контролерами из зомбированных сталкеров и управляемое ими же боеформирование. Наверное, одновременно и то, и другое. Почему бы контролерам не внушить зомбакам мысль о том, что те по-прежнему нормальные сталкеры, только перешедшие в другой клан по убеждению? Вряд ли это сложнее, чем послать их в бой.

Хотя зачем такие сложности? Зомбаку достаточно просто приказать – и он будет старательно выполнять приказы. Надо только уметь приказывать, ну так контролеры это умеют!

Возле Янтара мы видели мертвого «монолитовца», и вряд ли он участвовал в ночном бою один из всего клана – там был отряд. Тогда действия «монолитовцев» сыграли нам на руку, ну а теперь? Тьфу, да самому тупому ежику понятно, что теперь клан выполняет главную свою работу: не подпускать к Монолиту посторонних, а посторонние – это мы. Какая такая игра в поддавки? Какое еще благоволение Зоны? Нам просто везло до сих пор, как мало кому везло, но все равно мы не уникальны. А теперь, вволю натешившись. Зона ставит нас на место: сгинул Вычет, и мы под обстрелом... Я вижу фигуры, перебегающие от дерева к дерену. Много фигур. Огонь пока ведется с трех-четырех точек и только для того, чтобы мы не слишком нагло высывались. Скоро бойцы «Монолита», осторожно обходя ловушки, зайдут с флангов, и тогда нам конец.

Правее себя вижу ложбинку поглубже и, скинув рюкзак, одним рывком перебрасываю себя в нее. Отсюда удобно вести огонь, что я немедленно и делаю. Левее бьет короткими очередями Гляпа, а вот и Хвост включился в перестрелку... То, что надо. Патронов у нас хватит – спасибо «Свободе», и по две гранаты у каждого в подсумке. Нас трое, так без хрена не съешь. Подходи ближе, зомбаки, поговорим по душам.

Бойцы они те еще. Чуть-чуть заторможенные, но тут и «чуть-чуть» достаточно. Я срезаю одного и, похоже, цепляю другого. Быстро оглядываюсь – Хвост и Гляпа вжимаются в крошечные свои ложбинки, отстреливаясь почти наугад, вокруг них пляшут фонтанчики смерти, и я не сразу понимаю, что на них сосредоточен весь огонь противника, а по мне пальба почему-то не ведется. Ну, за такое упущение надо наказывать... Еще одна перебегающая фигурка спотыкается и падает, но на остальных это не производит никакого впечатления. Зомби вообще лишены человеческих чувств, и «монолитовцы» среди них не исключение. Не знаю, как контролеры пополняют ряды «монолитовцев», – не то отбирают среди бродячих зомбаков лучших бойцов, не то берут самых внушаемых, с кем меньше проблем. Но и лучшие бойцы под управлением контролеров остаются теми же тормознутыми зомбаками.

Что тормознутыми – хорошо. Что зомбаками – плохо. Ну куда они прут на рожон? Трусами завалить нас хотят? Нормальный противник, встретив сопротивление, связал бы нас боем и перегруппировал бы основные силы. В том, что «монолитовцев» по меньшей мере

десять полтора, я не сомневаюсь. Противнику есть что перегруппировывать. А мы бы тем временем начали отход, прикрывая друг друга.

Один «монолитовец» все-таки открывает огонь по мне. Без толку: между нами разлеглась «воронка», так что пули идут куда угодно, только не в цель. Пользуясь этим, ловлю в прицел того типа слева, что не дает Хвосту поднять голову. Короткая очередь – и еще одним противником меньше. Ах, если бы они были людьми! Они не лезли бы под пули так глупо, и мы отступили бы почти спокойно. Ну чего им надо? Защитить Монолит? Не нужен он нам теперь, на хрен не сдался, тем более что я практически уверен: это обманка для простачков. Считайте, что вы его уже защитили. Незачем мне идти дальше, если нет Вычета. Дайте нам уйти, придурки безмозглые, и я торжественно клянусь, что больше ни разу в жизни сюда не сунусь!

Кажется, мне удастся достать еще одного – прямо сквозь древесный ствол. Пуля от АК-74 не пробьет насквозь разве что трехсотлетний ДУБ, а нетолстую березу – запросто. Правильно я сделал, взяв у Арины нормальные патроны, – смещенный центр тяжести хорош в степи, годится в городе и плох в лесу, где то ствол, то ветка.

Странно: противник меня как будто не замечает. Один-единственный тип, разлегшийся за «воронкой», поливает меня почему зря, уже второй рожок расстреливает, хотя на деле тупо кормит свинцом «воронку», а остальные сосредоточились на Хвосте и Гляпе. Я кладу «монолитовцев», а им до меня как будто нет никакого дела. Интересное кино. Не видят они меня, что ли? Может, я лежу в какой-то особой аномалии? Несмертельные аномалии в Зоне есть, но, может, есть и полезные?

А нас все-таки обходят... Очень далеко справа на мгновение показывается перебегающая фигурка и скрывается за деревьями. И еще одна. Слева тоже. Я ошибся, против нас вовсе не полтора десятка «монолитовцев», а гораздо больше. Нас берут в очень широкое кольцо. Не торопятся, осторожно пробираются по настигнутому аномалиями лесу, но мало-помалу продвигаются нам в тыл.

Кажется, засиделись мы на этом месте...

Хочу перебежать за большой выворотень – и сейчас же противник переносит огонь на меня. Вжимаюсь, пластаюсь в своей ложбинке, рот полон земли. Вот тебе и не заметили меня... И все равно странно. Неужели контролер управляет каждым своим бойцом и в бою, управляет индивидуально каждым, а не просто дает подразделению общие указания? Тогда понятно. Только сороконожка может одновременно управлять всеми своими ногами, а зомби не нога, он все-таки устроен сложнее и на большее годен. Контролера бы убить, вот что насущно необходимо... а как его убьешь? Он не пешка, под наши пули не полезет.

Теперь и я стреляю практически наугад. Один магазин уже пуст, в дело пошел второй. У меня их четыре, связанных изолентой попарно, этого хватит с лихвой, потому что чует мое сердце: все кончится раньше, чем у нас иссякнут боеприпасы...

Вроде потише стало?... Чуть-чуть приподнимаю голову. Гляпа и Хвост все еще живы и отстреливаются скупыми очередями. Противник тоже стреляет, но высываться и лезть под пули перестал. Где ближайший стрелок? Ага, вон за тем деревом... Вынимаю из подсумка гранату – ясно, что не доброшу, далековато, но пусть пока полежит рядышком и будет под рукой.

А сияние подлое, поглотившее Вычета, все еще висит на месте и вроде даже ярче разгорелось...

– Гляпа, Хвост! – кричу я и показываю рукой, что мы сейчас будем делать. Уходить мы будем, пока нас совсем не окружили. Каждый метнет по гранате – и ходу! Поняли ли они? Вроде да. Надеюсь, Хвост сумеет мобилизовать свои силы на рывок. Блин, мой рюкзак валяется и соседней ложбинке! Нет, я его не брошу, там «шнек», единственный полезный результат моей экскурсии в Зону. Бежать под рюкзаком можно, но если придется еще тащить на себе Хвоста...

Потащу или нет? Дрянной он человечешко, ну а сам-то я лучше буду, если брошу его здесь? Блин и блин! Задача...

Ладно, по ходу дела видно будет, что и как. Тут главное не думать. Вытащил компаньона не задумываясь – человек, бросил подышать -дерьмо. Мне самому интересно, кто я есть.

С автоматом в одной руке и гранатой в другой перебрасываю себя в ложбинку к Гляпе. Тихо, тихо, не вякай, это я, Чемодан, а не «монолитовец»... Вьюсь ужом, вползая в лямки рюкзака. Порядок.

– По счету «три» разом бросаем гранаты и уходим бегом прежней дорогой. Понял?

Гляпа кивает.

– Хвост, ты понял?

– Да понял я... – Следует матерная тирада. Хвост злится, и это хорошо. – Не знаю, смогу ли бежать...

– А ты постарайся. – Выдергиваю чеку. – Ну, готовы? Раз... два... три!

Три гранаты взвиваются в воздух одновременно. Одна ударяется о ствол дерева и падает близко. Вжимаюсь. Удар по ушам! Ну, братцы-сталкеры, теперь вся надежда на ноги!

И еще на внимательность. Аномалии, понятно, никуда не делись. и нам остается только молиться, чтобы те два пси-излучателя не перешли в режим активности. «Монолитовцам» они по барабану, пси-излучение уже сделало с ними все, что могло, а мы пока люди и не желаем стать ни трупами, ни зомбаками...

Это не мысли проносятся в моей голове, пока я делаю гигантские прыжки. Это инстинкты, рефлексy, эмоции, что угодно, только не мысли. Некогда тут думать, нужно быть зверем, но зверем умным. Я огибаю сияние слева, Гляпа – справа, а где Хвост?! Убит?.. Нет, вот он, рвет когти не хуже нас, а вот теперь нам пора падать. Ныряю вперед с кувырком, перекатываюсь за толстое дерево, даю очередь. Бьют и по мне. От дерева летит кора, одна пуля впивается в ствол совсем рядом с моей головой, а главное, с моей стороны дерева. О как! Нас уже взяли в кольцо. А дальше я вижу то, что не стоит показывать даже в Фильмах, не то что наяву.

Одного из «монолитовцев» затягивает «воронка». Никто не спешит к нему на помощь, и сам он, опрокинутый навзничь и тащимый к центру аномалии, не кричит благим матом, чтобы его спасали, а только цепляется скрюченными пальцами за землю, взрывая глубокие борозды. Еще секунда – и поздно спасать. «Монолитовца» переворачивает через голову, он коротко вскрикивает, а спустя мгновение кричать уже некому – гравиконцентрат плющит его в идеально круглый комок спрессованной плоти. Как коровья лепешка.

Остальные не обращают на это никакого внимания, и тут меня охватывает злость. Зомбаки, роботы хреновы, на что вы годны? Отстреливать тех настырных, кто лезет к ЧАЭС? Даже это у вас выходит так себе, числом только берете. Не люди вы. Может, мертвецы и достойны какого-то уважения, но только пока они не двигаются, а вы – мертвецы ходячие, так что мне придется делать вас лежачими. И делать это я буду без малейшего сожаления. Ну, кто первый?

Никого. Прячутся, скупое тратят боеприпасы, и мы столь же скупое отвечаем, заняв круговую оборону. Как-то ненормально развивается бой. Чего ждут зомбаки? Ясно же, что их контролер не жалеет личный состав, так почему не поднимает его в атаку?

Очень много непонятного, и главное: почему мы все еще живы? Хвоста только зацепило, да и то не сильно, раз пока еще может прытко бегать. На месте контролера я бы положил нас без особых потерь, просто подняв в атаку всех зомби разом и приказав не жалеть патронов. Нам бы и высунуться не дали. Может, боеприпасы ему дороже личного состава? Сомнительно. Просто отогнать нас от ЧАЭС контролеру мало, иначе противник не стал бы брать нас в кольцо, ограничившись полуокружением, но похоже на то, что и смерти нашей он не очень-то хочет. Тогда чего ему надо?

И в голову мне приходит только одно, от чего становится по-настоящему страшно. Противник просто ждет, когда заработает ближайший к нам пси-излучатель. Первые минуты боя убедили контролера в том, что не салаги сюда пожаловали, а бойцы. Ценное человеческое сырье, которое станет послушным орудием в его руках, не растеряв при этом

бойцовских навыков. Ради такого пополнения рядов" контролируемых зомби можно даже положить нескольких своих, то ли менее умелых, то ли слишком изношенных...

Уходить нам надо. Прорываться, и чем скорее, тем лучше. Ой, как скверно... Шансы почти на нуле, а что еще можно придумать в этой ситуации? Лежать и ждать, когда твои мозги превратятся в кашу и ты станешь послушным, управляемым дебилом? Спасибо, я пас. Может, кто-то и думает, что жить без мозгов все равно лучше, чем вообще не жить, но не я. По мне, лучше уж сразу шагнуть в «воронку».

– Гляпа, Хвост! По счету «три» – делай как я!

Ну, вывози меня кривая! Надежда только на авось. Много раз в прежние мои сталкерские годы казалось мне, что я влип, да так оно и было, но так крепко я не влипал никогда. Напыюсь вдрызг, если выберусь живым. Весь хабар пропью, включая «шнек». Только бы не налететь на пулю.

– Раз... два...

Опоздали! «Монолитовцы» начинают первыми. Вижу троих, они бегут на нас без стрельбы и так прямолинейно, будто не вояки они, а спортсмены на беговой дорожке. Оказывается, и меня можно удивить до легкого ступора – первым открывает огонь Гляпа и валит того, что справа. А дальше происходит неслыханное.

Два зомбака с интервалом в долю секунды на полном разбеге влетают с белое сияние, и оно глотает их без остатка. Р-раз – и нету. Как Вычета. Сияние отнюдь не гаснет, оно готово глотать еще и еще. И бегут еще трое.

– Не стрелять! – кричу я.

Странное дело, стрельба по нам тоже прекращается. Как спереди, так и сзади. Сбоку – тоже. Высунув голову из-за дерева несколько дальше, чем диктует здравый смысл, я вижу, как эти трое повторяют маневр первой пары. Строго говоря, никакого маневра у них нет вообще – зомбаки галопом несутся к сиянию и поочередно исчезают в нем.

Ну и как это понимать, я вас спрашиваю?

– Чемодан... – стонет Хвост. – Ну?

– За ними, Чемодан... Давай за ними...

Сдурел? Рехнулся со страху? Или он знает что-то такое, чего не знаю я?

– Ты в своем уме?

– Я слышал о таком, – упрямится Хвост. – Думал, вранье, как обычно. А оно... вон как. Это тоже аномалия, но не ловушка. Это... проход, что ли.

– Как ты себя чувствуешь? – беспокоится Вычет.

– Бывало и получше.

– Может, я пойду?

– Лежи уж...

Он не настаивает, и правильно – знает, с кем имеет дело. Не любишь ты попусту рисковать, сталкер Чемодан, и никогда не любил, зато твоего упрямства хватит на десятерых. Знаешь ты за собой это свойство и нипочем не отступишься. Приспособить бы тебя, дурака, к какой-нибудь полезной работе – цены бы тебе не было.

Позади нас чисто. Я углубляюсь в лес шагов на двадцать, потом ухожу на столько же вправо – чисто. Нет пси-излучения, вырубился излучатель. Зову Вычета. Можем двигаться по мертвому лесу параллельно опушке, а шагов через сто или двести вновь попробуем пересечь пустырь...

Стоп!

Прячусь за ствол, приседаю, ствол «беретты» ищет цель. Мы не одни. Кто-то еще ходит по мертвому лесу совсем неподалеку. Вот ветка хрустнула, а вот шорох одежды. Или это мне только кажется? Странный здесь лес. Глюки, что ли, начались?

Нет, кто-то ходит...

Вычет укрылся за соседним стволом, изготовил автомат, не шевелится и дышит через раз, а не выпытывает по вечной своей привычке, что да почему. Молоток. Привычка вести себя в Зоне правильно уже въелась в спинной мозг, чему я рад: не надо лишний раз

оглядываться на напарника. Мы с ним уже хорошая команда, да только зачем ему становится сталкером и бродить по Зоне, пока ей это не надоест? А мне зачем?

Кто идет? «Монолитовец»? Это скорее всего. А может, даже контролер? Тоже возможно, и я не удивлюсь, если он идет за Вычетом. Возьмет его под белы ручки и доставит к Хозяевам, если только я ему не помешаю. Я уже ничему не удивляюсь и почти готов поверить в ту лабуду, что нес Вычет насчет особой благосклонности Хозяев к нам и насчет игры в поддавки. Меня уже трудно чем-то удивить. В этой многодневной вылазке в Зону все с самого начала шло не так, как я думал.

Зомби!

Это не страшно. Идет по лесу обыкновенный неподконтрольный зомбак, целиком погруженный в себя, и думает об очень важных вещах: кто он такой, как здесь оказался и зачем вокруг все это? Так и будет думать, пока не нарвется на пулю или пока его не перехватит приказ контролера. Обычно они мирные, бродячие зомбаки, хотя черт их знает, чем они питаются, если вообще питаются, и почему не звереют от голода. Их легко отличить издали по походке. Нормальный брат-сталкер так не ходит, он или крадется, или рыщет. Или ползет. Или бежит, если очень надо. Зомбак же ходит по Зоне, как по пустынной аллее городского парка, смотрит в землю, слабо реагирует на окружающее и вечно бормочет что-то себе под нос. Наверное, так мог бы бродить Вычет по своему Академгородку, раздумывая на ходу о какой-нибудь особо заковыристой математической абстракции. Он целиком утонул бы в ней, а окружающую действительность ощущал бы ровно настолько, чтобы не наткнуться на деревья и людей и не падать в канализационные люки.

Куда идет этот зомбак? Вроде приближается к ЧАЭС, хотя движется не прямо, а наискосок. Ну, коли так, быть ему вскоре под контролем, «Монолиту» надо пополнять ряды.

А нам он не нужен, пусть себе топает мимо. Кое-кто считает, что убивать зомбаков не только необходимо, но даже и гуманно, а я так не могу и не хочу. Почему – трудно объяснить. Жалко мне их, что ли?

Вот еще! Хотя... это как посмотреть. Нет, не знаю. И думать об этом не желаю, просто не стану стрелять в того, кто не собирается стрелять в меня.

– Смотри... – шепчет Вычет.

А ведь я знаю этого зомбака... Ну здравствуй еще раз, Хвост! Вот, значит, как вышло... Не уберегся ты, попал под пси-удар. Нам с Вычетом повезло, а тебе нет. Бродишь теперь неприкаянный? Броди. Бормочи что-то неразборчивое под нос, живи псевдожизнью. Настоящая-то жизнь тебе не удалась, жалким ты был человечешкой, Хвост, бесчестным и жадным сверх меры, и должен был кончить примерно так. Никто в «Харчах» о тебе не пожалеет, а мне вот, уроду, жаль тебя немного. Топтал ты землю, топтал Зону, топтал людей, кого мог, хитрил и хапал. Жил, короче говоря, а зачем жил? Конечно, и меня можно спросить, для чего я живу, а только есть, вернее, была между нами разница. Меня хотя бы уважали, а кто уважал тебя, Хвост? «Отмычки», которых ты сгубил? Перекупщики? Всякие жучки, крутящиеся возле Зоны? Сталкеры-то тебя всего лишь терпели...

Представляю, как худо было тебе. Хвост, в последние минуты жизни твоего разума, и не держу на тебя зла. Ступай куда хочешь. Может, когда-нибудь я расскажу о тебе в «Харчах», и мы выпьем за помин твоей души. А что, я выпью.

– Гляпа... – громко шепчет Вычет.

Глазастый! А вот мне совсем не хочется видеть еще одного зомби, сфабрикованного сукой Зоной из славного в общем-то парня. Но не отворачиваться же.

Он идет в том же направлении, что и Хвост, отстав от него метров на сто, и так же сомнамбулически. Несчастный парень. Ведь говорил же я ему: брось Хвоста, брось! Или, когда я это говорил, было уже поздно? Не может быть. Нашли же мы мертвую зону, гак, может, и он нашел бы. Ну зачем, зачем он опять потащился за Хвостом?

Какая же подлая штука эта Зона! Что для нее люди? Муравьи. Они копошатся, суетливые и деловитые, а она их давит. С ее точки зрения – если у нее есть точка зрения, – муравьи сами виноваты: зачем бегали там, где не надо бегать? Сидели бы в теплом своем

муравейнике!

Я покидаю укрытие. Гляпа не реагирует. Он проходит в шаге от меня, видит меня и даже дважды хлопает глазами, но не может вспомнить и идет мимо. Ладно, иди. Что я теперь могу сделать? Но «шнек» я у тебя возьму назад, ты уж извини. Он тебе больше не нужен. Где «шнек», парень? Думаю, что еще при тебе, потому что ты был жив, когда попал под псидар. Если бы «шнек» отнял Хвост, то вряд ли оставил бы тебя в живых. Хвост просто не успел это сделать.

Гляпа не возражает, когда я обчищаю его на ходу, опустошая поясной контейнер и рюкзак, забирая автомат, а у меня в голове без конца вертится фраза: «Двум смертям не бывать... Двум смертям не бывать...»

А их и нет, двух смертей. Вместо них то, что еще хуже.

Глава 14.

Последний рубеж

Через полчаса слепого тыканья мы находим безопасный коридор на пустыре – и вот она. Чернобыльская атомная. Она огромна. Далеко справа высится над кучей более мелких построек циклопический Саркофаг над Четвертым энергоблоком, впритирку к нему притулился Третий, а Первый и Второй отделены от них порядочным расстоянием. И все четыре пристыкованы к длинному-предлинному зданию машинного зала. Из-за неимоверной длины оно выглядит приземистым, хотя и высота его порядочна: спыгнешь с крыши – убьешься наверняка. Об этом здании я хотя бы знаю, что в нем машинный зал, а не что-то иное; что до прочих построек станции – темный лес. Я даже не предполагал, что их так много. Буйство архитектуры и машинерии. Вон, скажем, впереди справа от нас торчат штук шесть матерых цилиндрических фиговин, похожих на нефтяные резервуары, – что это было и для чего? Не для нефти же. Может, теплообменники какие-нибудь? Не знаю. А остальные сооружения? Очень их тут много – и бетонные параллелепипеды, и крытые ходы-переходы, и высокая ржавая труба, окруженная ферменной конструкцией, торчит между Третьим и Четвертым энергоблоками, на дымовую смахивает, а высоченная железобетонная труба обломана наполовину, изогнутая арматура торчит во все стороны, и просто пучки толстых и тонких труб проложены повсюду, причем некоторые трубы порваны, и всякая электротехническая мутотень с могучими батареями изоляторов, с ржавыми стальными мачтами, стоящими и поваленными. И упавший набок подъемный кран лежит себе, потихоньку ржавея, зато рельсы, с которых он свалился, блестят, как будто по ним пять минут назад что-то ездило...

Мертво, жутко. С некоторых труб и крыш свисают какие-то нити, да еще и шевелятся не в лад, и видно, что не ветер их шевелит. Непонятные бурые кляксы на бетонных стенах. Может, лишайники? Или неизвестные формы жизни? А может, нечто такое, о чем никто из людей, включая ученых, не имеет никакого понятия? Впрочем, мне все равно, что это такое, главное то, что я ни за что на свете не притронусь ни к нитям, ни к кляксам и постараюсь держаться от них как можно дальше.

Главное, непонятно, где эпицентр Второго взрыва. Саркофаг – он хоть и потрескался, но, в общем, остался цел и, по идее, до сих пор защищает территорию от радиоактивных выбросов. Может, и не стопроцентно защищает, но без него было бы во сто раз хуже. Мелких разрушений на территории много, а крупных что-то не видно. А ведь, по идее, хоть какое-то здание должно быть всерьез разворочено – ведь Ударил же откуда-то аномальная энергия и теперь еще бьет иногда, хотя теперешние выбросы не чета тому, первому, всему миру известному как Второй взрыв. Но целы с виду три реактора, экранирован потрескавшимся бетоном четвертый, и не просматривается на территории ничего похожего на жерло действующего вулкана. Такое впечатление, что при выбросах энергия сочится

отовсюду понемногу, щадя постройки, и собирается в ударный кулак в небе над станцией. Непонятно опять же, где источники энергии и что это вообще за энергия.

И не пойму я этого никогда. Что делать мне там, где лучшие физики планеты зубы себе пообломали? Мычать и задавать дурацкие вопросы?

Я потерял, как ребенок, впервые оказавшийся в лесу. Куда идти, как идти, где искать? Неизвестно. Пропасть здесь – раз плюнуть. Холодок по спине бежит, стоит лишь подумать о том, что почти никто из дошедших сюда сталкеров обратно не возвращался. Нет у нас, разумеется, и карт с обозначенными местами сугубой опасности – то есть в любом баре Предзонника жучки предложат целый ворох таких карт и будут клясться в их сверхнадежности, да что толку-то? Во-первых, жучкам веры нет, во-вторых, наверняка здесь все меняется со временем, как и повсюду в Зоне, а в-третьих, если бы надежная карта действительно существовала, она стоила бы чудовищных бабок. Но разве не мог я заранее найти хотя бы простой план черновыльских построек с указанием, что где?

Почему я не сделал этого еще до нашего кавалерийского наскока на Зону? Не иначе нашло временное умопомешательство. И Вычет тоже хорош – мог бы подсказать. Мысль ведь простейшая и насущно необходимая. Ну вот в каком направлении нам сейчас двигаться?

Лежим за искореженной стальной конструкцией непонятного назначения, присматриваемся, ждем неизвестно чего. Может, нового лучевого удара. Ну и набираем в организм рентген, само собой. Дозиметр показывает здесь серьезные цифры, хоть в ОЗК полезай и противогаз натягивай. Сойдут, впрочем, обычный сталкерский костюм почти любой модели и примитивный респиратор, да только не в радиации главная опасность, не зря сталкеры на нее поплеывают. Лучевая болезнь когда еще проявит себя, зато смерть быстрая и жуткая здесь повсюду, притаилась и ждет.

На территории ЧАЭС мертвее, чем в мертвом лесу. Дождь кончился, сейчас бы пичужке какой защебетать, да только нет на свете таких дурных пичужек, что залетят сюда. Зуб даю, так близко к эпицентру выбросов не подбирается даже мутировавшее зверье. В лесах вокруг станции – это пожалуйста, но на территорию они не полезут, не дурные. Здесь только мы и «монолитовцы» – этих уже ничем не проймешь. Рассказывают, будто бы в давние времена «Монолит» был обыкновенным сталкерским кланом, и только потом у тех сталкеров начала понемногу съезжать крыша на почве служения Монолиту, -и мало кто из настоящих сталкеров в это верит. Обыкновенные байки вроде тех, что «а вот в наше время и водка была крепче, и бабы доступнее». Я-то знаю, что пси-излучатели появились в Зоне сразу после Второго взрыва. Слабее, что ли, они работали поначалу, жалея поклоняющихся Зоне людишек? Бред.

Аномалий впереди что-то не видно, и уж это мне совсем не нравится. Хотя, если разобраться, так и должно быть – ведь появляющиеся там и сям после каждого выброса «воронки», «жарки», «мясорубки» и прочие гостинцы Зоны со временем порушили бы здесь все конструкции, оставили бы исковерканные руины и взломанный асфальт. Значит, нет или почти нет на территории станции традиционных аномалий. Так, а что тогда есть? Неужели только пси-излучатели и заслон из «монолитовцев»?

Не верю, а как проверишь? Страшно проверять.

Гляжу на детектор – он, по счастью, еще не разрядился, не то что ПДА. Нет, не показывает детектор никаких аномалий.

Рискнуть, что ли?

Придется. Не сидеть же здесь до темноты.

Откуда-то из-за станции внезапно доносится приглушенная автоматная стрельба. Пожалуй, не далее километра отсюда, если только воздух нормально проводит звуки. Сначала один автомат, потом другой, а вот сейчас бьют не меньше пяти-шести. Бойкая перестрелка, можно сказать, настоящий бой. Кто там еще прорывается к ЧАЭС? «Свободовцы»? Все может быть...

Вычет вдруг начинает мелко дрожать, и я не сразу понимаю, что он смеется. Но он

именно это и делает, показывая мелкие белые зубы.

– Ты что?

– Сколько, говоришь, гранат вы истратили во время так называемого боя с «монолитовцами»?

– Я тебе ничего не говорил...

– Говорил, не говорил... Три штуки?

– Ну, гри, – признаюсь я. – Одновременно. А в чем дело?

– Слушай.

Очень скоро треск очередей покрывается тремя гулкими разрывами, практически сливающимися в один. Ох, что-то мне это напоминает...

– Понял? – спрашивает Вычет. Я молчу. – Вижу, понял, только поверить не хочешь. Знаешь, кто там прорывается к станции? Мы прорываемся. То есть вы, потому что я в это время уже был в бутылке Клейна. Значит, сегодня еще сегодня, а не завтра и не будущий год. Мы раздвоились в нашем мире – мы здесь, и мы же там. Теоретически мы могли бы сейчас увидеть самих себя. – Он хихикает. – Забавно идет время в том мире, ты не находишь?

Ничего я не нахожу. У меня ум за разум заходит, а в такие минуты я бываю сильно недовольным.

– Время в той бутылке, что ли? Задом наперед идет?

– Не так просто, – отвечает Вычет. – Если бы время там шло в противоположном направлении, то, попав в бутылку, вы не встретили бы там меня. Наоборот, я бы появился там позже вас. Наверное, время пошло назад во время нашего перемещения по поверхности Клейна. Удивительный мир! Скажу более: замечательная предусмотрительность Хозяев, выпустивших нас из бутылки совсем не там, где мы в нее попали! Жаль, что я никогда специально не занимался топологиями, хотя, вероятно, это ничего бы мне не дало, тут нечто более интересное...

Опять он за свое. Все-таки он шизанутый. Все математики, наверное, такие. А может, крыша у него окончательно съехала после того, как он потерял свою Катю. Он ведь души в ней не чаял, это точно. Тяжело, понимаю... Тут и крепкий мужик мог бы сломаться, не то что такой мозгляк. Хозяева? Какие такие Хозяева? Да если бы я, к примеру, был хозяином Зоны, разве потерпел бы я тот бардак, что в ней творится? Это ведь то же самое, что, получив квартиру, в прямом смысле слова загадить ее по колено. Нет, не склеивается. Никак. Такое простое рассуждение, а Вычету недоступно!

Ну и черт с ним.

Зато липкий ужас одолевает меня, стоит лишь еще раз подумать о Хвосте и Гляпе. Они, наверное, уже с полчаса как под контролем. Успел ли контролер послать их против нас – тех еще нас, что рвутся к ЧАЭС со стороны Припяти? Если успел, то что же это получается? Выходит, что они стреляют сами в себя и Гляпа – человек может сейчас преспокойно убить в бою Гляпу-зомби? Сам – себя? А если Гляпа – зомби убьет Гляпу-человека, то что будет? Такое я в фантастических фильмах видел – вмешательство в прошлое. Где тогда окажемся мы и будем ли существовать вообще?

Надо слушать хорошенько. Подробности перестрелки с «монолитовцами» я в общем-то помню и замечу, если что-то пойдет заведомо не так.

– Не засиделись ли мы? – спрашивает Вычет.

Я только дергаю щекой: молчи! Командир нашелся, будет мне здесь указывать! А перестрелка в лесу за ЧАЭС довольно быстро сходит на нет. Наверное, так оно и было. Вот что интересно: когда мы дрались с «монолитовцами», мне казалось, что от начала боя до нашего нырка в бутылку прошло минут пятнадцать, а то и все двадцать. Не деле же и пяти минут нет. Странная штука время в бою – иной раз оно прессуется, но в целом растягивается, как резина. Верно говорят воевавшие: большой бой – это как маленькая жизнь.

Ладно, нечего расслаживаться, пошли. Уж теперь-то никаких временных парадоксов быть не должно, «те» мы уже благополучно сидим в бутылке, никак не угрожая «этим» нам встречей нос к носу. Тревожит меня только одно: молчание детектора. Понятно, что

разработчики настраивали его только на известные аномалии, да и то чувствительность к разным аномалиям у него разная. Известные аномалии он, похоже, вообще не ловит. В то, что их здесь вообще нет, я ни на грош не верю. Даже глазом видно: вон комок жгучего пуха прокатился по щербатому асфальту, а вон из трещины в том же асфальте растет рыжая колючка. Правда, это не аномалии, а скорее мелкие неприятности...

Может, «шнек»?

Вот он, удобно ложится в руку. Четыре витка на нем, изящные такие витки, и темно-лиловый цвет артефакта необычен и приятен. А много ли толку от этой приятности? Ну да, он очень высоко ценится и очень дорого стоит... там, вне Зоны. А в Зоне, особенно в самом ее сердце, ценность артефактов стремится к нулю, если только они не увеличивают физические или психологические возможности сталкера. Ты вынеси сначала хабар из Зоны, а потом уж торгуй им! Вот и редчайший «шнек» для меня сейчас не полезнее заурядного шнека от мясорубки – болванка-болванкой, хоть и витая.

Молчит болванка, не подсказывает. Иди, мол, куда хочешь, любое направление – твое.

А какое нам нужно направление?

Прямо перед нами чисто, слева угрюмо торчит бетонный параллелепипед без окон, справа те цилиндрические фигурины, а впереди еще один параллелепипед, широкий и приземистый. Если его обходить, то только слева. Узкий там проход, не нравится он мне совсем, но и до него еще добраться надо. С виду вроде чисто перед нами, на сто метров вперед и на пятьдесят в обе стороны почти что один асфальт, лишь местами нарушенный опорами для проходящих над головой пучков труб и чахлыми кустиками колючки, -но психом надо быть, чтобы пойти прямо. Любый сталкер скажет: типичная западня. Но то-то и оно, что другие пути подхода ничем не лучше.

Значит, придется рисковать. Что толку сидеть на месте? Ничего ведь не высидим. Сидеть – та же смерть, только отложенная на неизвестный промежуток времени. Очень хочется глотнуть для храбрости, да фляжка пуста, а в рюкзак за единственной оставшейся бутылкой лезть неохота. Оставить бы рюкзак здесь, мешает он, да как потом без него возвращаться? Чую, покидать станцию придется другим путем. Трезво вижу: шансов найти Исполнителя Желаний у нас немного, а убратся живыми с территории ЧАЭС – еще меньше, и все же не верю я в то, что эти шансы нулевые! Авось проскочим, найдем – и что тогда? Переть назад через всю Зону без пищи и большей части снаряжения – благодарю покорно!

Делаю Вычету знак – за мной, мол.

Пошли! Боги, ангелы, духи, как вас гам, защитите меня и родственничка моего непутевого! Фатум, отступись! Дьявол, если ты есть, помоги нам и ты! Душу не обещаю, она и так твоя, но уж как-нибудь сочтемся, наверное. Я ведь привык платить по счетам. Я расплачусь, ты только помоги!

Пусть мы дойдем до Исполнителя Желаний, если он существует. Пусть я доведу до него Вычета. А если нет никакого Исполнителя, пусть мы уберемся отсюда живыми и насколько возможно невредимыми. И пусть Вычет наконец поймет, что потеря любимой женщины еще не самое страшное, что может случиться с человеком. Ну а если нам не суждено уйти – пусть мы останемся здесь трупам, а не зомбаками!

Пусто на экране детектора, как будто шагаем мы не по центру Зоны, а разгуливаем где-нибудь в крымской степи. Чую же нутром: неладно вокруг. Ну его, этот детектор. И «шнеку» пора в контейнер...

Что такое?

Пищит «шнек». Тоненько и звеняще, как комар. И сразу мурашки вдоль позвоночника, да какие! Их бы еще увеличить, и смахивал бы я на стегозавра. Звери, а не мурашки, а уж озноб какой!..

Вычет едва не наткнулся на меня, но школа чувствуется – замер, почти не дышит. Только он, дурашка, думает, что у меня сработало внутреннее чутье, а сработал-то «шнек»! Ожил, умница! Пищи, пищи давай, пищи громче! Ну, теперь мы пройдем где угодно, если только там вообще можно пройти. Работай, родной ты мой, не скисай, не спи! Что ты мне

хочешь сказать – что вперед нельзя, да? Верю. А направо – как, можно? Тоже нет? Значит, налево.

И правильно. Справа и впереди вдруг начинает пучиться и ходить ходуном асфальт, на нем возникают и пропадают зыбкие дрожащие кочки, все это происходит совершенно бесшумно, и оттого особенно жутко. Асфальт не трескается, его движение отчасти похоже на медленное кипение битума в большом чане на стройке, только во сто крат омерзительнее. Что это – «зыбь»? Если да, то необычная и с приставкой «мега». Одно только ясно: всякого, кто вляпается в нее, можно отпевать. И я был бы уже мертв, кабы не «шнек».

Куда теперь? Вперед?

Да. Можно. Шагов десять идем нормально, затем «шнек» опять подает голос. Что, еще сильнее забрать влево? Нет? Значит, вправо? Тоже нет? Тогда куда? Не прямо же...

Швыряю прямо перед собой метательную звездочку – она летит без приключений метров тридцать пять, а потом – чпок! – вспышка, и нет ее. Все происходит беззвучно, была вещь – и сгинула. Как корова языком слизнула. Понял... То есть ничего я не понял, не знаю таких ловушек, но и незнаемая ловушка вполне обозначила себя. Далековато, правда. Ставлю бутылку водки против старого носка, что аномалия там не одна, есть и ближе. Ждут, гады. Впереди обыкновенное скопление необыкновенных аномалий, лабиринт с узкими проходами, если они вообще есть. Ибо, если их нету, придется возвращаться и пробовать пройти с другой стороны.

Вновь идет в дело моя гаечка на леске. Кидаю ее чуть левее и недалеко. Чисто? Ой, не верю. Кидаю правее – ага! Гайку в полете подбрасывает кверху, леска лопается. Гравиконцентрат? Но кто и когда видел гравиконцентраты, висящие в воздухе? И куда делась гайка? Допускаю, что металл можно ужать в объеме, но не до полной же невидимости! Не в точку же! Станный это гравиконцентрат, такой же странный, как местная «зыбь». Ну ладно, теперь-то куда?

Битых полчаса я вожусь, открывая все новые ловушки, прежде чем картина начинает проясняться. Узкий кривой проход действительно существует и сильно мне не нравится, а что делать? Если не случится фатального невезения, пройдем, но вот что дальше? Отсюда не разобрать. Что там за аномалия, которая сожгла мою метательную звездочку? Я могу подобраться вплотную, но там ведь так узко, что и не размахнешься как следует, чтобы пустить еще одну... И «шнек», главное, пищит все время, и позвоночник холодеет, а мурашки так бегают по всему телу...

А пробовать-то надо. Другой бы, может, повернул назад, да я не постесняюсь признаться, что мне очень страшно, однако же не настолько, чтобы не понять: что вперед идти, что назад – разницы уже никакой, везде ждущая смерть. И еще – я упрямый, это уж у меня с детства.

Никогда в такие минуты я не думаю об Аде. Нельзя. Я потом о ней подумаю, если выберусь живым, и подумаю не без приятности. Дом. уют, женское тепло... Никакого глубокого чувства у нас, конечно, нет и не было, но – притерлись, привыкли друг к другу. И мне, неприкаянному, тихая пристань, и ей нормальный мужик в доме...

А я нормальный?

Наверное, Ада считает, что да. Не евнух ведь еще, и руки у меня растут откуда надо. Малопоющий. Чего ж еще?

Чтобы тараканов в голове не было. Это она упустила.

Но нет во мне сейчас мыслей ни о чем, кроме одной: как пройти к машинному залу?

Похоже, никак. Малейшая оплошность – и ты в ловушке, и привет горячий, и аминь.

– Назад, – командуЮ Вычету.

Тот только что был напряжен, как струна, только не звенел, а теперь растерян: как это? Почему назад?

– Давай, давай...

Десять шагов назад. Теперь основные ловушки впереди, а справа от нас та самая асфальтовая «зыбь», и она вновь начинает колыхаться, чуя наше приближение. Очень мило с

ее стороны! А бросим-ка туда гаечку...

Упала и ушла в асфальт, как в воду. Красивое зрелище, жаль, оценить по достоинству его некому... Она! А колыхание-то, кажется, замирает...

Замерло. Асфальт как асфальт. Даже прежние трещины на нем вновь проявились.

А ну-ка еще одну гаечку...

Пошла спокойно, далее покатилась с негромким стуком, как положено, и легла. Без последствий.

– Идем? – шепчет Вычет.

Не спеши на тот свет, парень! Может, «зыбь» еще оживет. Бывают в Зоне такие фокусы. А что я могу знать о нестандартной «зыби»? Я и «зыбью»-то ее называю только потому, что иного прозвища не придумал...

Десяти секунд не проходит – и вновь асфальт приходит в движение, вновь на нем растут зыбко дрожащие кочки – одни разглаживаются и пропадают, другие, наоборот, тянутся вверх, будто хотят что-то нащупать и поглотить... противно очень на это смотреть. Не кусок асфальта, а прямо животное какое-то вроде этой, как ее... амёбы.

А что там за «зыбью»?

Мечу еще одну гаечку. Скоро их у меня не останется, буду кидать что попало. Так, вроде чисто... А «шнек» неистовствует. Ладно, молчи, не уговоришь, все равно я буду пробовать...

Новая гайка ложится на «зыбь», и та, втянув ее, успокаивается. Десять-пятнадцать секунд в прошлый раз длилось ее спокойствие, ну а в этот раз будет сколько?

Засаекаю время. Одиннадцать секунд. Прекрасно.

– Слушай, – говорю я Вычету. – Сейчас я сделаю этот номер еще раз, и мы перебежим вон туда примерно... Да, вот за ту трещину. И ни на пять дальше. От меня не отходи. Потом... посмотрим, что потом. Если со мною что случится, помни; общее направление – вот туда. В корпус не суйся, обогнешь его слева, а там уже сам будешь смотреть, куда идти. Может, лучше по открытому, а может, по переходам, вон они какие длинные... Это уж ты сам сообразишь, да и «шнек» подскажет, если уцелеет. Если тебе повезет, пробирайся к «свободовцам». Понял?

– Понял. Но лучше бы с тобой ничего не случилось... Это да. Самому хочется.

***

Машинный зал чудовищен уже одними размерами, что снаружи, что внутри. Такую длину могла бы иметь взлетная полоса аэродрома какой-нибудь местной авиалинии. А еще он пугает пустотой и таящейся в пустоте угрозой. Застыли громадные механизмы, целые и полуразрушенные, и мне совсем не кажется, что они мертвы. По-моему, здесь всё живет какой-то своей медленной жизнью, никому не нужной и до жути непонятной. Неторопливо пульсируют прилепившиеся к стенам безобразные бурые наросты, свисают с труб под потолком косматые бороды какой-то дряни и просто сталактиты, а вон та бесформенная сволочь, прилипшая к потолку, по-моему, слегка светится. И тишины здесь нет. То и дело непонятно откуда доносятся звуки – скрипы, дребезг металла и будто бы тяжкие вздохи. Воздух насыщен неприятной влагой, на полу масляно отсвечивают лужи. С потолка и труб под потолком капает вода и с такой силой шлепает о пол, как будто кто-то капает мне на макушку, – противно, нервно и мучительно. Иногда капель прерывается, и тогда слышно гулкое эхо наших шагов. Жутенько. На волю хочется.

А на воле – ливень с грозой. Таких гроз я и не видывал, хотя грозы над Зоной – обычное явление в любое время года. Налетит сизая туча на серое небо, погромыкает, посверкает молниями и выльется коротким ливнем. Гроза как гроза, единственная опасность – подхватить насморк, вымокнув до нитки. Но то гроза над Зоной вообще, а эта над ЧАЭС. Почувствуйте, как говорится, разницу.

Мы почувствовали ее вполне, несмотря на то, что угодили только под самое начало. Первым порывом ветра Вычета сбило с ног и укатило бы неведомо куда, скорее всего в ближайшую аномалию, если бы я не умудрился удержать его и себя. Потом стали бить молнии – в торчащую трубу, в энергоблоки, в Саркофаг, в любой мало-мальски пригодный для битья предмет, включая поваленный набок подъемный кран, и плевать тем молниям было на то, что порядочные молнии быют в возвышенные предметы. Эти били всюду, будто подвергали территорию ковровой бомбардировке. Я оглох и почти ослеп, и если нам все же удалось укрыться в какой-то соединяющейся с машинным залом бетонной кишке, то моя заслуга в том была невелика. Просто везение. Вымокнуть-то мы, конечно, вымокли, причем до нитки и всего за пару секунд – такие разверзлись небесные хляби, – но это уже мелочи. Подумаешь, вода! Сталкеру иной раз и в дерьме ползать приходится, а коли брезглив, так сиди дома.

Без «шнека» мы не дожили бы до ливня, это точно. Я устал дрожать, мне осточертел комариный писк бесценного артефакта, но зато мы прошли через такое скопище аномалий, что рассказать об этом в «Харчах» – никто не поверит. Кроме одного «разлома» (кстати, детектор его честно засек), все аномалии были незнакомых типов. Особенно запомнилась раздавленная стрела поваленного башенного крана и раздавленные же человеческие останки рядом с нею. Какой пресс там поработал, что был за человек – неизвестно. «Шнек» почему зря пищал и гонял мурашки по моей спине, да разве у меня глаз нету? Нужнейший, полезнейший артефакт, но глупый. Расплющенный в лепешку труп только слепой не заметит, и я уж не говорю о запахе. Недавно это случилось, не далее нескольких дней. Слишком недавно, чтобы я мог надеяться, что аномалия за это время как-то рассосалась сама собой.

– Внимание, – шепчет Вычет мне на ухо. – Человек.

Мы прячемся за кожух какого-то механизма. Нет, это не человек идет по машинному залу из одного его конца в другой. У Вычета проблемы с терминологией – идет типичный зомби из «Монолита». Не нас ли он ищет? А если нас, то что? Открывать здесь огонь мне совсем не хочется, сбежится весь «Монолит». Снять его ножом?

Зомбак проходит мимо. Он совершенно безучастен, неслышно бормочет что-то себе под нос, безучастно глядит под ноги и не собирается изображать ищейку. А ведь зомби – не только руки контролеров, но и глаза. Насущный вопрос: знают ли о нас контролеры «Монолита»? Если нет, то как мы должны вести себя, чтобы они не встревожились? Если да, то чего им надо? Один-единственный толковый снайпер расправился бы с нами играючи, вон сколько удобных позиций. Может, зомбированные вожди зомбированного клана полагают, что мы ищем Монолит, и готовы пропустить нас к нему, раз уж нам так не терпится обжечь крылышки? Тогда они скоро поймут свою ошибку.

Итак. Объект, называемый Монолитом, находится где-то возле Четвертого энергоблока – по крайней мере так меня уверяли все, с кем я разговаривал на эту тему. Значит, к Четвертому блоку мы не пойдем. Я и раньше был готов поставить десять к одному за то, что Монолит – обманка, дурилка для простачков, а теперь уверен в этом абсолютно. Именно дурилка, потому что зомби и есть дурак. Кто-то додумался поставить в самом сердце Зоны красивый муляж, оснащенный самым заурядным пси-излучателем. Дешево и сердито. Зоне – защита, «Монолиту» пополнение личного состава. Вопрос, собственно, один: кто это тут такой умный? Кто контролер над контролерами? Кому позволено жить здесь, не до конца утратив разум?

Не решить мне этой задачки, да и Вычету, наверное, ее не осилить. И хрен с ней, будем просто делать свое дело. Авось как-нибудь прорвемся.

Первый энергоблок от нас направо, Второй и последующие – налево. Зомбак прошел направо.

– Пошли, – тихонько шепчу я Вычету.

– К Первому? – так же шепотом переспрашивает он. – Точно.

– Погоди. – Вычет что-то прикидывает в уме. – Пошли ко Второму.

– Это еще на кой хрен?

– Логика. Если всей Зоне известно, что Монолит находится где-то близ Четвертого блока, а половина сталкеров уверена, что Монолит обманка, то где, по-твоему, должен находиться настоящий Исполнитель Желаний?

Ну что за вопрос? Ребенком он меня считает, что ли?

– Около Первого энергоблока, – отвечаю я. – Или вообще не здесь, а в другом месте.

– Правильно, – удовлетворенно кивает Вычет. – Нормальный человек так и подумает. Поэтому могу держать пари, что возле Первого энергоблока Исполнителя Желаний нет. Я бы осмотрелся возле Второго.

Может быть, он и прав. Во всяком случае, мысль здравая. Возле Четвертого энергоблока я точно не стану искать Исполнителя Желаний, и возле Третьего, почти впритык упершегося в Четвертый, тоже воздержусь пока. Остаются Первый и Второй. Кстати, Второй ближе к нам. Начать надо с его центрального зала, или как там называется у ядерщиков то набитое приборами помещение, откуда управляют реактором?

– Ладно, держись за мной.

Я все еще прикрываю его – по привычке, что ли? «Шнек» молчит, да и мое чутье указывает лишь на общую опасность, а не на конкретные ловушки. А общая опасность – это пуля от зомбака, массированный пси-удар по всей территории ЧАЭС или что-нибудь в этом роде. Неизвестно, откуда она придет, и какая разница, кто из нас двоих торит путь, а кто топает сзади? АН нет, я опять вылез вперед. Врать не стану, мне страшно, но предложи мне кто-нибудь мгновенно перенести меня в безопасное место за Периметром – расхохочусь дурню в лицо и в него же плюну. Никуда я отсюда не уйду, пока не узнаю, существует ли на самом деле Исполнитель Желаний. Я так долго убеждал Вычета, что он точно существует, что сам почти поверил в это. Неужели обманул сам себя?

Идем тихо, стараясь держаться в тени. Откуда здесь гени? Оттуда же, откуда и свет, – потолок машинного зала слабо флуоресцирует, но не однородно, а как-то пятнами. Светятся и стены, только еще слабее, причем тем слабее, чем ближе к полу. Не знаю, что заставляет их светиться, не моего ума это дело, но вряд ли обычная радиация. Наверное, свечением проявляет себя та самая сочащаяся понемногу аномальная энергия, о которой никто ничего толком не знает, зато микроорганизмы ею всю пользуются, аж светятся от удовольствия. Взять со стены соскоб – ему же в глазах ученых из Янтаря цены не будет! Наверное, там плесень какая-нибудь необычная. Можно поторговаться и выбить себя неплохие бабки, одна беда: никакие блага темные не заставят меня дотронуться до этих стен без острой нужды. Да и не за плесенью мы сюда пришли.

Ни единой души на нашем пути. Верчу головой во все стороны и не вижу явной опасности, хотя чем дальше я здесь нахожусь, тем меньше мне нравится это место. Главное, звуки-то откуда идут, все эти стоны-вздохи? Верил бы я в чертовщину, так обязательно решил бы, что этак жалуются на судьбу неприкаянные души погибших сталкеров и всяческие привидения. Может, тогда мне стало бы легче, потому что иной раз поганое объяснение лучше, чем никакое.

Не машины же издают эти звуки! Тут до черта всевозможных конструкций, частью разрушенных, частью целых, но мертвое железо таких звуков издавать не может. Я знаю, на что это похоже, – на то, что мы бредем по внутренностям непонятного гигантского организма и слышим бурчание в его кишках... Блин, это я от Вычета набрался идиотской пытливости. Ну на кой хрен мне знать, что такое этот машинный зал и какую роль он играет в феномене, именуемом Зоной?! Мне надо знать только две вещи... нет, три: где находится Исполнитель Желаний, как подобраться к нему и как потом унести оттуда ноги. Больше ничего. Будь проще, сталкер Чемодан, и тогда, возможно, тебе удастся то, что не удавалось другим.

Такой большой зал, такой длинный... Неужели Зона не приготовила в нем какой-нибудь гадости специально для нас? Не могу поверить в то, что последний рубеж ее обороны уже позади.

Правильно, не верь. Зона только и ждет, чтобы человеческая букашка поверила в свое

счастье, а тогда – хлоп! – и нет букашки. Любимое развлечение Зоны.

Хлоп!

В смысле – бабах! Одиночный хлесткий выстрел, и сразу за ним – несколько захлебывающихся, будто пытающихся обогнать друг друга очередей. Это впереди, примерно там, куда мы идем. Рефлексы работают правильно – в одно мгновение мы уже в укрытии, в тени, замерли, нет нас. Здесь нетрудно спрятаться в лабиринте разорванных, гнутых, только что узлом не завязанных труб. Банг! – звонкий рикошет. Хорошие попались трубы, толстые и надежные, пуля хрен пробьет. Что им пуля, если они выдерживали сумасшедшее давление пара и совсем не проржавели с тех пор, а порвал их и узлом завязал уж точно не пар и не человеческое оружие!

А стреляют-то не в нас! Близкий рикошет – это так, случайность. Ду-ду-ду! Ду-ду-ду! Теперь бьет лишь один автомат, и стрелок экономит патроны. Гуляет эхо. Так, совсем смолкло... Главное, вот в чем подлость: не видно, кто с кем воюет. Ну, одна сторона, это, конечно, «монолитовцы», больше некому, а другая? Еще один сталкер прорвался в ЧАЭС одновременно с нами? Ой, не дурите меня, не верю я в такие совпадения. Зона, как всегда, умеет озадачить. Покуда мне ясно только одно: надо сидеть тихо, пока там идут разборки. Нам в них соваться не резон.

Хотя очень интересно: чем там у них дело кончилось?

Удивительно: чужая перестрелка вновь взбудрила меня, будто кто стимулятор ввел под кожу. Мозг ясен, тело слушается, свинцовая усталость куда-то делась. Это ненадолго, я себя знаю, но все равно такой поворот в организме мне нравится. Жаль только, что сейчас нам надо тихо сидеть.

Сидим минуту, другую... Тихо. Не то рассеялись невидимые стрелки, не то затаились по укромным местам, как тараканы. И как мы кстати. Ладно, посмотрим, кто из нас более терпеливый. Что лучше всего умеет порядочный сталкер? Правильно, терпеть и ждать.

Вычет этого не понимает. Молодой еще. Толкает меня легонько в поясницу – не пора ли, мол?

– Сиди... – цежу сквозь зубы, и кажется мне, будто шепот мой отдается эхом по всему залу. Игра воображения. Хрен там что отдастся.

Ду-ду-ду! – еще одна скупая очередь. И нет на нее ответа, и вновь тишина.

Не скажу, что мне это нравится. Что там происходит? Кто палит, в кого?

В ближайшие пять минут не происходит ничего. Ну хорошо, уговорили, попробую высунуться... Так. На мои шевеления все плевать хотели. Перебегаю за чудовищно громадный кожух генератора, иду вдоль, перебегаю еще – и ничего! Не верю, что нас не видят, должны видеть! Но то ли сознательно игнорируют по неизвестной мне причине, то ли ждут, когда я подберусь поближе. Ну ладно, вот он я, иду и в тень не прячусь, ловите меня в прицел...

И впрямь иду, даже автомат опустил. Сам не знаю, что это на меня нашло, почему я рискую так глупо, но откуда-то знаю: так и надо. Уверен без аргументов. Лишь одна-единственная мысль жужжит в мозгу, как муха: «Может, так и ловит Зона простачков?» Гоню назойливую тварь.

Шагов пятьдесят прошел открыто, как по бульвару, – и ничего. А впереди уже видны какие-то разветвления, какие-то лестницы, ведущие вверх и вниз, искореженное железо, груды хлама... Не там ли шла перестрелка? Нет, дальше. Но хорошее место и для обороны, и для засады. Если там кто есть, то вот он я, легкая мишень. Самый тормознутый зомбак может стрелять на выбор – в голову, в сердце, в печень. Ребенок, и тот не промахнет.

Только в гениталии не надо, очень это больно.

Наверное, им нужен Вычет, потому и не трогают меня – ждут, когда я разрешу ему выйти из укрытия. Хотя... несерьезно это как-то. Ну, положили бы меня, а Вычет – боец аховый, он в Зоне только начальную школу прошел, особых проблем у противника с ним не было бы... Короче, ничего не понятно.

Вот и груда мусора – в этом месте произошло частичное обрушение потолка. Никого.

Широкий коридор ведет направо и заканчивается могучей стальной дверью. Опять никого. Ага, дальше еще одно ответвление и ход вниз...

Где противник?

Очень сильно мне это не нравится, верчу головой во все стороны и вдруг вижу – Вычет идет ко мне. Кретин! Машу ему рукой – прячься, мол, и нишкни, пока я не разобрался, – да куда там!

Врезать бы ему за такие дела промеж глаз, да рука не поднимается.

– Слышишь? – спрашивает он. – Что?

– Стоны вроде. Там.

Ничего я не слышу, а «там» – это, похоже, в центральном зале Второго энергоблока. Тем лучше. Нам все равно туда надо.

Знаком показываю: за мной держись. На пути очень много хлама – обломки металлоконструкций смахивают на противотанковые заграждения, разбитая и сорванная облицовка стен перемешана с прочим мусором, припорошена пылью. Да-а, эпицентр Второго взрыва был, конечно, не здесь, но по этим переходам дунуло воздухом так, что человека попросту размазало бы, как комара. Впрочем, это дело давнее, зато следы грубых ботинок в пыли и стреляные гильзы – свежие. Можно подобрать одну и понюхать, да и так ясно. «Мслолитовцы» зажали кого-то в центральном зале. Кто-то отбивался. Судя по тому, что здесь никого нет, дело кончилось.

Гм, не совсем... Теперь и я слышу стоны. Так может стонать сильный человек, если дела его плохи, а вокруг пусто и никто его не услышит. Тот парень не Хвост, он не работает на публику. Ему просто-напросто крепко досталось.

Жестом приказываю Вычету следовать за мной на расстоянии нескольких шагов и зря не подставляться. В центральном зале светлее, чем в машинном, – наверное, всякие там святящиеся микроорганизмы, обжившие потолок, стены и разбитые приборные панели, ошалели от недавней стрельбы и протестуют по-своему. Спускаюсь по металлической лестнице. Меня видно, но и я вижу.

Слой мусора на полу, а на нем – человек в истрепанной, пропитанной кровью форме «Долга». Рядом с ним валяется автомат, и «долговец», увидев меня, страшно скалится и тянется к оружию. «Не надо», – внушительно говорю я ему, но это лишнее. Усилия раненого тщетны.

На всякий случай отталкиваю автомат ногой подальше. Рядом валяется окровавленная финка, но она пусть лежит, ей можно. Похоже, ни пистолета, ни гранат у «долговца» нет, во всяком случае, его руки скребут пыль и никуда не тянутся. Он скоро умрет.

Но он узнал меня, я это ясно вижу. Узнаю и я его – изможденного, небритого, умирающего... Бессильного что-либо сделать со мной, зато ненавидящего меня с такой силой, что даже смерть спотыкается и притормаживает на пути к нему.

Вот как ты собой распорядился, Виктор. Да, ты настоящий «долго-вец», если прорвался на территорию ЧАЭС. Но здесь и ты ничего не смог, потому что сила солому ломит – «монолитовцев» много, а главное, они на знакомой территории. На этот раз они не стали терять личный состав в ненужной им перестрелке, а поступили проще и эффективнее. Почувствовал ты пси-излучение, да и кто из живых его не почувствует, дернулся туда, дернулся сюда, а когда понял, что кранты наступают, когда сквозь адскую боль ясно стало тебе, что еще немного – и перестанешь ты соображать что бы то ни было, тогда ты сделал последнее, что мог сделать, чтобы не стать безмозглым рабом. Корчась, пырнул себя, целясь в сердце, чуток промахнулся, от жуткой боли это бывает, но все равно добился своего и умрешь. Уважаю. Правда, Зона еще и теперь может сделать тебе подлянку – например, сфабрикует из тебя такого же дубля, как Француз. Может, станешь ты ручным дублем и в таком качестве пополнишь ряды «монолитовцев», а может, окажешься неуправляемым и станешь таким же шатуном, как Француз... Так что, Виктор, желаю я тебе смерти без послесмертия. И ты себе того же желаешь, я знаю.

Губы умирающего приходят в движение. Я опускаюсь возле него на колено.

– До... добей, – еле слышу.
– Ты и так умрешь.
– До... до...
– Сделай, как он просит, – требует Вычет, отводя взгляд. Ему жаль умирающего.
Можно подумать, мне не жаль!
– Добью, если ответишь мне на один вопрос. Не можешь говорить – глазами покажи.
Ты пришел сюда за нами?

– Да...
– Убрать нас хотел? Понимаю. Но как ты нас нашел? Откуда знал, где и когда нас ждать
В ответ только хрип. Это агония. Похоже, ответа на мой вопрос я не получу. Виктор закатывает глаза, он уже по ту сторону, его нет, одно только тело еще цепляется за этот мир. Незачем добивать. Ну вот и все, ты уже там. Не повезло тебе, Виктор из «Долга», прости, что не знаю твоего прозвища, но мужик ты был отчаянный. Дошел ведь. Не знаю, твоя ли была инициатива или ученые тебя послали... Наверное, они. Отследили как-то наши перемещения, просчитали что-то там такое, шибко логическое, проинтегрировали, продифференцировали и поняли, что не надо подпускать нас к цели. Интересный, мол, вышел эксперимент, но пора его сворачивать, а то мало ли что... Вот тебя и послали рубить концы, то есть попросили, потому что вряд ли кто может тебя послать... Но ты, как настоящий «долговец», согласился, потому что служение порядку для тебя превыше всего, и тебе почти удалось невозможное. Ты был очень близок к цели. Вмешались «монолитовцы», и что ты один мог против них сделать? Когда их контролер понял, что в честном бою ты дорого продашь свою жизнь, он просто отозвал зомба-ков и ненадолго задействовал пси-излучатель. Грубо, зато беспробитно. Когда шуруп не желает закручиваться, его забивают молотком.

Стоп! Это что же выходит – «монолитовцы» на нашей стороне?

Глава 15.

Исполнение желаний

Как-то иначе должны быть устроены мозги у человека, чтобы разобраться во всей этой дикой каше. С самого начала все шло не так, как я ожидал, и продолжается не так. Честно сказать, я и сам не знаю, чего я ожидал внутри ЧАЭС, но уж точно не таких парадоксов. То, что зомби «Монолита» расправились с «долговцем», – не диво, они всегда так делали, но то, что они не трогают нас, – настораживает и даже пугает. Нонсенс, как сказал бы Вычет. Может, для нас они приготовили что похуже?

Однако Исполнителя Желаний в окрестностях Второго блока нет. Мы осматриваем еще несколько помещений, суем нос во все закоулки, и везде одно и то же: развороченные пульта, разбитые приборы, пучки оборванных кабелей, грязь, маслянистые лужи, мерзость и запустение. Вычет заметно обескуражен.

– Ну, ошибся, бывает, – бормочет он и конфузится, глупый, от того, что ошибся.

А я понимаю: он вовсе не храбрец, не позволяющий страху взять над ним верх. Страх в нем вообще больше нет. Он был поначалу, с непривычки многое в Зоне пугало моего напарника, и это было совершенно нормально, а как прошла первичная адаптация – конечно, испарился страх. И это уже совершенно ненормально! Кто ничегошеньки не боится? Только круглый дурак да еще самоубийца.

Не вылечила, значит, Вычета Зона...

– Аида Первый энергоблок смотреть, – говорю.

Он не возражает. Мы идем назад прежней дорогой. Путь знаком, а расслабляться нельзя ни в коем случае, об этом скажет новичку любой сталкер. Да и альпинисты чаще гробятся на спуске, чем на подъеме. Кто, находясь еще в пути, думает, что сделал уже сто

процентов дела. тот такой же дурак. Ну или самоубийца.

И вот подтверждение: свежие следы. В этом месте коридора пол свободен от обломков па протяжении нескольких метров, и луж на нем нет, но пылью он, конечно, припорошен в лучшем виде. Видны следы зомбаков, поверх них наши с Вычетом следы, а уж совсем сверху идет еще одна следовая цепочка. Кто-то тихо прокрался за нами и так же тихо удалился, оставшись незамеченным. Та-ак!..

– Нас пасут, – указывая на следы, шепчу тихонько Вычету.

На него это не производит никакого впечатления – мол, а ты-то чего хотел? И я вдруг ни к селу ни к городу вспоминаю одну ночь в Янтаре. Я уже давно спал на своем топчане, завернувшись в одеяло, когда пришел Вычет. «Свет выключи», – буркнул я ему, натянул одеяло на нос и продолжил просмотр снов. Но уже под утро я проснулся от странных звуков, перевернулся на другой бок, желая понять, в чем дело, – и звуки сразу пропали. По-моему, Вычет плакал, тогда я не спросил его ни о чем, а сейчас уверен в этом. Плакал он о своей Кате, которую не вернуть, не очень-то он верил с самого начала, что у Зоны можно допроситься чуда, и завыл бы в голос от неисполнимости мечты, если бы не дрых никто на соседнем топчане. Ну что может Зона? Сфабриковать дубля Кати? Примерно такого же, как Француз, то есть без памяти? Даже хуже, чем Француз, потому как Француз все-таки был сталкером, бродил по Зоне, и Зона в принципе могла бы просканировать его башку, пока тот еще был жив, и наделить дубля хотя бы частью личности оригинала. Так ведь даже этого не было сделано! Сущие крохи достались Французу-дублю, курам на смех. А что досталось бы дублю Кати, если Зона вообще ее не знала? Манекен бы вышел с простейшими рефлексами, он бы и ходить, наверное, не смог...

Правда, есть еще – точнее, чисто теоретически может прятаться где-то тут – Исполнитель Желаний, а это, надо думать, совсем иное дело. Откуда мы можем заранее знать, что ему не по силам сделать чудо? Вот то-то и оно. Ничего мы не знаем – можем лишь предполагать и надеяться. Тогда почему Вычет так убийственно спокоен? По идее, сейчас он должен быть возбужден до предела, подсигивать на месте он должен и рваться вперед, пощеничьи поскуливая! Однако не рвется, и мне не приходится его держать. Может, перенапрягся? Так тоже бывает. Вымотался физически, да и удивляться устал... ну и вот. Не могу обещать ему отдых. Здесь не Янтарь и не база «Свободы» в Припяти, не завалишься в теплую койку.

Ничего, парень, сейчас ты получишь ответы на все вопросы. Существует ли на самом деле Исполнитель Желаний, нет ли, а если существует, то на что он способен – скоро мы это узнаем. Держись! Если бывают на свете чудеса, то получишь ты назад свою ненаглядную Катю. Если нет чудес – ну, тогда я уж и не знаю, какое еще средство к тебе применить. Но покуда я с тобой, самоубиться я тебе не дам, не мечтай даже!

Проходим мимо той дыры, через которую мы проникли извне в машинный зал. В пределах видимости по-прежнему ни души. Ну, стоны, охи, железный гул и прочее звуковое оформление для меня уже в порядке вещей, как и льющийся сверху слабый свет. Здесь так принято, а я в чужой монастырь со своим уставом сроду не совался. Но фонарик на всякий случай держу наготове и вообще не расслабляюсь. На фу-фу меня не возьмешь.

Это я как успокаиваю себя. Надеяться не вредно.

Не видно больше никаких следов, потому что какие же следы на мусоре? Мусор – он мусор и есть. Много чего валяется, начиная с обломков времен Второго взрыва и кончая не такими уж давними экспонатами. Вон куртка сталкерская лежит, скомкана, сопрела вся от сырости, мохнатая плесень на ней выросла, а вон кости чьи-то. Не хозяина ли куртки?

И на костях та же волосатая плесень. Вот ведь дрянь.

Как это Вычет опростоволосился со Вторым энергоблоком? На всякого мудреца, выходит, довольно простоты. А если Исполнителя Желаний не окажется и в Первом блоке, тогда что? Пойдем к Третьему? Вычет пойдет, и мне придется идти с ним. А рядом с Третьим блоком Саркофаг, и где-то поблизости Монолит, если только правдивы сталкерские байки. В данном случае, наверное, правдивы в основе. В Монолит я верю железно, он

существует, и он где-то там. И от него нам надо держаться подальше, потому что никакой он не Исполнитель Желаний, это даже Сидор понял.

Но если вообще нет в Зоне Исполнителя Желаний, то что тогда? Этот случай мне почему-то кажется маловероятным, но все же и его полезно заранее обмозговать, пусть и не хочется делать таких предположений... Тогда только два возможных варианта: либо мы долго ищем, ничего не находим, и Вычет с горя лезет в первую же «мясорубку», потому что такие вот тихони и есть самые упрямые упрямцы, либо еще до окончания поисков Зона поступит с нами, как поступала с другими. Второе вероятнее, но первого я почему-то боюсь больше...

Стоп! Тихо! Молча делаю жест рукой, и Вычет послушно замирает чуть позади меня. Что-то опять не так, а что – как всегда, не пойму сразу. Но что-то изменилось вокруг нас, это точно, и я не могу понять, опасно это для нас или нет? «Шнек»? Молчит «шнек». То ли нет опасности, то ли бесценный артефакт опять впал в летаргию.

– Сухо, – еле слышно шепчет Вычет.

А ведь он прав. Только что воздух в машинном зале был студен и влажен, с потолка капало, под ногами блестели лужи, а теперь все иначе. Во-первых, стало немного теплее, а во-вторых, воздух сухой, как летом в степи, когда два месяца не было дождей. Ненормальная какая-то сухость, неприятная и пугающая. Главное, с чего бы ей взяться, если между сырой и сухой частями машинного зала нет никаких перегородок, ни видимых, ни осязаемых?

– Давай-ка назад. Медленно.

Пятимся. Нормальные герои всегда идут в обход – это мы слыхали. Нет, я не герой, тем более не нормальный, раз забрел сюда, но я бы с удовольствием избрал обходной путь, если бы он здесь был. Нет, чисто теоретически он существует – выбраться из здания наружу, пройти территорией, найти другой вход или лаз в машинный зал...

Наше счастье, что я не теоретик, а практик. Следовательно, твердо знаю, что нет у нас обходного пути. Вне здания аномалии нас угробят, а в лучшем случае мы потыркаемся туда-сюда без всякого толку и все равно вернемся сюда же, но уже до предела измученные. Бери нас тогда голыми руками.

Ноздри опять чувствуют влажный воздух. Два шага вперед – там сухость, два шага назад – сырость. В чем подвох?

– По-моему, это безопасно, – не очень уверенно молвит Вычет.

Я не обращаю на него внимания. «Шнек» по-прежнему молчит. Детектор ничего не показывает. Дозиметр... ого! Но вот какая штука: его показания почти одинаковы что в сырой, что в сухой зоне, причем в сухой зоне они ниже. Это уже превосходит мое разумение.

Не хочу идти вперед.

– Я пойду, – выждав минуту, теряет терпение Вычет. Неужели он не чувствует, что туда нельзя?

А ведь не чувствует. Подумаешь, мол, воздух сухой, эка невидаль!

– Стой, – говорю через силу. – Вместе пойдем.

– Тяжело? – Он участливо заглядывает мне в лицо. – Может, подождешь меня здесь, а я один сбегать?

– Нет... – У меня не хватает сил даже на то, чтобы обругать его. Сбегает он, видите ли! – Вместе...

– Тогда я впереди.

Покорно киваю. Что со мной? Пусть кто-нибудь придет и объяснит мне, какая зараза в меня вселилась! Почему едва волочу ноги?..

Удар! Неожиданно. Без предупреждения. Зато с сокрушительной силой.

Падаю на колени. Голова раскалывается, мозг пылает, и боль, боль адская! О-о, я хорошо знаю эту жаровню в черепе, пси-излучение ни с чем не спутаешь. Все плывет перед глазами, но в стремительно сужающемся поле зрения я вижу Вычета, он кричит мне что-то, беззвучно кричит, ничего не понять. Звук включи! У-у-у!.. О-о-о... Кто-нибудь, прекратите это, я же не выдержу, я уже вою от боли, неужели она станет еще сильнее?..

Ползу куда-то – или мне только кажется, что ползу? Не чувствую ни рук, ни ног, весь мир превратился в одну пожирающую меня боль. Где Вычет?! Не вижу его. Вообще ничего не вижу. Помогите мне кто-нибудь, я же свихнусь от этой пытки!..

Медленно-медленно возвращается сознание. Не как в прошлый раз – иначе. Пожалуй, приходиться в себя мне даже приятно, вот только что значат эти зеленые круги перед глазами? Они есть или только мне мерещатся? Пшли отсюда! Жмюрюсь, мотаю головой, матерюсь для облегчения души. Кое-как встаю, распрямляюсь... Ага, нет кругов! Я жив, я в сознании, я еще не зомби!

А Вычет?

Он стоит шагах в десяти от меня и даже губу закусил от участия. Вот сукин сын! Меня шарахнуло пси-излучением, а его нет! Ну точно, везунчик. Любимец Зоны, каких еще не бывало. Странно только, что Зона еще не сыграла с ним свою коронную шутку с летальным исходом.

– Как ты? – спрашивает он.

– Нормально... – отвечаю, тяжело дыша. – А ты?

– В порядке. Не вздумай ко мне подойти – между нами пси-барьер.

– Что-о? – Никогда не слышал ни о каких пси-барьерах. Накрыть пси-излучением территорию Зона может, пустить излучение веером для нее тоже несложно, и «монолитовцы», похоже, это могут, и даже ученая банда из Янтаря на это способна, но чтобы какой-то барьер лег узкой полосой? Чтобы одного человека пси-излучатель пропустил, а второму перекрыл доступ? Так не бывает.

Молча делаю шаг.

– Не подходи ко мне, говорю, -с тревогой говорит Вычет. -Барьер.

Чушь! Ну, ударило разок... Не в первый раз. И не в последний, наверное.

– Ты хоть медленно иди! – умоляет Вычет. – И чуть что...

Чуть что – вспять? Не учи, сам знаю! Именно это и происходит. Повторный удар по мозгам отшвыривает меня назад. Мышцы среагировали сами, но сократились как надо и когда надо. Ничего удивительного. Одна из сталкерских заповедей: не верь в невероятное сколько хочешь, но будь к нему готов, потому что подлюка Зона все равно хитрее тебя. На сей раз я не валюсь с ног – меня просто пошатывает. Ничего, сейчас пройдет.

– Убедился? – говорит Вычет.

– Предположим... – бурчу я. – И что дальше?

– Дальше я пойду один.

Он пойдет один! Куда? До ближайшей западни? А я, значит, буду сидеть тут и ждать его, не в силах вмешаться? Очень мило.

– Я только разведую и сразу вернусь, – утешает меня Вычет. -Честное слово, вернусь.

Он бы еще сказал «честное пионерское»! Молчу. У меня на лице, наверное, все написано.

– Я должен... – повторяет Вычет.

– Ладно, – говорю, – иди уж...

– Ты только будь здесь, – торопится он выплюнуть слова. – Ты никуда не уходи...

Ну не кретин ли? Куда ж я денусь? Меня даже нельзя вынудить уйти отсюда – некуда мне уходить. Чего я не видел в той стороне машинного зала? Наоборот, «монолитовцы», если попрут оттуда, могут легко прижать меня к пси-барьеру, и песенка сталкера Чемодана будет спета. Не самое лучшее место для ожидания. Правда, вон та куча мусора худо-бедно сойдет за укрытие, и у меня еще есть чем отбиваться. Минут па пять, пожалуй, хватит.

– Иди, сказано!

Он уходит, оглядываясь, и мне хочется на него прикрикнуть. Зачем опять оглянулся? По сторонам смотри, не на меня! Лопух, как есть лопух! Если нас пасут, если с нами играют, если нас нарочно разделили, то как можно позволять себя лишние телодвижения? Тьфу! Еще бы автомат на плечо повесил и руки в карманы засунул!

Некоторое время я еще вижу Вычета, потом его силуэт растворяется в полумраке. С

противоположной стороны вроде тихо, мне еще дают пожить. Что ж, воспользуемся этим.

Ждать и догонять – - что может быть хуже? Почему-то одно в фольклоре приравнивается к другому, а по мне, ждать намного хуже, чем догонять. Догоняя, ты все-таки занят, и нет у тебя времени на ненужные мысли.

Сигареты отсырели и крошатся, однако нахожу одну пригодную и пускаю дым. Чем еще заняться, когда нечем заняться, а спать нельзя? Если ожидание затянется, я еще и выпью глоток-другой, благо в рюкзаке есть бутылка огненной воды, тщательно завернутая в тряпье и потому, надо думать, не разбившаяся. Торопиться с этим делом я не буду-растяну удовольствие от предвкушения...

Как там «шнек»?

Молчит, если отойти от пси-барьера, и назойливо пищит, если подойти к нему, да и мурашки исправно гоняет по телу. Все-таки не сдох, что отрадно. И все равно – странно. Неужели в этом громадном здании нет ни одной настоящей ловушки?

А что, и такое может быть, если подумать хорошенько. Ловушек без числа на подступах к ЧАЭС, а здесь, вблизи, только «монолитовцы» и пси-излучатели. Ну и сам Монолит в качестве ложной цели, разумеется. Подумать только! Сколько лет рвались к нему сталкеры, теряли напарников и сами гибли, истребляли врагов и предавали друзей, дерьмо жрали и по дерьму ползали, чтобы только дойти, доползти, прорваться... Некоторые и прорывались, а зачем? За своим сокровенным, конечно. Ага! Так оно, сокровенное, и ждало их у Монолита! Сколько отчаянных голов потеряло там свои мозги – я себе представляю! А сколько лет прошло, прежде чем среди сталкеров начало крепнуть убеждение «Монолит – это ловушка», я просто знаю. Порядочно лет прошло, многих за эти годы сгубила вера в легенду и в чудо. Значит, с точки зрения Зоны, Монолит себя оправдал, нет?

Да. Если только у Зоны есть такая странность, как точка зрения.

Он еще и теперь себя оправдывает, потому что до сих пор немалое число людей свято верит в то, что Монолит и Исполнитель Желаний одно и то же. Дурни, конечно, но не мне их винить. А я и не виню. Мне просто жаль их, хотя, казалось бы, чего жалеть дураков, не умеющих фильтровать чужой базар? Байка байке рознь, на десять доз вранья попадает одна доза правды, и поди ее отдели! Опыт нужен, а за опытом в Зону ходить надо, и начинать желательно с толковым наставником, а тут новичку подворачивается Хвост или кто-нибудь еще гаже... Вот и живет байка годами, потому что все, кто мог ее опровергнуть, в земле лежат.

Кончилась сигарета, закурил другую, трещинку в ней пальцем зажимаю. И остальные, отсыревшие да поломанные, не выброшу: табак – он и в таком виде табак. Восемь минут прошло, а Вычета все нет. Главное, не слышно никаких звуков со стороны Первого энергоблока, ни криков, ни стрельбы, только стены машинного зала по-прежнему вздыхают и постанывают непонятно, но уже давно не пугающе. Хочется им стонать – пусть себе стонут, пусть хоть вопят – переживу.

Идет время, течет медленно, сочится еле-еле. Вторая сигарета кончилась. В поле зрения по-прежнему никаких шевелений, и это даже не настораживает, а попросту достало. Не по моей части такие головоломки, пускай Вычет их решает – заодно, может, теорему какую докажет, он на это горазд, а я пас. К бою-то я готов, да только нутром чую: не будет боя. Да и кому он здесь нужен? Если «монолитовцы» могут управлять здешними пси-излучателями, то на кой хрен им подставляться под мои пули? Можно же проще – как с Виктором, дешево и сердито. Да я сам себя по шее полосну, если только пойму, что безнадежно влип и если сквозь адову боль сумею нащупать рукоять мачете!

Проходит полчаса, а Вычета все нет. Он появляется только через час, спокойный и невозмутимый. По сторонам не глядит и оружие держит стволом вниз, как будто все опасности уже позади. Учи его, не учи... Умный лопух. Как был потусторонним, так им и остался.

Долго ли еще он будет ходить в любимчиках Зоны? Поднатужившись, можно поверить в то, что среди множества побывавших в Зоне уродов и уродцев этот настолько уникален,

---

что Зона по сию пору озадачена и ничего не решила, – но лучше я буду верить в случайные совпадения. Тогда по крайней мере не сойду с ума.

– Что-то ты долго, – ворчу.

Он только пожимает плечами – - обстоятельства, мол, так сложились.

– Погодь, – говорю, – а как ты обратно пройдешь? Стой, я сейчас сам проверю, может, барьер уже снят...

– Не проверяй, – говорит Вычет. – Есть барьер.

– Ты-то откуда можешь это знать? – Чувствую.

А, ну это бывает. Сколько раз нашему брату-сталкеру спасало жизнь ненадолго прорезавшееся звериное чутье! Немного странно, что Вычет, оказывается, тоже на это способен, хотя, казалось бы, где чутье, а где формулы? Он-то небось всю жизнь логикой пользовался, любой случай подгонял под теорию, а на чутье плевал.

Ладно, о барьере потом подумаем, а пока...

– Нашел что-нибудь?

– Нашел, – кивает Вычет. – Оно там.

– Повтори! – требую я по прошествии секунды. Мне нужно время, чтобы осознать и поверить.

– Я нашел то, что искал, – на редкость бесцветным голосом подтверждает Вычет.

И сразу обильный пот со лба заливает мне глаза! Господи... Неужели?... Свершилось чудо – мы дошли, достигли цели, и это только самое начало, мы стоим на пороге чего-то огромного и удивительного...

– Где?! – выдыхаю я.

– Там... – Вычет неопределенно указывает большим пальцем за спину.

– В главном зале Первого энергоблока?

– Нет.

– А где?

Он вздыхает.

– Пожалуй, лучше тебе этого не знать...

Нет, вы слышали? Он будет решать, что для меня лучше, а что хуже! Его счастье, что обстановка не такова, чтобы ссориться.

– Там Исполнитель Желаний? – пытаюсь я уточнить на всякий случай.

– Смотря каких, – туманно отвечает Вычет.

Да он что, загадками, что ли, говорить собрался?

– Ладно, – говорю, – давай прикинем, как мне пройти к тебе. Если здесь нельзя, то, может, через какой подпол? Может, рискнем с наружной стороны, а? Просто так я бы не рисковал, но раз есть ради чего... Или через крышу? Думай давай!

Он качает головой:

– Ты не пройдешь. Никак.

– Еще чего! – возмущаюсь я. – А ты-то как оттуда выйдешь? Где есть выход, там есть и вход!

– И я не выйду.

Стою, беззвучно разеваю рот и вижу: Вычет абсолютно уверен в том, что сейчас мне сказал. А если вспомнить, то мало было случаев, когда он был в чем-то уверен и ошибался.

– Отойди-ка! – рычу я. – Я попробую с разбега, может, проскочу на автопилоте...

– Нет! – кричит Вычет. – Там не только пси-барьер, там еще что-то. Его ты не проскочишь.

– Чувствуешь, что ли, опять?

– Чувствую, – кивает он. – Я теперь многое чувствую. И будь другом, помолчи. У меня не так уж много времени. В любой момент меня могут позвать обратно. В сущности, меня отпустили... попрощаться.

Что же это я наделал такое? И что наделал он?

Молчит Вычет, молчу и я. Соображаю. В смысле, пытаюсь поставить мозги на место, и

плохо это у меня получается. Будто пелена упала с глаз. Как вспомню, где я нахожусь, – дрожь берет. Ошеломляет сама мысль, что я дошел до самой ЧАЭС, проник вовнутрь и все еще жив. И пугает другая мысль: как теперь выбираться-то отсюда?

Нет, сейчас я ничего не придумаю. Спокойная злость нужна, а ее сейчас нет во мне. Впрочем, не будем торопиться, время пока терпит. Успокоимся. Не дадим панике взять верх. Если уж пропадать, то в здравом уме и твердой памяти, как мужику положено, а не как твари дрожащей. А может, еще выберусь.

А Вычет, гад такой, глядит на меня, и мне ясно: все-то он видит, потому что изображать на физиономии не то, что я на самом деле чувствую, у меня всегда плохо получалось, а сейчас я даже не пытаюсь скрыть свой страх.

– Теперь понял? – участливо спрашивает Вычет. – Ты с самого начала был под Зовом и делал то, что требовала Зона. Теперь Зова нет, потому что он больше не нужен. Я ведь вижу, ты чувствуешь, что его нет. Я теперь чувствую, где ловушки, а ты чувствуешь себя человеком, а не... инструментом.

– Врешь, – свирепею я, – никогда я себя инструментом не чувствовал...

– Инструмент и не должен чувствовать, что он инструмент, – возражает Вычет. – Зачем ему ненужное? Чтобы хуже выполнять свои функции? Вспомни, сколько раз я намекал тебе, что ты под Зовом? Ты не желал слушать. Рыба не знает, что живет в воде, и тебе твои действия казались естественными. Но ты делал именно то, что требовала от тебя Зона: бросил дом и жену, помчался в Новосибирск, заставил меня пойти с тобой в Зону, оберегал всячески...

– Помешал тебе в окно сигануть, балда!

– И это тоже, – соглашается Вычет. – Хотя я бы, наверное, воспользовался барбитуратами; десятка три таблеток – и спокойный, мирный сон, никаких брызг на асфальте... Но ответь: зачем ты поехал в Новосибирск?

– Получил письмо.

– И тут же помчался выручать дальнего родственника? Не рассказывай сказок. Можно подумать, мы с тобой были закадычными друзьями! А чего ради ты потащил меня в Зону?

– Захотелось! – выкрикиваю я первое, что приходит в голову.

– Вот именно. Я еще тогда понял, что ты под внешним воздействием, да и чего там было не понять... Пойдем дальше. Давай подсчитаем, сколько раз Зона приходила нам на помощь. Будем считать, или и так ясно?

– Ну, раза два или три, может быть. Гляди со счета не сбейся!

– Эпопея с парашютом – раз. Эпопея с байдаркой – два. – Вычет не обращает никакого внимания на мой сарказм. – Скажешь, чистая случайность, что в нас не попали? А то, что по Периметру был нанесен очень своевременный удар, – тоже случайность? Ты как хочешь, а для меня байдарка – первый бесспорный случай вмешательства Зоны в ход событий. Далее – болото и «шнек» с его замечательными свойствами, крайне полезными для сталкеров. Станет ли Зона подбрасывать такие артефакты кому попало? Часто она тебе их подбрасывала?

– «Шнек» – палка о двух концах. За нее запросто убить могли бы.

– Но не убили же! Еще скажу тебе правду, я ведь нарочно болтал лишнее в Предзоннике. Хотел посмотреть, как нам будут мешать и как отреагирует на это Зона. Как видишь, она нас защитила. Для меня уже тогда это была последняя проверка моей гипотезы, а дальше шли одни только предсказуемые подтверждения...

– Ну и сволочь же ты! – не выдерживаю я.

– Может быть, – не желает спорить Вычет. – А кто виноват в том, что связался с потенциальным самоубийцей? Кто не желал ничего слушать? Послушай хоть сейчас. От моей болтовни сталкеры всполошились, вообще все задержались, кто не хотел перемен... Носорог этот ваш... Но ты, конечно, не внял ничьим предупреждениям, что было вполне прогнозируемо. Потом была охота на нас, а что ее прервало? Выброс. Причем, заметь, отложенный выброс. Большая редкость, если я хоть что-нибудь понимаю в местных феноменах. Зона дала нам возможность укрыться как следует, что мы и сделали. В

Агропроме. Там на нас напали бюеры. Вот ты мне скажи: если бы не полтергейст - добрались бы они до нас?

– Почти наверняка, – вынужден признать я. – Но...

– А потом? – перебивает Вычет. – Почему «долговцы» не расстреляли нас на месте? Потому что с ними был Француз, и он узнал тебя.

– Это я узнал его!

– Но потом и он тебя вспомнил. Благодаря этому обстоятельству нас оставили при лаборатории, а моя математика тут ни при чем, науч-ники Янтаря не сразу поняли, кого к ним занесло... Доказать не могу, но чувствую: Зона создала Француза-шатуну не просто так, а с далекоидущей целью. Она же могла внушить Косте мысль поводить Француза по местности, причем именно в нужный день и час. В результате мы получили отдых и пищу вместо пули. Далее. Когда сталкеры взяли в осаду Янтарь, Зона вмешалась уже грубо – через «монолитовцев». Контролеры «Монолита» согнали к Янтарю всех слоняющихся без дела зомби, добавили своих бойцов и погнали их на убой. Потери были жуткие, но Зона добилась своего: осада была снята, а нас вытурили из Янтаря. Разве не так все было?

– Ты еще скажи, что на следующий день я в «дрожь земли» влетел по воле Зоны, – зло цежу я, – и что Хвоста с Гляпой нам тоже Зона подставила!..

– Вот! – Вычет чему-то рад. – Вот это я и пытался тебе внушить: Зона не всесильна. То есть Хозяева не всесильны, потому что своей средой обитания они могут распоряжаться лишь в ограниченном масштабе. Многое проходит мимо их внимания, а многое просто не в их власти. Еще раз привожу аналогию с квартирой – полностью ли жилец контролирует ее? Каким бы аккуратистом он ни был, ему не под силу вычистить в ней воздух до последней пылинки, и он легко может не заметить какого-нибудь паучка, ткущего паутину в дальнем углу за диваном... Жилец то и дело теряет в ней вещи, забывает, что куда положил, а если бросит следить за порядком, то через месяц его квартира превратится в бедлам, хотя и не перестанет служить жилищем. Но пойдем дальше! Когда нас обнаружил вертолет, не слишком ли вовремя Зона вывела на сцену псевдогиганта? Он ведь нас спас... Стой! Вижу, о чем хочешь спросить: «свободовцы» – они сами по себе или тоже под внушением Зоны? Не знаю. Зато точно знаю, что Хозяева совершенно сознательно загнали нас в бутылку Клейна. Скорее всего Хозяева не могут контролировать все пси-излучатели Зоны, а контролируют только некоторые, хотя возможен и другой вариант: на кратчайшем пути прорыва к ЧАЭС нас могли ждать уже не пси-поля, а что-нибудь по-серьезнее и тоже не контролируемое... Ну а наличие выхода из бутылки, вовремя оживший «шнек», погибший «долговец» – это уже чисто работа Хозяев, тут у меня нет никаких сомнений. А как тебе здешние «монолитовцы», в упор нас не видящие?

– Хорошенькое дело «никаких сомнений»! – возмущаюсь я. – Да сколько раз нас могли убить ни за что ни про что – ты считал?

– У меня не было никаких сомнений как раз потому, что я считал, – говорит Вычет. – А теперь я просто это знаю. Как знаю и то, что нас разделили нарочно и больше не дадут соединиться... Хозяевам нужен только я.

Стою, как пыльным мешком огретый. Пытаюсь поймать Вычета на какой-нибудь несуразности, и ничего у меня не выходит. В его версии противоречий меньше, чем в любой другой, а значит, он подобрался близко к правде. Быть может, он прав во всем. И кому здесь интересно, что мне не нравится такая правда, что она мне как кость в глотке?

Шорохи, стоны, непонятные вздохи, а мне на них плевать. Машинный зал занят сам собой, и ему плевать на меня. В расчете. Я не боюсь его. То, что произошло, для меня страшнее всех ловушек.

Нет Исполнителя Желаний. А мною подло воспользовались как инструментом каким-нибудь. Одноразовым!

– Я пытался тебе сказать, – с участием говорит Вычет, – но ты не желал меня слушать. Мы оба не виноваты, и все же – прости. Я мог быть более настойчивым, я мог попытаться внедрить тебе в мозги правду, поискать способ как-нибудь перебить Зов... Прости, я не стал

искать.

Он замолкает, молчу и я. Не знаю, что сказать и что сделать. Обвели тебя вокруг пальца, сталкер Чемодан, как мальчишку обвели, и теперь у тебя остается только одно: не вздумать жалеть себя, а законную злость направить исключительно на свое спасение. Будь злым, но терпеливым и умным, не раскисай, собери волю в кулак, забудь об усталости, приготовься к броску через ад. Может быть, тебе повезет. Уже никто не станет играть с тобой в поддавки, скорее наоборот, а только сдаться без борьбы невозможно. И стыдно, и помирать не хочется.

– Не знаю, выпустят ли тебя отсюда, но я буду за тебя просить. Вычет будто читает мои мысли. Вот блин, в его голосе настоящее сострадание! Удружил мне родственничек, в хорошенькую втравил историю! Просить он за меня будет! А получив отказ Хозяев, разведет руками и вздохнет: ну что ж, нельзя, мол, значит, нельзя?!

– Не надо злиться, – мягко, как ребенку, говорит мне Вычет. – Хозяевам это не понравится. Пойми, ты не представляешь для них ценности.

Похоже, что так. Теперь, когда на меня не действует Зов, я худо-бедно могу соображать. Боже, зачем я полез сюда? Ведь я же нормальный человек, и сталкером был очень осторожным, довольствовался малым и далеко не ходил, а после и вовсе поселился у моря, покинув Зону, казалось, навсегда... Ну на что мне сдались эти подвиги по чужой воле? Я через все прошел и Вычета провел, а теперь меня того и гляди прихлопнут за ненадобностью. Боже, выведи меня как-нибудь отсюда, не оставь, защити! Я все сделаю сам, ты мне только подсоби чуток!..

Но нет бога в Зоне. Я и сам понимаю, что неумелая моя молитва не более чем аутотренинг.

– У меня еще есть немного времени, – говорит Вычет. – Спрашивай, если хочешь. Только учти, если я сболтну лишнее, это уменьшит твои шансы, поэтому формулируй вопросы аккуратнее...

– Как выбраться отсюда? – задаю я самый животрепещущий вопрос.

– Не знаю. Но я бы на твоём месте не пробовал выбираться тем же путем, каким мы сюда вошли. Это не знание, это ощущение.

Спасибо и на том. У нас сходные ощущения.

– Кто такие Хозяева?

– Ты это знаешь, – - отвечает Вычет. – Группа «О-сознание». В данном вопросе мифы Зоны близки к истине. Действительно, была такая группа молодых и не очень молодых ученых с хорошими мозгами. Преимущественно физики и математики, хотя были также биологи, химики, лингвист даже... Проект финансировала группа олигархов... не только российских и украинских. Имен я не назову для твоей же безопасности. Группа была небольшая, но деньги были большие, а цели ставились грандиозные. Суть проекта: управление ноосферой, иными словами, введение совокупной мыслительной деятельности человечества в определенное русло с целью страховки от глобальных потрясений и обеспечения незыблемости основ. Из всего этого пока получилась одна только возможность управления – и то довольно относительная психикой и целеполаганием отдельных человеческих индивидуумов.

– Зов?

Вычет кивает.

– Зов. Внутри Зоны, разумеется, у «О-сознания» гораздо больше возможностей. Зона – это и оружие, и в потенциале рычаг для сдвигания Земли, выражаясь фигурально, и защита группы – - уже сейчас. Она, как я уже говорил, была сконструирована прежде всего в качестве полностью автономной среды обитания нового коллективного разума человечества...

– Подвластного олигархам?

– Нисколько. Очень скоро выяснилось, что цели и задачи, поставленные той группировкой финансовых воротил перед группой «О-сознание», либо физически не

реализуемы, либо ведут к скорому краху цивилизации. Объяснить это олигархам оказалось невозможно. В результате группа «О-сознание» как бы закапсулировалась внутри Зоны – достань ее теперь! – и занимается совершенно особой группой проблем...

– Это какой же, любопытно знать? – кривлю я рожу уже по инерции, а в голове полный хаос.

– Вряд ли тебе будет это интересно, – пожимает плечами Вычет, но пожалуйста. Думаю, те олигархи до сих пор полагают, что «О-сознание» занимается вопросами управления ноосферой, и ждут результатов. Долго ждать будут. – Вычет саркастически улыбается. – В действительности, если только я правильно понял, группа работает над проблемой умозрительного познания Вселенной... Непонятно? Хорошо, я попробую популярнее... Вот, скажем, наука. Ее инструменты – теория, эксперимент и наблюдения, причем последние преимущественно там, где эксперимент невозможен, скажем, в космологии. А также несколько методологических принципов актуализма, парсимонии и так далее. Такой инструментарий естествен для слепых и глупых, каковыми мы, люди, и являемся. Нет, с его помощью можно кое-как двигаться вперед, что наука и делает, постоянно впадая в ошибки и выкарабкиваясь из них... но представь себе иное. Можешь? Представь себе непосредственное получение знаний о Вселенной от самой Вселенной. Представил? А теперь представь, что это уже начинает работать!..

Ничего я не представил, а только вижу: у Вычета глаза горят. Хотя на кой ляд мне теперь его глаза и даже он сам?

А он говорит и говорит. Прорвало его наконец-то, понос словесный у человека. Оратор, блин, какой. Главное, нашел место и время! Ловлю через два слова на третье, но кое-что все же откладывается под несчастной моей черепной коробкой. Во-первых, мне становится ясно, что еще после Первого взрыва на ЧАЭС были отмечены некие необычные физические эффекты. Аномальная энергия, что ли? Наверное, она. Во-вторых, именно вследствие этих эффектов почти пустынная зараженная местность вокруг ЧАЭС была выбрана в качестве экспериментальной площадки. В-третьих... уже через несколько месяцев после этого случился Второй взрыв и возникла та Зона, какую мы знаем. Ну и наконец, в-четвертых – группа «О-сознание», которую неграмотные люди вроде меня именуют Хозяевами, продолжает работать, находясь на полном самообеспечении, изредка вмешиваясь в жизнь Зоны, а главное, человечеству не стоит опасаться массового вмешательства в его умственную (у кого она есть) и психическую деятельность. У «О-сознания» свои задачи, хотя группа олигархов, инициировавшая проект, вероятно, по-прежнему убеждена, что все идет как надо, но только медленнее, чем ожидалось, из-за нехватки интеллектуальной мощности группы...

– Потому-то и не было действительно серьезных попыток помешать нам...

Ничего себе! А то, что было, – несерьезные попытки?

Хотя... наверное, да. Везде свой масштаб. Для меня Носорог и его холуи – сила. Для тех, кто стоял за группой «О-сознание», Носорог не более чем мелкая бородавка на ровном месте. Прижечь ее – и нет бородавки. А сталкерские кланы с их законами и иллюзией свободы, якобы обеспеченной недоступностью? Они существуют только потому, что серьезные дяди их не замечают. Мало ли всякой мелюзги копошится под ногами!

И таких-то серьезных дядей «О-сознание» обвело вокруг пальца? Свежо предание, да верится с трудом. Но если дело обстоит именно так, то... молодцы. Не все ученые, выходит, лохи. Но что же получается – этой группе умников и впрямь не хватает мозгов для дел великих?

– Помнишь, в бутылке мы видели надпись «Леший и Дюймовочка»? – спрашивает Вычет. – Не знаю, кто такой Леший, а Дюймовочка – это Вальтер Глогенау, физик, очень яркий ум. Им тоже помогали, и Вальтер теперь там. – Большой палец Вычета показывает через плечо назад.

Может быть, его дурят. Но если он говорит правду, то для меня это несколько не лучше. Допустим, Дюймовочка, которая на самом деле мужик, добралась, куда хотела

добиться, – а где Леший? Я тоже не знаю, кто он такой, но выпустила ли его Зона?

Не стану и спрашивать – наверняка Вычет не осведомлен о судьбе какого-то там Лешего. Какая ему разница?!

Стою, будто оплеванный. Мною манипулировали. Я только инструмент, средство для доставки Вычета Хозяевам. Не больше. Все лестное, что я думал о себе как о человеке, можно забыть. Никто и никогда не унижал меня так!

Инструмент. Рычаг. Даже не «отмычка» – хуже!

И кого мне винить – Вычета? Он ведь в самом деле не раз говорил мне, что думает о цели нашей экспедиции, – ну и кто теперь виноват в том, что я не хотел его слушать? Хозяева? До них не дотянешься, наоборот, это они могут дотянуться до меня в любую минуту...

Что делать мне? Делать-то что?

Возвращаться оплеванным. Попытаться выжить и извлечь из всего этого позора хотя бы материальную выгоду. А что еще?

– Я думал, ты ищешь Исполнитель Желаний, – говорю я тихо. – Я-то искал его. Для тебя.

– И нашел, – кивает Вычет. – Ты думал, что я хочу на тот свет? Нет, я только хотел уйти из вашего мира, потому что не мог больше в нем жить. Ты думал, что поманил меня Исполнителем Желаний, а я знал, что никто не вернет мне Катю. Невозможное – невозможно. Я пошел с тобой только тогда, когда понял, что на самом деле Хозяева намереваются рекрутировать меня в свои ряды. Вот и ладно. Я лягу в кокон, и мой разум сольется с их разумом, сделав его чуточку мощнее или гибче, и с каждым новым рекрутом мощь этого интеллекта будет прибывать, пока... не знаю, что случится потом, но тем лучше! Я пошел за тобой, потому что понял: такой уход из мира неизмеримо интереснее вульгарной смерти. Неужели ты меня не понимаешь?

Молчу.

– Вижу, не понимаешь, – вздыхает Вычет. – Ну что ж, каждому свое. Мне в кокон, а тебе... удачи тебе и счастливой жизни. А теперь прощай, мне пора.

В какой еще кокон? «Матрицу» я смотрел и коконы для людей там видел. Неужели... в такой же? Добровольно? То-то и оно.

Исполнилось его желание. И он, и Хозяева получили то, что хотели. А я?

А я стою столбом, опустив ненужный автомат, и не знаю, на кого мне злиться, на себя или на Вычета? И кого мне сильнее жалеть, себя или его?

Он уходит, не оглядываясь, – маленький, щуплый, почти жалкий, но уже нашедший свое место и свою роль, не то убогий, не то великий. Я гляжу ему вслед до тех пор, пока его силуэт еще можно различить в слабом свете фосфоресцирующих стен.

Когда он полностью растворяется, я остаюсь один в сердце Зоны. Налево – смертельный барьер, направо – Монолит, ловушка для алчных дураков. Если я выберусь отсюда и расскажу людям всю правду о нем, Хозяевам придется изобретать новые обманки. Ничего! Они легко зажгут новые свечи для новых глупых мотыльков.

Вздохи, шорохи. Машинный зал живет своей непонятной жизнью. Где-то поблизости ходят, бормоча под нос непонятные слова, мобилизованные Хозяевами зомби, а их контролеры ждут приказа Хозяев. Прихлопнуть меня сейчас чрезвычайно легко – как Виктора. А отпустить восояси – легко?

Не знаю и не узнаю, пока не попытаюсь выйти. Тогда посмотрим.

Устал я адски, а отдыхать некогда. Пора. Лишние мысли – вон из головы! Я все еще боевая единица. Соберись, сталкер! Ты ведь столько раз делал это раньше – всегда умел мобилизоваться, даже после того как терял друзей, и всегда это тебя спасало. Поднатужься. Попробуй еще раз.

Ты потом вспомнишь о Вычете и о своей роли в его судьбе. Ты еще много раз успеешь подумать о Зоне, о ее Хозяевах и о ползающих по ней человеческих букашках. Ты вспомнишь – если забудешь об этом сейчас. Потому что если сейчас ты не настроишься на

борьбу и победу, забыв обо всем остальном, то некому будет вспоминать.

– Ну, готов? – спрашиваю я себя и сам же отвечаю:

– Готов.

– Тогда вперед!

Эпилог

В который раз убеждаюсь, что «надейся на лучшее, готовься к худшему» – правильная жизненная установка. К чему бы я ни готовился, надежду у меня никто не отнимет.

Зона не убила сталкера Чемодана. То ли Хозяева против всех ожиданий уважили просьбу Вычета, то ли им просто было не до меня. До букашек ли, когда занимаешься глобальными делами?

Мне позволили уйти. Никто из Хозяев, конечно, не стал расстилать передо мною ковровую дорожку, но и никто из них не стремился во что бы то ни стало отправить меня на тот свет. Против меня была только Зона, уже не играющая в поддавки. Просто Зона, не прощающая ошибок. «Шнек» вновь уснул, мне остались только детектор и остатки чутья.

Я шел назад так быстро, как это было возможно. Двое суток с короткими привалами и совсем без сна. Когда становилось совсем невмоготу, поддерживал себя стимуляторами. Я знал, что расходую последние резервы сил и рассудка – осторожного моего рассудка, не велящего соваться в воду без знания брода.

Несколько раз мне повезло, причем дважды по-крупному. Первый случай был между Радаром и Милитари, когда меня потащило в странную «воронку», не регистрируемую детектором, и внезапно отпустило. «Воронка» оказалась пульсирующей – я и не знал, что такие бывают. Второй реальный шанс расстаться с жизнью выпал мне уже на подходе к лагерю Сидора, когда я заподозрил неладное и, предприняв обходной маневр, не попал в бандитскую засаду. Дело ограничилось перестрелкой, мне оцарапало череп над правым ухом, а я, кажется, никого не подстрелил, но успешно оторвался – живой и невредимый, с хабаром и без единого патрона. Гранаты я истратил еще в Милитари, отбиваясь от стаи черныбыльских псов...

Как и в прошлый раз, меня беспрепятственно пропустили в «Харчи». Чего уж там, после драки кулаками не машут. Бешеного Кипятка уже не было в живых, Штангель отдыхал в больнице, а если кто-то из клана хотел со мною посчитаться, то куда спешить? Вот он я, сам отдался в руки. И главное: кто рулит кланом в отсутствие Штангеля? Сидор.

О том, как мы торговались с ним за «шнек», можно было бы написать отдельную сагу. Разумеется, я, как и в прошлый раз, прикопал «шнек» вне пределов лагеря, чтобы не вводить покупателя во искушение. В итоге торга денег вышло чуть меньше, чем я думал, и вышло бы еще меньше, не будь «шнек» в активном состоянии столь полезен в Зоне. Но вышло в целом приемлемо – на небольшую гостиницу у моря хватит. Менее ценный хабар я продал Сидору оптом едва за десятую часть стоимости «шнека».

Торг позади и мы пьем коньяк, очень хороший коньяк, а не водку-горлодер, как обычно в «Харчах». Кончена эпопея. Я вернулся живым, и Вычет получил то, что хотел. И Сидор. На моей добыче он сделает очень хорошие деньги. Я рассказываю в общих чертах, через что нам довелось пройти, и он сочувственно кивает, но я вижу: все это не слишком-то его интересует. Для чего купцу знать все эти подробности?

Мы просто пьем коньяк.

– Я ни в чем не виноват, повторяю я на тот случай, если он с первого раза не понял. – Это был Зов Зоны.

– Поверил наконец? – спрашивает Сидор.

Молча киваю. Против фактов не попрешь. Вычет – рекрут Зоны, а я – проводник, средство доставки. Каждый из нас получил свою награду: Вычет навсегда лег в кокон, а я заработал достаточно денег. Радоваться, мне, правда, не с чего: ведь все вышло не так, как хотел я, а так, как хотела Зона. С детства знаю: никогда не получается в точности так, как

нам хочется, как мы планируем и реализуем наши планы, а получается как-то иначе. Всегда. Даже в случае благоприятного исхода. Знаю это – и не могу примириться.

Краткая информация о Хозяевах и роде их занятий не производит на Сидора большого впечатления.

– Ну, это их дела, – заключает он.

Мне обидно, но этот купец сермяжию прав. Чего нам делить с Хозяевами? Только территорию, как делят квартиру люди и безвредная насекомая мелочь. Не попадай под тапок – вот первейшее жизненное кредо букашки, и нет ей иного дела до жизни гигантов.

Впрочем, Сидора интересует еще один вопрос, хотя, похоже, из чистого любопытства:

– Ты видел Монолит?

– Издали. Красивая штука.

– Неужели не хотелось подойти поближе? – допытывается он.

– Хотелось, – признаюсь я.

– Ну и?..

– Ну и прошел мимо. Чудес не бывает, теперь я это точно знаю.

– А-а...

– Мне бы за Периметр, – меняю я тему.

– Сторгуемся, – кивает Сидор. – Или, может, сам хочешь?.. Гляди, мои ребята переправят тебя в лучшем виде, без утруски. Платить только придется, зато надежно. Это новое «окно» в Периметре, о нем еще мало кто знает.

– Сторгуемся, – соглашаюсь я.

Как и в прошлый раз, я сплю в запертой подсобке, и никто меня не тревожит, а утром приходит дрезина – разболтанная рухлядь с кашляющим и воняющим мотоциклетным мотором. Привозит водку и консервов, забирает меня одного. «Шнек» переходит в руки торговца, а я увожу в оттопыренном кармане мою гостиницу. Все мои чувства обострены, и реакция в случае чего последует молниеносно, но Сидор слово держит. Едем. Узкоколейка та еще – шпалы сгнили в труху, костыли либо торчат, как опята, либо совсем повываливались, рельсы ушли в грунт. Дрезина тарахтит, плетясь едва-едва, скрежещет и зверски стучит на стыках, а я все время жду, что она сойдет с рельсов и завязнет в грунте. Но нет – скрипит, дребезжит, то и дело опасно кренится, однако движется. Молодой парнишка, водитель этого, с позволения сказать, механизма, он же мой провожатый, свое дело знает.

Низкое безрадостное небо над головой. Осточертевшая морось. Сейчас такая погода нам на руку – не летают вертолеты. А мимо нас неспешно плывет Зона. Она здесь почти не страшная: бандиты сюда не забираются, не рискуя посягать на территорию клана Штангеля, да и что им тут делать, если эти места не кормные? Аномалий вдоль трассы почти нет, нет и хабара, а значит, не у кого его отнимать. Хотя... вон там, кажется, «трамплин». Одинокий, возникший неведь зачем, бессмысленный и никому не страшный. Просто ненужная вещь в большом, абсолютно чуждом нам доме.

Теперь я знаю наверняка: у Зоны есть Хозяева. Так и буду называть их, хотя, как выяснилось, до Зоны им очень мало дела, и по сути они рабы ее – ведь зависят же они от Зоны, как мы зависим от наличия пищи, воды и воздуха. У этих ребят совсем другие дела, и прав Вычет – Зона для них лишь среда обитания.

Ну ладно, а мы, сталкеры, тогда кто? А наемники, торговцы, бандиты, ученые и весь прочий люд, приросший к Зоне? Навозные черви в куче... гм... питательного субстрата? Кишечные паразиты? С кем нас ни равняй, одно ясно: в любом случае – низшие существа. Мы и ведем себя так. Это ведь, по логике, очень правильно. Низшие не могут позволить себе ни благородства, ни чести, ни высоких порывов. Если Хозяева почти боги и выше таких материй, то мы ниже их. Странно, что раньше я не замечал этого, мне понадобилось уйти из Зоны и вновь вернуться в нее, чтобы увидеть ее свежим взглядом. Что за мир, что за общность людей такая рождается здесь? И люди ли мы еще? Кто мы такие, пользующиеся Зоной и используемые ею по мере надобности? Или убиваемые ею? Или подчиняемые? Или такие, как я, которого Зона использовала, над которым надсмеялась, но которого все же

пожалела и выпустила?

Вправе ли мы тащить сюда старые, внезонные представления о добре и зле – или Зона сама разделит нас на волков, шакалов и колорадских жуков, а нам надо только не противиться этому, потому что все равно бесполезно? А может, вопреки всему мы не только вправе и здесь быть людьми, но и обязаны?

Не знаю ответа. Не мешало бы разобраться, да только разбираться надо здесь, а не в Коктебеле, куда я начал путь и куда обязан донести в целости вырученные деньги. Тук-тук... тук-тук... стучат колеса дрезины на разболтанных стыках.

Стоп. Приехали. Дальше пешком.

Канал, которым пользуется Сидор, надежнейший, у этого купца все схвачено, и все равно провожатый торопит: неровен час, мол... Всякие бывают случайности.

Вечная осень Зоны быстро сменяется зимой, и это правильно декабрь на дворе. Новый год я встречу с Адой. Пусть пилит меня враз перестанет, увидев материальные результаты моего отсутствия. А я скажу, что нарочно ничего не сообщал, хотел сделать сюрприз. О том, что я вообще был в Зоне, – говорить ли? Пожалуй, придется, не то Ада еще решит, что я вляпался в наркобизнес или, может, краденными человеческими органами торгую, – и поди убеди ее в том, что не нужны мне ни наркота, ни чужие почки и прочие потроха.

А вот и первые снежные пятна на раскисшей от вечной мороси земле серые, сочащиеся ледяной талой водой, но чем дальше, тем холоднее воздух и снег более похож на снег. Вот уже и сплошной снежный покров пошел, а вон и проволока. Как караульные, подельники Сидора, собираются уничтожить наши следы на снегу – не знаю и не интересуюсь. Их проблемы.

Последний шаг – и я уже вне Зоны. На самом деле этот шаг был сделан раньше, потому что между Периметром и собственно границей Зоны оставлена полоса земли, но какая разница? Обернувшись на ходу, я запускаю руку в карман и выуживаю монетку – пять хохляцких копеек. Подбрасываю ее на ладони и швыряю назад, за Периметр. Так отдыхающие бездельники швыряют монетки во все водоемы, от моря до самого чахлого фонтана, чтобы вернуться к ним когда-нибудь. Я вернусь. Слышишь, Зона? Позовешь ты меня еще раз или нет – мне без разницы. Я выжил и разбогател, но проиграл этот раунд игры, а ты выиграла, получив то, что хотела. Но ведь наша игра не кончится в один раунд, верно?

Жди. Я еще вернусь.